

РУССКАЯ РУЛЕТКА

Немецкие деньги
для русской революции

Астрель

Герхард Шиссер, Йохен Трауптман

РУССКАЯ РУЛЕТКА
Немецкие деньги для русской революции

Москва
Астрель — АСТ
2004

УДК 94(47)
ББК 63.3(2) 524
Ш64

Настоящее издание представляет собой перевод с немецкого оригинального издания "Russisch Roulette. Das deutsche Geld und die Oktoberrevolution", впервые опубликованного в 1998 г. Das Neue Berlin Verlagsgesellschaft mbH, Rosa-Luxemburg-Str. 16, 10178 Berlin.

Перевод с немецкого В.Ф. Дизендорфа

Ш64 Шиссер Г.
Русская рулетка: Немецкие деньги для русской революции / Г. Шиссер, Й. Трауптман; Пер. с нем. В.Ф. Дизендорфа. — М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2004. — с. 254.

ISBN 5-17-023707-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-08757-3 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 3-360-00850-2 (нем.)

В книге рассказывается о громадных денежных суммах в марках и рублях, поступавших на счета большевиков из германского Рейха. Победа большевиков в октябре 1917 года с самого начала являлась также результатом единственного в своем роде, исторически беспрецедентного заговора большевиков во главе с Лениным и германских генералов и дипломатов.

Основываясь на многочисленных документах, многие из которых считались утраченными, на материалах, до сих пор носящих гриф «Совершенно секретно», авторы исследуют все детали этого заговора и вскрывают ее подоплеку.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей XX века.

УДК94(47)
ББК63.3(2)524

ISBN 5-17-023707-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-08757-3 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 3-360-00850-2 (нем.)

© Das Neue Berlin Verlagsgesellschaft mbH, 1998

© Оформление, перевод на русский язык.

ООО «Издательство Астрель», 2004

ДВОЙНОЕ НАЧАЛО

Несколько лет назад, работая над телевизионным документальным фильмом о таинственном и необыкновенном мезальянсе между Рейхсвером и Красной Армией в 20-х годах, мы наткнулись в своих исследованиях на невзрачную толстую книжечку, изданную в 1919 г. Американский журналист Эдгар Сиссон сообщал в ней о невероятной грязной сделке между германским кайзеровским Рейхом и большевиками — германо-российском заговоре для финансирования Октябрьской революции. О миллионной сделке века, имевшей последствия для всего мира.

Мы едва могли поверить во всю чудовищность этого гигантского политического заговора. Он распалил нашу фантазию. В конечном итоге политическая тайна слишком часто представляет собой сознательное политическое утаивание.

Однако наше первоначальное любопытство было приглушено, когда мы обнаружили указания на то, что с доказательствами, опубликованными Эдгаром Сиссоном, не все было в порядке. Перед нами предстало переплетение правды и полуправды, фактов и легенд, предположений и клеветы. Распутать этот клубок удавалось лишь с трудом. Мы тогда не подозревали, что маленькая книжечка Эдгара Сиссона заинтересует нас позднее еще раз.

В конце концов американский дипломат и знаток России, историк и философ Джордж Ф. Кеннан убедил нас заняться этой темой. Мы решили пойти по следам утверждений, выдвинутых Эдгаром Сиссоном, этих невероятных историй о, пожалуй, одном из самых темных заговоров столетия.

Дальнейшие поиски стали сюрпризом. Найденное нами ошеломляет и расходится с обычными мнениями ученых, закрепленными в учебниках. При этом вновь возник фильм. Едва он был показан, как до нас дошли протестующие послания: когда, наконец, оставят в покое историю Германии? Теперь на немцев возлагают еще и вину за русский коммунизм!

Истины в последней инстанции не существует, даже для правдолюбцев. А официальной историографии, видимо, всегда нужна картина, которая, подвергаясь все новому коррек-

тированию и ретушированию, до тех пор переделывает подлинный ход событий в желаемом направлении, пока приукрашенное отображение не становится таким совершенным, каким оно должно было бы быть в действительности.

Берлин, март 1998 г.

Герхард Шиссер,

Йохен Трауптман

БЕГСТВО ИЗ ПЕТРОГРАДА

Пронизывающе холодный мартовский ветер дует над обширным ледяным пространством. Посреди пустыни, покрытой глубоким снегом, группа замерзших людей толпится вокруг флага из шелковой материи, вбитого в снег. Звездно-полосатое знамя должно их защитить. — Картина бедствия.

Все боязливо уставились в одном направлении. С определенного берегового отрезка они ожидают спасения из своего жалкого положения.

Красные доставили людей, путешествующих в подлинно авантюрных условиях, вместе с их багажом на остров посреди не озера и вернулись затем на далекий берег. Теперь беженцы надеются, что белые с противоположной стороны рискнут предпринять атаку по льду и доставят людей, в большинстве своем дипломатов из Петрограда, с их сотнями мест багажа на другой берег, чтобы через несколько дней или недель переправить их у Торнио — Хапаранды, что на Крайнем Севере, в 60 милях от Полярного круга, через бывшую российскую пограничную станцию в нейтральную Швецию.

Положение щекотливое. Группа путников угодила в эти мартовские дни 1918 г. буквально между фронтами. Однако никто не может сказать, где, собственно, проходит в этом неоглядном просторе линия фронта между революционерами и их противниками-белогвардейцами, между красными и белыми. Кто скажет, где в этом однотонном зимнем ландшафте тебя подстерегают друг и враг? Вокруг, ничего, кроме бесконечных лесов и

тысяч озер, больших и малых. И кто, собственно, друг и враг для этих причудливо-темных иностранцев, заброшенных ходом событий в столь негостеприимное место? Это катастрофа.

Один из ожидающих кажется особенно нетерпеливым и нервным. Это — американец Эдгар Сиссон, специальный представитель президента США и сотрудник Американского комитета по общественной информации (US-Committee on Public Information) в Петрограде, который чувствует себя в этом рискованном предприятии не у дел.

Честолюбивый, почти 30-летний дипломат глубоко убежден в том, что должен решить важную патриотическую задачу. Но до Белого дома ему предстоит еще очень долгий путь.

Сиссон хочет доставить контрабандой ряд документов, очень взрывоопасных в политическом отношении, из новой империи красных комиссаров в Вашингтон. Для надежности он убеждает одного из спутников, курьера норвежской миссии, не вызывающего политических подозрений, временно взять эти бумаги к себе и переправить их через красно-белую линию фронта. Но, возможно, Сиссон, представляющийся столь энергичным сорвиголовкой, просто слишком боязлив, чтобы самому подвергаться опасности с этими документами. Во всяком случае, он для начала, так сказать, засунул «горячие бумаги» под шубу норвежцу.

Если здесь, на этой линии фронта, все сойдет благополучно, Сиссону придется пробиваться через Швецию и Норвегию затем на судне в Англию, а оттуда проследовать дальше через Атлантику. В общем и целом это будет для него прогулка длиной в 7000 миль. Но Сиссон должен обязательно встретиться лично со своим президентом. Они должны переговорить с глазу на глаз. По поводу этой мировой сенсации, которую в данный момент держит в кармане ни о чем не подозревающий норвежец.

Пакет содержит много документов, которые все вместе разоблачают невероятный военный заговор. Бумаги предоставляют доказательства коварного сговора между двумя великими державами, воюющими друг с другом в этой самой кровавой из всех известных войн, они вскрывают коварную и грязную политическую сделку между Германией и российскими путчистами.

Со времени позднего вступления США в эту мировую войну почти год назад Германия однозначно является для Сиссона враждебной державой, а Россия — напротив, союзницей Америки, объединившейся с Великобританией и Францией против Германии в качестве партнера по Антанте. И теперь ему, Эдгару Сиссону, опытному журналисту и публицисту, представляется, что он открыл тайну, которая при своем обнаружении взорвется подобно политической бомбе и даже окажет решающее влияние на исход войны.

Сиссон убежден, что президент Вильсон будет с нетерпением ожидать его. Ведь ему, честолюбивому журналисту, удалось убедить посла в Петрограде Фрэнсиса телеграфировать Госдепартаменту в Вашингтон полный текст особо секретных бумаг как предварительную информацию для президента. Страницу за страницей, в течение трех дней — это потребовало значительного напряжения от опытного посольского телеграфиста.

Теперь Сиссон хочет продемонстрировать документы президенту в Белом доме в качестве неопровержимого наглядного подтверждения. Неоспоримого доказательства «германо-большевистского заговора» (*German-Bolshevik Conspiracy*), как он уже сформулировал. И мировая общественность узнает из уст могущественного президента США, что немцы финансировали российскую революцию большевиков многими миллионами марок, рублей и шведских крон. Почти невероятная, но тем более тревожная правда.

2 февраля 1918 г. майор Раймонд Робинс из американской миссии Красного Креста передал Сиссону несколько бумаг для информации и экспертной оценки. В основном это были переводы на английский распоряжений и докладов германского Генерального штаба и Министерства финансов, циркуляры Рейхсбанка. Всюду точно указаны даты, инстанции и номера документов. Подписи банковских директоров, офицеров Генерального штаба, сотрудников спецслужб и постоянно встречающиеся имена Ленина, Троцкого и других первых лиц из числа новых политических вождей.

Сиссон поначалу ошеломлен. Если верно то, что можно прочесть на этих листах, значит немцы скупают целое революци-

онное правительство. И оно затем должно немедленно заключить мир на германо-русском фронте. Это бы однозначно противоречило обязательствам России перед ее союзниками — Англией, Францией и США, было бы равносильно открытому разрыву союза и, более того, являлось бы изменой державам Антанты, которые твердо намерены одержать военную победу над Германией.

Сиссон разворачивает бурную деятельность. Он запрашивает дальнейшие тексты документов и хочет вникнуть в суть дела. Но Робинс хранит молчание об источнике бумаг, очень важных в политическом отношении. Тем не менее в этот второй день февраля начинается история документов Сиссона, история всемирного заговора.

Собственно, следы секретной истории Сиссона уходят далеко в прошлое. Его любопытство разгорается уже при первой аудиенции, которую Ленин дает ему и Робинсу. Беседовать с Лениным, страстным, чрезвычайно ловким профессиональным революционером, нынешним первым лицом в новой России, — об этом Сиссон, собственно, мог лишь мечтать, ведь беседа на столь высоком уровне предоставляется, в лучшем случае, послу. Правда, Сиссон считает его крайне некоммуникабельным.

Когда 10 января в посольстве США в Петрограде начинает стучать телеграф, Сиссон неожиданно получает шанс на встречу. Вашингтон передает речь президента Вильсона, где тот излагает политику США в текущей ситуации и в этой связи также позицию по отношению к новому правительству России и его политике. Все наличные силы в посольстве немедленно берутся за перевод текста речи на русский язык. В Петрограде давно стемнело, когда Сиссон и сотрудник посольства Александр Гумберг около шести часов вечера спешат в расположенный недалеко Смольный, резиденцию нового правительства. Они хотят передать Ленину и Троцкому точный текст речи и надеются даже на небольшую разъяснительную беседу. Это бы необычайно польстило честолюбию Сиссона. Но обоих советских вождей нет на месте. Сиссон разочарован.

Однако позднее то, на что уже не было надежды, все-таки происходит: Гумбергу неожиданно удастся действительно до-

говориться об аудиенции для Робинса и Сиссона у Ленина на следующий день. Сиссону приходится с трудом подавлять свою радость, ведь уже с момента своего прибытия в Петроград 25 ноября 1917 г. он страстно мечтал о такой встрече. Поздним вечером 11 января 1918 г. два американца предстают перед великим революционным вождем.

Ленин производит на Сиссона впечатление буржуазного бургомистра мелкого французского городка. После встречи он записывает: «Небольшого роста, редковолосый, волосы и борода бронзового цвета, маленькие глаза, круглое лицо, улыбающийся и дружелюбный, когда он этого хотел, как в данном случае».

Ленин держится непринужденно, свободно и лояльно, он приветствует послание президента США как неожиданную, но заслуженную помощь. А на английском Ленин добавляет: «Это большой шаг вперед на пути к миру во всем мире».

Сиссону бросается в глаза, что Ленин резво, как школьник, реагирует на слова человеческого понимания, которые нашел президент Вильсон в отношении России. Правда, затем Ленин совершенно неожиданно поражает американцев словами: «А меня называли немецким шпионом». Однако беседа тут же вновь обращается к другим темам, и Ленин выражает недовольство, что США не хотят дипломатически признать новое Советское государство.

В последующие дни Сиссон часто размышляет о преподнесенном с улыбкой высказывании Ленина, что его называли немецким шпионом. Не хотел ли советский вождь проверить реакцию американцев, узнать их мнение о подозрениях, которые летом минувшего года сообщали общественности люди Керенского?

Всякий раз, когда в руках Сиссона оказываются новые секретные документы, компрометирующие самого вождя революции, его правительство и партию, он видит перед собой улыбающегося человека. Ленин-шпион — в это Сиссон не верит. Но история с деньгами, видимо, все же достоверна.

С этого столь памятного для Сиссона дня начинаются его трения с Робинсом. Тот испытывает глубокое восхищение Ле-

ниным, Сиссон же слышит предостерегающие сигналы из глубин своего сознания. Сиссон не доверяет Ленину. Разногласия двух американцев при оценке личности Ленина вскоре заходят столь далеко, что однажды утром Робинс больше не появляется, как обычно, за столом для совместного завтрака с Сиссоном.

Холод медленно ползет вверх по телу зябнувшего Сиссона. Мысль о том, что белые все-таки могут по какой-то причине не забрать их группу со льда, приводит его в неистовство. Тогда оказалась бы тщетной не только вся его контрабанда с документами!

Эдгар Сиссон периодически поглядывает на своего молчаливого курьера — с ним и его ценным пакетиком не должно ничего случиться прежде всех остальных. Однако у норвежца, кажется, хорошее настроение. *Постоянное внимание американца* представляется ему таинственным и приятным. Нипочем ему, привычному к холоду скандинаву, и погода.

Сиссону приходит в голову, что его российское приключение началось ровно год назад, когда 2 апреля 1917 г. в Вашингтоне президент призвал Конгресс объявить войну Германской империи. Уже через три дня, 5 апреля, Сенат 82 голосами против шести принял резолюцию об объявлении войны Германии. Назавтра, в Страстную пятницу, США официально объявляют немцам войну, а несколькими днями позже, 14 апреля, правительство США создает Комитет по общественной информации (СРІ), своего рода правительственное ведомство информации и пропаганды. Оно должно «эффективно подавать американскую войну», как очень коротко и резко выражается эксперт по рекламе Эрнест Л. Бернайс, назначенный в СРІ вместе с подходящими журналистами и публицистами, профессорами высшей школы, специалистами по рекламе и политиками.

Джордж Крель, влиятельный газетный магнат, шеф этой первой американской организации по политическим связям с общественностью и друг президента Вильсона, призывает в СРІ и изворотливого Сиссона за его тонкий журналистский нюх на сенсации и сразу же доверяет ему самый трудный пост: он направляется в потрясенный революцией Петроград в качестве специального представителя президента.

В апреле 1917 г. германское Верховное командование сухопутных войск сопроводило Ленина из его швейцарского убежища через всю «вражескую Германию» с юга до крайнего севера, к балтийскому порту Засниц на острове Рюген. Под хорошей охраной и защитой, чтобы с ним по пути, не ровен час, чего не случилось. Ленин, согласно желанию германского руководства, со своими более чем двумя дюжинами профессиональных революционеров был благополучно доставлен в Петроград через нейтральную Швецию.

Сиссон убежден, что немцы были в этом очень заинтересованы. Германский кайзер утром 12 апреля из предосторожности даже дал свое знаменитое «указание за завтраком» — если шведы не дадут революционному стратегу разрешения на транзит, в крайнем случае переправить Ленина в Россию непосредственно через германскую линию фронта на Востоке. Об этом, согласно приказу Его Величества, должно было позаботиться Верховное командование сухопутных войск.

Сиссон все яснее осознает, насколько долговременным и далеко разветвленным является германо-российский заговор. Отсюда он делает вывод, что и «его» секретные бумаги должны быть подлинными, так что сверхосторожные вопросы посла Фрэнсиса о подлинности документов больше не производят на него впечатления.

Германо-большевистский заговор, представляется Сиссону, имеет широкое тыловое обеспечение и разработан до деталей. Это однозначно вытекает из каждого документа, например из сообщения, что по указанию Дойче Банк должны уничтожаться все компрометирующие документы.

Было удалено и досье Министерства юстиции по делу об «измене» тов. Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай, Субенсон. Сиссон скоро знает наизусть фамилии всех заговорщиков, так часто они фигурируют в бумагах. Вновь и вновь называются имена Троцкого и Каменева.

Имеется документ о том, что были «пересмотрены» счета одиозного «Ниа Банкен» в Стокгольме, через которые, умело маскируясь, проводились крупные платежи. А вот пугливое сообщение представителя германского Генерального штаба об аресте агента,

у которого еще имелись компрометирующие документы германского Рейхсбанка, и о том, что уничтожение подобных бумаг, видимо, не всюду смогло быть предпринято своевременно.

Из одного документа Рейхсбанка вытекает, что через Стокгольм были переведены колоссальные суммы в золотых рублях на поддержку Красной Гвардии и подстрекателей в стране. Появляется и квитанция на 5 млн рублей, которые Рейхсбанк перевел со счета Генерального штаба, а в других квитанциях фигурируют 10, 20, даже 50 млн золотых рублей!

Речь идет и о договоренностях между Рейхсбанком и промышленниками об общей стратегии в умиротворенной России или о тайной транспортировке трех разобранных немецких подводных лодок по Транссибирской железной дороге до тихоокеанского порта Владивосток. Эти подводные лодки, которые там вновь предполагается собрать, должны нанести долгосрочный ущерб господствующему положению сильного английского и американского торгового флота и позднее должны быть переданы Красному Флоту, вновь созданному в этом районе Тихого океана.

Для Сиссона ясно: германский Генеральный штаб участвовал в планировании Октябрьской революции, германский Рейхсбанк финансировал революцию Ленина и Троцкого против царского режима до и во время нее. Игра в рулетку с немалым риском, но и с крайне высокими ожиданиями выигрыша! Все это — ни больше ни меньше как попытка германского Генерального штаба ликвидировать изнутри и извне царскую армию, а тем самым и Восточный фронт посредством поддержки Ленина и большевиков и освободить путь германскому капиталу в бесконечные российские просторы. Освободить не выстрелами, а куплей у банка «Большевики».

Сиссон напряженно всматривается в противоположный берег. В кого стреляют белые через озеро? Они только угрожают и палят в воздух, или для кучки дипломатов посреди льда возникает угроза?

Сиссон оглядывается назад. Там все еще заметны темные точки в снегу. Мертвые красноармейцы, которые несколько дней назад находились в дозоре и были подстрелены как зайцы

белыми с того берега. Капитан Салминен, командир красных финнов в этом районе, рассказывал им, что белые начинают стрелять по красным спасательным частям, как только сопла-ты пытаются достать со льда своих мертвых товарищей.

Здесь на Севере, в Финляндии, идет беспощадная Гражданская война, проносится в голове у Сиссона. При этом Финляндия еще четверть года назад принадлежала России. Здесь все русские или финны? Сиссон думает об американской Гражданской войне, где жители южных штатов воевали с жителями северных штатов, американцы против американцев.

К красному капитану Салминену Сиссон даже питает определенную симпатию. После их трудной поездки на пассажирском поезде с Финляндского вокзала в Петрограде до Гельсингфорса, будущего Хельсинки, столицы Финляндии, тот, во всяком случае, тотчас занялся путниками. После многих препирательств с красными пограничниками и финскими офицерами и ожидания в течение долгих дней ему удалось доставить «иностранцев» на автомобилях до Бьернеборга.

Оттуда поехали дальше на санях, которые опять же достал он, вплоть до этой четкой линии огня между красными и белыми на этом впечатляющем зимнем ландшафте, который гражданская война превратила в опасную для жизни территорию.

Не хотят ли белые все же преградить им единственно возможный, хотя и очень долгий путь по суше на Север, к российско-финско-шведской границе у острья Ботнического залива, в Торнио-Хапаранде? Лишь там, на севере, дипломаты могут ускользнуть, как через бутылочное горлышко, в Швецию. И Сиссон может спасти свои секретные бумаги, переправив их через границу, только таким путем.

Государственный флаг США, кажется, не впечатляет белых, как бы терпеливо ни держал его на пронизывающем северном ветру капитан Уолтер В. Кросли в своей американской морской униформе. Даже когда Джон Д. Тайер вдобавок размахивает туда-сюда в знак их мирных намерений большой белой простыней, признанным во всем мире флагом милосердия, это не побуждает охотно стреляющих белых ни к какому признаку любезности. Кажется, не помогает ничто.

И Сиссону не приходит в голову никакой тактический вариант переправки его секретных документов через линию огня. Когда настроение у всех падает окончательно, сопровождающая их финская переводчица Хильма Ронти, которую капитан Кросли нанял во время промежуточной остановки в Таммерфорсе, неожиданно оказывается ангелом-спасителем. Мисс Ронти, флотский капитан и мистер Тайер мужественно садятся в одни из саней и едут напрямик к береговым позициям белых. Оставшиеся на острове в озере, включая Сиссона, напряженно следят за тем, что произойдет.

Белые не стреляют. Привлекательная и интеллигентная молодая Хильма Ронти, превосходно говорящая на английском, шведском, финском и немецком, тотчас останавливается, когда ей кричат по-английски: «Стой!»

Шведский лейтенант Шарль Диль, добровольно примкнувший к финским белогвардейцам, выслушивает краткий рассказ о планах дипломатов и неожиданно дает свое согласие на пересечение линии фронта.

На 13 санях, в которые запряжены сильные норовистые пони, своеобразный политобоз, везя гору багажа и хорошо припрятанный пакетик с секретными документами, прокладывает глубокий след в снегу. Все дальше на север. В воскресенье, 24 марта 1918 г., около 8 часов вечера санный транспорт вблизи маленького населенного пункта Аль достигает территории, занятой белыми.

Сиссон зорко присматривает за норвежским курьером. Теперь холод уже не кажется ему столь неприятным.

Сиссону и его документам предстоит длинный путь. Чтобы понять политическую взрывоопасность его бумаг, необходимо сначала пройти по другому следу документов, в германские секретные архивы.

Сиссон и его документы — это дым, но что служит огнем?

СТРАТЕГИЯ АПЕЛЬСИНОВОЙ КОРКИ

В какой-то мере они все приходятся друг другу родственниками и свояками. С тех лишь пор, когда прекрасная дочь князя Ангальт-Цербстского доставляется с Эльбы на берега Невы и

выдается замуж за наследника престола, чтобы под именем Екатерины Великой войти в мировую историю своей женской хитростью и завоевательскими аппетитами.

Задолго до этого, во времена Ганзы, неудержимое стремление немцев на Восток создает почву для торговых, культурных и политических связей, которые на протяжении веков все более и более крепнут во всех сферах общественной жизни. Начиная с совместных торговых контор предприимчивых купцов и до высших придворных слоев прусско-германские и русские социальные идеи пронизывают друг друга.

Прусский офицер служит царю в качестве флигель-адъютанта и военного советника, в Берлине русский военный атташе пользуется высочайшим расположением короля.

С одной стороны, закройщики униформ прусской армии ориентируются на покрой, существующий в царской армии, с другой стороны, и русские соединения используют в качестве головного убора характерную прусскую каску с шишаком. Правда, она оказывается в России крайне непрактичной, ввиду холодной зимы, и вскоре вновь заменяется удобной, теплой овчинной шапкой.

В берлинских, как и в петербургских салонах, считается шиком при свечах и приятном звоне бокалов поочередно говорить на языках Гёте и Пушкина, в сопровождении мелодий Шумана и Глинки, доносящихся из музыкальных комнат.

В особенности многие балтийские немцы, с давних пор живущие в качестве подданных русского царя между Восточной Пруссией и «Санктпетербургом» — заложенной Петром Великим столицей огромной империи, — вновь и вновь пытаются навести мосты между крепнущим прусским королевством и гигантской Российской империей. Русофилам в Пруссии и при королевском дворе в Берлине приходится, со своей стороны, мириться с прозвищем «казаки со Шпре».

Кавалерийский генерал Александр фон Бенкендорф, лифляндец из старинного бранденбургского рода, служит великому князю Николаю не только в качестве адъютанта. При восшествии на престол Николая I он назначается комендантом императорской Главной квартиры в Санкт-Петербурге и по

поручению Государя создает совершенную систему слежки и шпионажа с сетью агентов, раскинувшейся по всей Европе. Генерал, немец по происхождению, возвышается до близкого друга царя, никогда не порывая полностью своих берлинских связей. Самое тайное в узком кругу придворной камарильи обеих сторон в этих условиях не может долго оставаться тайной.

Парадная униформа и придворные мундиры военных, министров и фавориток в Санкт-Петербурге и Берлине вскоре больше не позволяют определить, к какому идейно-политическому течению принадлежат их носители и к миру каких идей их можно причислить. А французский язык дипломатии позволяет вновь и вновь элегантно скрывать противоречия, которые, естественно, имеются при обоих дворах.

На встречах глав государств гость и хозяин по протоколу приветствуют друг друга, одетые каждый в униформу другой страны, почти фамильярным братским поцелуем. Каждая встреча монархов становится своего рода семейным визитом, и многие беседы о земельных владениях и политике действительно вращаются в кругу всеобщего кумовства.

Так происходит и 6 апреля 1902 г., когда Вильгельм II и Николай II приветствуют друг друга в Ревельском порту по случаю российских морских маневров на Балтике. На этой встрече проявляется ужасающе простая логика германского кайзера, когда он великодушно предлагает царю совершить второй раздел мира, точнее говоря – мирового океана.

Как в конце XV в. по Тордесильясскому договору португальцы и испанцы, согласно третьейскому решению бесславного Александра VI, папы Римского из семейства Борджиа, поделили меж собой восточную и западную половины не совсем тогда еще известного мира с помощью точно указанной демаркационной линии, так германский кайзер в Ревеле считает себя вправе на нечто подобное. Он предлагает царю, так сказать, в качестве символа второго раздела мира масштабный титул «Адмирал Тихого океана». Себе германец выбирает несколько более скромное звание «Адмирал Атлантического океана». Англию и Францию кайзер в своем предложении, недолго думая, не принимает во внимание: столь легко можно сформулиро-

вать державные интересы монархов, их реализация — это, правда, другая история.

Хотя слухи о доверительных державно-морских речах кайзера на ревельском тет-а-тет просачиваются во французскую и английскую печать и она реагирует в высшей мере возмущенно, Вильгельм II в своем письме к царю от 2 сентября 1902 г., упрямо повторяя договоренность, подписывается по-немецки «Admiral des Atlantik». В этом письме кайзер подчеркивает, что при развитии обоих флотов, российского и германского, решающую роль играют одни и те же интересы. Оба флота следует рассматривать как *одну* большую организацию, и принадлежат они *одному* континенту.

Это задумано — разумеется, с задней мыслью о едином российско-германском военно-морском фронте против далеко идущих великодержавных устремлений Англии и Франции — с одной стороны, очень глобально и, с другой стороны, очень по-братски. Императорская солидарность, однако!

Правда, в это время в мозгах некоторых германо-национальных великодержавных политиков уже бродят и совсем иные планы раздела мира. Еще в 1854 г. прусский дипломат барон фон Бунзен преподносит сюрприз своим меморандумом, в котором он не только призывает Пруссию выступить против России, но и предлагает ошеломляющий передел территории Российской империи. Он вполне серьезно считает, что Австрия должна простираться до Черного моря; Прибалтику, включая Санкт-Петербург, можно поделить между Пруссией и Швецией, а оставшуюся территорию следует расчленить на Мало- и Великороссию.

Такие нереалистичные гегемонистские идеи вполне приветствуются 50 лет спустя, на рубеже веков, склонными к экспансии политическими силами и влиятельными крупными промышленниками Германии, которые полностью забывают предостерегающие слова Бисмарка, что следует на все времена воздержаться от каких-либо идей «раздробления» царской империи, этого необъятно большого многонационального государства.

Именно Бисмарк, будучи в течение трех лет прусским посланником в Санкт-Петербурге, накопил достаточно специфич-

чески российской информации и установил столь тесные личные связи с канцеляриями и министерствами, вплоть до императорского дома, что в Берлине следовало бы лучше прислушиваться к его основательным советам.

Бисмарк метко осуждает фантазии о расчленении, с которыми носится эта сильная фронда среди руководства Рейха и индустрии, как «планы детской наготы». Что постоянно замалчивается под предлогом германских интересов. «Железный канцлер», в других случаях готовый к чреватых последствиями военным хитростям и к смене союзников в зависимости от политической погоды, кузнец насильственного объединения Германского рейха в 1871 г., настоятельно рекомендует, именно в качестве одной из предпосылок будущего существования единого Германского государства, никогда не поднимать в войне руку на Россию.

Однако новая германская великодержавная политика, с ее экспансионистскими устремлениями со стороны немецкой индустрии, в этом вопросе не церемонится. Уже через четыре недели после официального начала Первой мировой войны, 28 августа 1914 г., Исполком Пангерманского союза в «Памятной записке о германских целях войны» из четырех пунктов однозначно и недвусмысленно формулирует, как следует поделить ожидаемые военные трофеи в Европе:

«I. Идея Центральной Европы с гегемонией Германии. То, что Центральная Европа [...] вместе с частями, которые Германская империя и Австро-Венгрия приобретут в качестве приза за победу, образует крупное, единое экономическое пространство, витает в воздухе просто как повелительное требование. К этому ядру (принадлежащие к нему государства даже не попытаются его расколоть) постепенно, прямо-таки с закономерной определенностью присоединятся Нидерланды и Швейцария, три скандинавских государства и Финляндия, Италия, Румыния и Болгария. Если учесть также соседние страны и колонии этих государств, то возникнет гигантская экономическая область, которая попросту по отношению к любой другой сможет сохранить и отстоять свою хозяйственно-политическую независимость.

2. Цель — экономическое ослабление противников путем возложения столь высоких репараций, что они на долгое время больше не смогут представлять угрозы для Германии.

3. Принципиальная цель в отношении Запада: сохранить в руках завоеванную Бельгию, отделить от Франции угольный бассейн и французское побережье проливов от Булони до Соммы. Линия укреплений через Бельфор до Вердена и аннексия Тулона в качестве германского военного порта.

4. Принципиальная цель в отношении России: лицо России необходимо [...] снова насильственно повернуть к Востоку, и для этого она должна быть в основном отброшена к границам времен Петра Великого».

Это означает приобретение и аннексию польских пограничных территорий, русско-литовских губерний и всех других остзейских провинций России для «стратегических гарантий» и в качестве будущей территории поселения немцев.

Цели Пангерманского союза тотчас находят общее одобрение крупных промышленников Круппа и Стиннеса, причем последний требует еще дополнительно аннексии французского железорудного и угольного бассейнов в Нормандии. Политическое доверенное лицо концерна Тиссена формулирует для германской индустрии три крупные цели войны:

«1. Ликвидация нетерпимой для Германии опеки Англии во всех вопросах мировой политики. [Имеется в виду, конечно, опека со стороны Англии.]

2. Раздробление российского колосса.

3. Ликвидация слабых, якобы нейтральных государств у границ Германии».

Ко второму пункту концерн Тиссена добавляет из общеполитических соображений и освобождение всех нерусских народов «от гнета московитов» под германским военным верховенством, а также создание под германским господством Польского королевства.

Сам Август Тиссен добавляет 9 сентября 1914 г. личную памятную записку, в которой он, в частности, еще более детально касается прибалтийских провинций и, кроме того, более

близко рассматривает Донскую область, Одессу, Крым, а также территорию вокруг Азова и Кавказ. Тиссен обосновывает свое требование, изложенное в этой бумаге, необходимостью обеспечить германский сырьевой потенциал на все времена. Он особенно заинтересован во французском железорудном месторождении Лонгви-Брие, в бельгийском угольном бассейне, в железных рудах Донской области и марганцевых рудах Кавказа. Широкомасштабную концепцию Тиссена венчает уже почти мистическая идея: с завоеванием полосы земли, проходящей через Южную Россию, Малую Азию и Персию, нанести решающий удар по мировой Британской империи — подлинному противнику в этой войне — в Индии и Египте.

На такого рода завоевательных требованиях со стороны германской индустрии, проникнутых манией величия, базируется и большая программа целей войны германского канцлера Бетман-Гольвега от 9 сентября 1914 г.

Для достижения экономических целей войны, следуя этой бумаге, необходимо разработать два метода наступления: во-первых, прямые военные наступательные операции и, во-вторых, «разложение вражеской страны изнутри». Применение второго метода к гигантской Российской империи может означать только одно: свержение царистской системы «изнутри».

Для этого германский кайзер и его советники развивают так называемую идею революционизации. Революция должна взорвать царский режим, и для достижения этой цели специально разрабатывается «программа революционизации». Она включает в себя, само собой разумеется, и подрывную деятельность. Координация этих далеко идущих стратегических и тактических концепций и их реализация осуществляются Министерством иностранных дел в тесном взаимодействии с политическим сектором Генерального штаба армии.

Наряду с канцлером Бетман-Гольвегом и Готлибом фон Ягвом, статс-секретарем Министерства иностранных дел и прусским государственным министром, движущей силой этой деятельности становится прежде всего унтер-статс-секретарь Циммерман.

Жизненная сила этого уроженца Восточной Пруссии в сочетании со все новыми беспощадными агрессивными идеями

настолько импонирует кайзеру, что монарх вновь и вновь приглашает своего советника для интимных политических бесед в Новый дворец в Потсдам — через головы непосредственных начальников Циммермана, Бетман-Гольвега и Ягова. Циммерман становится человеком кайзера, особенно в отношении его идей, связанных с «разложением России».

Эта политическая цель является прочной составной частью германской политики в отношении периферийных государств. В форме «инсургенизации (подстрекательства к мятежу) национальностей в Российской империи» она неожиданно потрясет мир и в сочетании с революцией в России наложит глубокий отпечаток на все столетие.

В связи с этими действиями по «инсургенизации», наряду с уже упомянутыми деятелями с Вильгельмштрассе, особое значение приобретают три дипломата. Это шефы миссий кайзеровской Германской империи в трех нейтральных странах: граф фон Брокдорф-Ранцау из кайзеровской миссии в Копенгагене, барон Люциус фон Штедтен в Стокгольме и барон фон Ромберг в Берне.

Брокдорф проявляет себя среди этих трех германских дипломатических светил как самый сильный покровитель германской стратегии революционизации России. Он вырастает до ключевой фигуры широкомасштабного заговора, который позднее привлечет внимание как таинственный сговор между Германской империей и радикальными российскими революционерами.

Для метода отчленения российских периферийных государств от старого ядра страны урожденный балтийский немец из Лифляндии Пауль Рорбах находит самое простое и наглядное определение — «Стратегия апельсиновой корки».

Этот ученый протестантский теолог, журналист и издатель периодики, рупор влиятельных национал-либеральных германских кругов поясняет, что нет ничего проще, чем расчленить Россию «как апельсин, без ножа и ран, на ее естественные исторические и этнические составные части»: Финляндию, Польшу, Бессарабию, Прибалтику, Украину, Кавказ и Туркестан. Эти окружающие ядро страны периферийные провинции

должны были вновь стать независимыми государствами — под германским контролем.

Если перевести ясный и простой язык детских книжек, используемый Рорбахом, на немецкий язык Генерального штаба, то это означает: все периферийные государства должны быть насильственно, военными средствами, но относительно беспроблемно отчленены от ядра гигантской царской империи, простирающейся от Привислинской низменности до Берингова пролива у Тихого океана, от приполярной финской Лапландии на севере глубоко в азиатские пустынные земли тюркских народов.

Эта стратегия против царской империи немедленно берется на вооружение и форсируется в организационном и практическом отношении. Довольно быстро сплетается сеть ведомств для этих политически деликатных целей: Генеральный штаб, Министерство иностранных дел, отделение IIIb секретной службы при штабе командования Оберост (Верховного командования на Восточном фронте), кайзеровские миссии в нейтральных странах и их информаторы, курьеры, диверсанты, агитаторы всякого рода на этом темном фронте. Казначейство, Рейхсбанк, Дойче Банк и Коммерцбанк переправляют по вышестоящим инструкциям через самые разные каналы первые миллионы марок, рублей и шведских крон замаскированным дельцам и подставным фирмам, политикам, патриотам и фигурам полусвета.

По мере того как разворачивается подрывная деятельность против империи Романовых, у германского монарха, конечно, возникают определенные моральные сомнения. Не является ли это непростительной несправедливостью — действовать таким образом против вековых традиционных и родственных уз двух правящих домов? В связи с запланированной революционизацией Финляндии, т. е. отчленением ее от царской империи, при которой правые («белые») точно так же, как левые («красные»), должны быть впряжены в колесницу германской политики отпадения периферийных территорий, германский кайзер летом 1915 г. действительно выражает сомнения в том, следует ли настолько потрясать царский трон и в конце концов, возможно, даже свергать его.

Поскольку такого рода чувства становятся тормозящими и вредными для дальнейшего притока средств, выделяемых с одобрения высочайшей инстанции, Брокдорф-Ранцау направляет из посольства в Копенгагене 6 декабря 1915 г. депешу под грифом «В. Nr. 470, Geheim (секретно)» Его Превосходительству рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу:

То, что год назад было время, когда почти оправданным могло показаться представление, что возможно соглашение с Англией; то, что позднее, временами не без надежды на успех, стремились взорвать коалицию путем сепаратного мира с Россией, еще свежо в памяти. Было бы рискованно закрывать глаза на факты, которые, конечно, безотрадны, но могут иметь решающее значение для судьбы немецкого народа. [...] В России вышли на поверхность различные течения. Царь, возможно, в самом деле колебался и временами желал мира; ясно, что после последнего визита Андерсена в Санкт-Петербург он вел двойную игру. Кроме того, в состоянии ли вообще еще император Николай заключить сепаратный мир с нами — это вопрос, на который я бы не мог дать безусловно положительного ответа. Этот слабый и неискренний государь, трон которого шатается, в то время как он, в плену мистиков-самобичевателей, мечтает о победах над противником, который никогда не хотел с ним враждовать, взвалил на себя ужасную вину перед историей и лишил себя права на пощаду с нашей стороны. Было бы чреватой последствиями ошибкой еще теперь желать всерьез бросить на чашу весов традиционные отношения с Россией, т. е. с домом Романовых. Дом Романовых своей черной неблагодарностью легкомысленно потерял традиционную дружбу, которую верно хранили с ним в судьбоносный час. [...]

Однако победа и, в качестве трофея, первое место в мире будут за нами, если удастся своевременно революционизировать Россию и тем самым взорвать коалицию. После заключения мира внутривнутриполитический крах России не имел бы для нас большого значения и был бы, возможно, даже нежелателен.

Как рейхсканцлеру после предостерегающих настоятельных указаний своего посла удастся переубедить кайзера однозначно решиться на продолжение «стратегии апельсиновой корки», которая ведь является частью выдвинутой самим Его

Величием идеи революционизации России, сегодня никто уже в точности сказать не может. Во всяком случае, из документов видно, что все действия в этом направлении продолжают с высочайшего одобрения. И они по-прежнему финансируются.

Большая стопа документов на тему «Стратегия апельсиновой корки», по всей программе революционизации, по поддержке политических акций и прежде всего по их финансированию миллионными суммами вплоть до российской Октябрьской революции, а также после нее, до сих пор благополучно хранится в архивном подвале германского Министерства иностранных дел.

Правда, все материалы после Второй мировой войны были отправлены в качестве военных трофеев для их оценки в Великобританию, но позднее они вновь возвращаются в немецкие руки.

Эта в высшей степени поучительная часть документов германской истории хранится стопами в форме толстых фолиантов с надписью «Министерство иностранных дел, Отделение А, Секретные акты, касающиеся войны 1914 г.» в Политическом архиве. Ниже можно прочесть пометки, написанные от руки модернизированным (округленным) готическим шрифтом: «Операции и подстрекательские акции в *России*, особенно в *Финляндии* и *Остзейских провинциях*».

Акты снабжены грифом «No 11 sec (секретно)»: имена, псевдонимы, даты, огромные денежные суммы, контакты, подставные фирмы, адреса, время встреч...

Одно имя, которое появляется вновь и вновь, чаще всего в сочетании с миллионными суммами, гласит: д-р Александр Израиль Лазаревич Гельфанд-Парвус.

Кто это?

МЕЧТА О БОГАТСТВЕ

В городке Березина, в северной части выделенных евреям мест проживания в Минской, Могилевской и Витебской губерниях, в мелкобуржуазной еврейской семье Гельфанд 27 ав-

густа 1867 г. рождается сын. Родители дают своему ребенку имя Израиль и, согласно русскому обычаю, добавляют к нему отчество Лазаревич. Позднее фамилия при переводе на другие языки пишется Gelfand, Helfant и Gel'fond.

Когда Израиль вырос и стал учиться и работать в немецкоязычных странах, он, прежде всего для общения с германскими и швейцарскими инстанциями, дополнительно называет себя также Александр (Alexander). Поскольку молодой человек регистрируется как урожденный русский, в личных документах встречается и написание Aleksander.

После большого пожара в Березине, при котором сгорает и родительский дом, семья ремесленника, живущая скромно и по старинным традициям Моисея, переселяется на юг, в Одессу, к Черному морю. Позднее Гельфанд часто и охотно вспоминает о своем детстве в деловом украинском торговом и портовом городе. Открытость миру этого портового города с его прибывающими и отбывающими купцами и матросами со всего света возбуждает его. Пестрая базарная суeta украинцев, армян, грузин, евреев, турок и персов захватывает молодого Гельфанда.

Но он видит в этом городе и ужасное: картины жестоких погромов против городских евреев он не сможет забыть всю свою жизнь. Это укрепляет его стремление бороться с несправедливостью и бесчеловечностью. Так вызревает его отвращение к системе царизма.

Он заканчивает гимназию в Одессе. Его родителям как-то удается устроить, чтобы их любознательный и жаждущий знаний сын мог дополнительно получать также частные уроки по математике и различным гуманитарным предметам. До поздней ночи он с восторгом читает произведения украинского национального поэта Тараса Шевченко, французского социалиста Пьера Жозефа Прудона, чья максима «Собственность — это кража» приводит Гельфанда в замешательство. К его любимым авторам принадлежат также русские анархисты князь Кропоткин и Михаил Бакунин. Он с большим усердием следует рекомендации Чернышевского, что русская интеллигенция должна обратиться к проблемам политической экономии, особенно к теоретическим работам английского экономиста Джона

Стюарта Милля, и с этих пор экономические исследования сильно влияют на мир его идей. Его присоединение к революционным кружкам и группам в Одессе является только вопросом времени.

В 1886 г. Гельфанду предоставляется возможность побывать в Швейцарии. В Цюрихе он быстро устанавливает контакты с тамошней крупной русской колонией. Он с живой активностью участвует в постоянных дискуссиях по российской проблематике, которые ведутся в этом кругу. Беседы большей частью вращаются вокруг литературы, находящейся под влиянием просветительских идей Александра Герцена. Гельфанд изучает работы основоположника российской социал-демократии Г. В. Плеханова, он читает Аксельрода и Льва Дейча.

Годом позже он временно пребывает в Берне, а затем обосновывается в Базеле. В городе миллионеров он посвящает себя изучению политической экономии и естественных наук. Попутно он приобретает познания в области политической истории и развития европейского рабочего движения.

После окончания гимназии в июле 1891 г. его тотчас влечет в Германию, где классовая борьба, по его мнению, ведется не «абстрактно, а как пульсирующая жизнь». Здесь он хочет остаться, и поэтому он обращается к Вильгельму Либкнехту с просьбой помочь ему «задешево» обрести отечество. Он хочет стать германским гражданином и тем самым покончить со всеми придирками, которым его, эмигранта, подвергают германские чиновники. Он не хочет больше оставаться литературно-теоретизирующим «наблюдателем» все более усиливающихся социальных движений и стремится участвовать в переменах активно и непосредственно.

В том же году он поселяется в Штутгарте и вступает в тесный контакт с кругом социалистов вокруг Карла Каутского и Клары Цеткин. Здесь он ощущает теперь свое «новое отечество».

Но вскоре его, беспокойного, тянет в Берлин, столицу своего нового отечества, где он видит духовный центр германской социал-демократии.

После десятилетия упорной и страстной борьбы с социал-демократической политикой Бебеля, Бернштейна, Каутского

и других вокруг дефиниций, представлений о стратегических целях и тактических методов — в этот период Гельфанд избрал для своих обширных публицистических и журналистских работ литературный псевдоним Парвус — Гельфанда и других русских эмигрантов внезапно вырывают из их теоретических дебатов события Кровавого воскресенья в Санкт-Петербурге: 9 (22) января 1905 г. по указанию царя его конные казаки нападают на мирных демонстрантов, мужчин и женщин рубят саблями и расстреливают... Что происходит в России? Беспорядки, восстание, бунт, преддверие революции на пути свержения царской системы? Или уже теперь наступит ультимативная и бескомпромиссная революция? Парвус-Гельфанд высказывает свое мнение, что пролетариат в фазе демократической революции, которая сейчас сотрясает Россию, стал носителем восстания и до окончательного свержения царизма может быть уверен в поддержке со стороны всех классов. Лишь после этого единая оппозиция распадется и каждый класс попытается сам для себя насильственно реализовать свои собственные политические интересы.

Революционные события 1905 г. несомненно приводят и к теоретическим обобщениям Троцкого и Гельфанда, которые описываются понятием «перманентной революции», хотя последний лишь позднее начинает использовать этот термин. Приоритет «первооткрывателей» этого теоретического анализа и вытекающей из него программы им обоим приходится делить с Розой Люксембург, которая уже в начале февраля 1905 г. называет одной из задач российской партии поддерживать «революционное состояние перманентно». В ноябре 1905 г. дефинирует «перманентную революцию» и Франц Меринг. С тех пор это понятие входит в оборот.

После ужасных событий «Кровавого воскресенья» в Санкт-Петербурге революционные настроения в стране обостряются. Гельфанд и многие политически активные российские эмигранты хотят как можно быстрее принять личное участие в социально-политических акциях в стране. В конце октября 1905 г. Гельфанд прибывает в Санкт-Петербург и сразу же включается в политическую борьбу. 3 апреля 1906 г. его арестовывают и, по-

добно его соратнику по теории и практике Троцкому, изолируют в одиночной камере Петропавловской крепости.

Кстати, Троцкий использует одиночное заключение, чтобы завершить свою теоретическую работу о «перманентной революции». Напротив, Гельфанд подавлен тюремной изоляцией. 22 августа 1906 г. его ссылают в Сибирь, в Енисейскую губернию. Несколько позже ему удается оттуда бежать. По настоятельному совету своих соратников он снова направляется в Германию и из Дортмунда продолжает свою теоретическую борьбу, опять издавая работы и комментируя текущую политику. Он вновь пишет для журналов «Форвертс» и «Нойе Цайт».

За два десятилетия своего пребывания в Германии Парвус-Гельфанд становится одним из самых читаемых теоретиков социал-демократии, он публикует массу статей, памфлетов, изложений принципиальных проблем, аналитических исследований, оказавших немалое влияние на политическую мысль и борьбу внутри социал-демократии, прежде всего в отношении России.

Но Гельфанд также впутался в крайне неприятный для германской социал-демократии инцидент: он становится виновником аферы вокруг пьесы «На дне» русского писателя Максима Горького. Писатель обвиняет Парвуса-Гельфанда, полномочного издателя его драмы «На дне» в Германии, что тот задолжал ему доходы на сумму около 100 тыс. марок. Деньги, в соответствии с договоренностью, должны были поступить в партийную кассу большевиков. Поскольку Парвус-Гельфанд пытается выиграть время сомнительными отговорками, взбешенный Горький обращается в партийный форштанд социал-демократов и рекомендует им расстаться с несолидным издателем Парвусом. Приходится создавать следственную комиссию в составе Бебеля, Каутского и Клары Цеткин. В 1908—1909 гг. проходят доверительные обсуждения, официально партийные массы практически не информируются. Именно поэтому распространяются естественные слухи. Дело остается невыясненным, и на Парвусе-Гельфанде остается пятно. После этого, в 1910 г., он из осторожности покидает Германию и скрывается от обстрела российской и германской сторон в Вене. Афера с

пьсой «На дне» становится для Гельфанда предупредительным сигналом в отношении всех его последующих денежных махинаций, где будут фигурировать намного более крупные суммы.

Из своего «морального убежища» в Вене Гельфанд с большим интересом наблюдает за событиями в Османской империи, которые приводят ко все возрастающей напряженности в самой Турции и на Балканах в целом. Гельфанд непременно хочет попасть в Константинополь, непосредственно в центр кризиса. В ноябре 1910 г. он прибывает в турецкую столицу.

Со своим острым чутьем на выгоду Гельфанд анализирует политические и экономические ограничения, возложенные на Османскую империю неравноправными договорами с европейскими великими державами и крупным континентальным капиталом. Он разрабатывает концепции избавления Турции от этих тисков, и турецкое Министерство финансов реагирует с воодушевлением. Это производит впечатление даже на другую сторону, директоров Дойче Банк в Берлине. Влиятельные вожди прогрессивного движения младотурок поддерживают Гельфанда и в 1912 г. назначают его редактором по вопросам торговли популярной ежедневной газеты «Тюрк Юдрум» — подходящий пост для обнародования новых политических и экономических идей. Гельфанд вырастает до роли уважаемого финансового советника турецкого правительства.

Тем самым, наконец, наступает момент, которого Гельфанд страстно ожидал: теперь он сам вступает в деловой мир как деловой человек. Он учреждает банк, торгует древесиной и железом, машинами из Германии, зерном из Одессы. Препятствия оказываются чрезвычайно полезными. Гельфанд действует очень ловко, и никто не может доказать, какую личную прибыль он получает от снабжения оружием и амуницией турецкой армии, находящейся в процессе модернизаций.

Дела идут настолько хорошо, что Гельфанд уже через два года, когда начинается Первая мировая война, может причислить себя к кругу миллионеров. Это побуждает его предпринять все, чтобы убедить турецкое правительство и влиятельные военные круги вступить в большую войну. Что позволило бы ему, с его новыми связями в мире денег и оружия, рассчиты-

вать на еще гораздо более крупные сделки. Политическое оправдание тут же находится. С учетом прогерманской позиции турецкой политики совместный военный поход против царской России был бы только логичен и после разгрома царской империи принес бы кайзеровской Германской империи, как и Османской империи, крупные территориальные и экономические выгоды. Его аргументам в Константинополе и Берлине едва ли кто-то может противостоять.

Правда, более трезвые турецкие политики предлагают взять некоторое время на обдумывание, аргументируя тем, что турецкая армия вооружена еще недостаточно современно, а транспортные магистрали находятся в катастрофическом состоянии. Гельфанд соглашается, ведь это дает ему возможность заняться модернизацией железной дороги и организовать поставку еще большего количества вооружения. Кроме того, он будет снабжать столицу все большим количеством зерна. Все это — прибыльные занятия!

Его прибыли растут, он становится мультимиллионером. Позднее он скажет, что реализовав в Турции свою мечту о богатстве. Правда, то, как другие прямо и верно говорят, что он нажился на войне, не доставляет гордости ему, социал-демократу.

Он носится с идеей вторжения с турецким добровольческим экспедиционным корпусом — о его вооружении и оснащении он, разумеется, позаботится сам — в пределы Украины. Первые части уже сформированы в Константинополе, но тут история с экспедиционными полицейскими войсками становится достоянием общественности. Приходится трубить отбой.

Эта небольшая неудача — для Гельфанда лишь мазок на его пестрой палитре политических идей по поводу сокрушения царской империи — его не огорчает и ни в коей мере не обескураживает. Его концепция богата нюансами, у него на уме более крупные дела.

Его новейшая идея выглядит просто фантастикой: он хотел бы помочь создать своего рода двойственный союз пруссачества и большевизма. «Прусские штыки и кулаки российских пролетариев», объединенные в совместной борьбе против цар-

ского государства, — вот его великая идея. Гельфанд должен донести эту грандиозную идею туда, где она не только дойдет до ушей, но и может быть реализована.

В 1915 г., сразу же после Нового года, Гельфанд осторожно и со всем почтением зондирует почву у германского посла барона фон Вангенгейма. 7 или 8 января посланник кайзера выслушивает его. Услышанное поражает дипломата, и в связи с политически деликатным содержанием он, вместе с телеграммой № 70 от 8 января, срочно направляет сообщение о беседе в Министерство иностранных дел в Берлин.

Гельфанд хорошо подготовился к аудиенции. Он позволяет себе детально изложить свои мысли о совпадении текущих целей войны германского правительства с целями российских революционеров — хотя и по совершенно разным историческим мотивам — в своего рода плане действий.

Посол фон Вангенгейм сообщает в депеше в Берлин и свое мнение, что Гельфанд в последнее время оказал в Константинополе очень полезные услуги и отправится в Берлин, чтобы быть там наготове для бесед.

Уже 10 января статс-секретарь фон Ягов просит соответствующего унтер-статс-секретаря Циммермана как можно быстрее принять д-ра Гельфанда в Министерстве иностранных дел.

Из Большой ставки командования с более подробными инструкциями о беседе направляется в Берлин д-р Курт Рицлер, ведь в конечном итоге столь далеко идущие планы должны быть продуманы и в Генеральном штабе.

Гельфанд может считать свою первую беседу в Константинополе пропущенной в большую политику. Он, новообогатившийся деловой человек, внезапно ощущает, что в качестве центральной посреднической фигуры в рамках крупномасштабной тайной игры между двумя великими державами Европы действительно может получить власть. — Доктор Александр Гельфанд едет в Берлин в состоянии эйфории.

Беседа в столице Рейха происходит в конце февраля. При этом выясняется, что сначала опять-таки необходимо решить неотложную личную проблему, касающуюся статуса иностранца у представителя враждебного государства, с которым кайзе-

ровская империя находится в состоянии войны. Быстро и безо всякого шума. И секретные акты Политического архива Министерства иностранных дел подтверждают намерение срочно отменить первоначально запланированную немедленную высылку российского эмигранта д-ра Израиля-Александра Лазаревича Гельфанда-Парвуса в случае его въезда в Германию. Тут приходится собственноручно подключиться Рейхсканцелярии в лице господина унтер-статс-секретаря. В ответ министр внутренних дел уже 12 марта сообщает об исполнении:

Министр внутренних дел
IV. с. 1615. II. Ang.

Секретно!

Покорнейше извещаю Ваше Высокочелобудие в ответ на любезное письмо от 6 с. м. — Rk. 742, что 7 с. м. я, в духе вышеуказанного письма, направил распоряжение здешнему полицей-президенту об отмене высылки д-ра Гельфанда-Парвуса вследствие соответствующего понимания со стороны упомянутого лица и вследствие выдачи ему полицейского паспорта.

Далее Верховное командование, в ответ на его ходатайство, указало здешней комендатуре об освобождении Парвуса от всех ограничений, касающихся представителей вражеских государств.

По поручению: Дрезв

Господину унтер-статс-секретарю в Рейхсканцелярии

Теперь для германской стороны персональная проблема в чрезвычайно рискованной политической затее, кажется, решена — во всяком случае, в том, что касается центральной фигуры.

ПЕРВЫЙ МИЛЛИОН

Кайзеровский посол в Копенгагене фон Брокдорф-Ранцау объясняет своему канцлеру в Берлине Бетман-Гольвегу в уже упомянутом письме от 6 декабря 1915 г. также следующее: «Ясно, что д-р Гельфанд не является ни святым, ни удобным гостем».

Брокдорф должен терпеть этого д-ра Гельфанда, его назойливую манеру преподносить себя повсюду как влиятельнейшего

делового человека и политика, который благодаря своему многолетнему опыту и чрезвычайно далеко идущим связям с деловым миром, с промышленностью и с социал-демократией является идеальным партнером для создания хорошо замаскированной организации, которая может использовать все необходимые каналы вплоть до радикальных группировок в Петрограде, чтобы успешно инсценировать антицаристскую революционизацию в России.

Трудно представить, что прусскому дипломату с безупречной внешностью и верноподданному кайзера, племяннику очень влиятельной при дворе обер-гофмейстерины императрицы графини Брокдорф, может нравиться этот политический делец. Но ему направили д-ра Гельфанда из Берлина по высочайшей рекомендации. И в столице Рейха ожидают позитивного ответа. Поскольку этот человек выступает как видный теоретик-социалист, кроме того, кажется, насквозь проникнут последовательными представлениями и концепциями о революционизации периферийных российских территорий и свержении царизма, Брокдорф пишет в своем секретном сообщении: «Однако он верит в свою миссию и прошел испытание своих способностей во время революции после Русско-японской войны. Поэтому я считаю, что нам следовало бы его использовать».

Этим все сказано. Теперь Брокдорфу и приходится его использовать.

Посол, естественно, знает о противоречивости ощущений и намерений Его Величества и проводит мысленную рокировку, которая выглядит скорее как логический кувырок: Гельфанда следовало бы использовать, пока не поздно.

Брокдорф рекомендует:

«Нам бы следовало [...] настроиться на такую политику с Россией, которую наши внуки когда-нибудь назовут традиционной, если немецкая нация под руководством дома Гогенцоллернов окажется в долгосрочной дружбе с русским народом.

Прежде чем царская империя в своем нынешнем составе не будет потрясена, эта цель не будет достигнута. Д-р Гельфанд считает, что может указать путь, и подает, опираясь на 20-летний опыт, позитивные предложения. Ввиду нынешнего поло-

жения мы, по моему мнению, должны рискнуть сделать попытку. Ставка, конечно, высока, а успех не обязательно обеспечен».

Несмотря на рекомендации Гельфанда, посланник чувствует себя в своей позиции не очень уютно. Но другого, более подходящего человека по части политики революционизации у него сейчас под рукой нет.

Влиятельные берлинские инстанции, в сущности, ожидали именно такой оценки Брокдорфа и утвердительной ответной рекомендации. Д-р Гельфанд, о котором сообщили из Копенгагена, предстает в Берлине перед несколькими ведомствами и в целом получает зеленый свет для своих обширных планов.

Воодушевленный Гельфанд едет назад в Копенгаген, где с лета 1915 г. находится его официальное место жительства и деятельности. Здесь, в датской столице, он хочет создать свой центр для запланированного путча в Петрограде.

Гельфанд во всей полноте сообщает кайзеровскому посланнику, насколько успешными были его беседы в столице Рейха. А посол вновь информирует рейхсканцлера в своем сообщении № 489 от 21 декабря 1915 г. из копенгагенской миссии:

Совершенно секретно!

Через курьера.

Д-р Гельфанд, возвратившийся вчера из Берлина, сегодня посетил меня и сообщил мне о результатах своей поездки; он отмечал, что был принят во всех руководящих инстанциях с наивысшим вниманием и составил себе определенное впечатление, что его предложения принципиального характера нашли одобрение как в Министерстве иностранных дел, так и в Имперском казначействе. Относительно его финансового плана ему было указано, что господин статс-секретарь Имперского казначейства должен будет решить, имеются ли возражения против плана с позиции имперских финансов. В ходе обстоятельной беседы с Его Превосходительством Гельферихом он убедился, что господин статс-секретарь относится к проекту вполне благожелательно и не только одобряет план из политических соображений, но и без ограничений признает его целесообразность с точки зрения имперских финансов.

Последнее было для посла, конечно, самым важным пунктом, т. к. д-р Гельфанд вновь и вновь, сначала скромно и доверительно, затем все более настойчиво, указывал на миллионные суммы, необходимые для разжигания революции. Если революционные миллионы теперь все же одобрены в Берлине, значит все компетентные в этом отношении ведомства обговорили друг с другом большую политическую линию. Тогда к этому относятся серьезно. Это хотя и успокаивает посла, но он все же должен, следуя старой дипломатической традиции, повторить этот факт столь недвусмысленно для еще одного подтверждения Берлином и для своего прикрытия, чтобы задним числом никто не мог отговориться, ссылаясь на какое-либо недопонимание в обоюдной переписке.

Именно по этой причине Брокдорф затем прямо упоминает и о том, как сложно сохранить в тайне столь масштабное и дорогое предприятие, и потом повторяет сумму, о которой упомянул перед ним Гельфанд:

Чтобы полностью организовать русскую революцию, продолжал д-р Гельфанд, требуется около 20 млн рублей; исключено, что вся эта сумма будет немедленно представлена для распределения, т. к. имеется опасность, что тогда станет известен источник.

Брокдорф должен упомянуть и суетливость Гельфанда по поводу курьера, который хочет тотчас доставить первый миллион в Петроград:

Однако ввиду того, что вот-вот предстоит начать акцию, он предложил в Министерстве иностранных дел немедленно предоставить сумму в один миллион рублей его доверенному лицу.

Доверяет ли вышколенный дипломат курьеру Гельфанда или нет, не имеет значения. Несмотря на это, Брокдорф, однако, предусмотрительно избавляет себя от какой-либо обязанности контроля перед Берлином, указывая на цейтнот, оправдывающий в данном случае согласие на выдачу денег без дальнейшего наведения справок об этом лице в целях безопасности:

Его доверенное лицо после своего возвращения, которое следует примерно через 8 дней, немедленно приступит к организации связи между революционными центрами; без значительных средств ее наладить нельзя.

Д-р Гельфанд попросил меня в этой ситуации повторить свою просьбу, высказанную устно в Берлине, и предоставить в распоряжение его доверенного лица всю сумму; он настоятельно отметил, что необходимо спешить, поскольку доверенное лицо не может больше откладывать свое возвращение в Санкт-Петербург.

Брокдорф, конечно, догадывается, что возлагается на него, представителя кайзера в дипломатической миссии в нейтральном Копенгагене, в связи с посредником д-ра Гельфанда и тайной организацией, которую предстоит создать. Он просит со свойственной ему традиционной церемонностью о скорейшем, по возможности телеграфном, ответном подтверждении и утверждении:

Позволю себе просить Ваше Превосходительство в целях информирования д-ра Гельфанда о крайне необходимом телеграфном указании, в то время как я не премину почтительнейше заметить, что его предложение не производит на меня впечатления нажима, а представляется проистекающим из деловых соображений без личных побочных намерений.

Под энергичной подписью графа Брокдорф-Ранцау на курьерском сообщении можно прочесть: «Содержание: Революционизация России».

Повторные сообщения дипломата и его прокомментированная осторожность перед Берлином в точности соответствуют обстоятельствам. Однако в предположении, что планы Гельфанда не производят впечатления нажима и представляются лишёнными личных побочных намерений, дипломат в корне заблуждается. Ему самому еще придется узнать об этом.

Но пока что Гельфанд 29 декабря дает собственноручную расписку:

29 декабря 1915 г. получил миллион рублей многими банкнотами для поощрения революционного движения в России от германской миссии в Копенгагене.

Д-р А. Гельфанд.

Программа революционизации, мощно поддержанная финансами германской стороны, начинает разворачиваться, и рубли покатались.

СУММЫ И ИМЕНА

Над «февральским совещанием» Гельфанда в Министерстве иностранных дел с самого начала витает нечто очень таинственное. В обширных актах IIIb нет протокола встречи, даже его копии, нет сообщения, нет пометок на полях. То обстоятельство, что официально ничто не фиксировалось, должно быть, было очень на руку Гельфанду.

Со времени его крупных сделок с оружием в Турции он испытывает ужас перед любыми письменными свидетельствами. С другой стороны, однако, ему нужно какое-то подтверждение договоренностей, которые для него очень важны, чтобы он мог вступить в большую политическую сделку с немцами.

Гельфанд пишет меморандум на 23 страницах, который он представляет всего через несколько дней после своего совещания в Министерстве иностранных дел. Там стоит дата 9 марта 1915 г. Гельфанд содержательно обобщает то, что считает нужным. Если после этого со стороны Министерства иностранных дел не последует возражений, он может рассматривать это как косвенное подтверждение своих, а тем самым и немецких планов.

Основные мысли его меморандума касаются германской, «кайзеровской» программы революционизации, направленной против российской царской системы. Частью ее является программа по периферийным государствам, охватывающая очень большую территорию от Северной Финляндии до Южного Кавказа. В этих рамках Гельфанд отдает предпочтение двум периферийным государствам — Украине и Финляндии, где он видит наиболее сильные антицаристские национальные сепаратистские силы с их целью достижения самостоятельности. Самый короткий и относительно надежный сухопутный путь к революционному центру Петрограду, чтобы «снять с апельсина корку», — это, по Гельфанду, путь через Финляндию. Гельфанд указывает на то, что легче всего доставить контрабандой в российскую столицу оружие и взрывчатку через финскую границу. Это он фиксирует на бумаге.

Гельфанд никоим образом не думает только о политической пропаганде, о листовках и газетах, о забастовках и внут-

ренных волнениях, которые он хочет устроить, — он целенаправленно принимает в расчет и саботаж, например взрывы железнодорожных мостов, и рекомендует использовать агентов, чтобы поджечь нефтяные источники под Баку, на закавказской периферийной территории. Он уже видит всполохи пламени революции в стране огнепоклонников Заратустры.

Его стратегию поджогов и бомбометания, о которой охотно умалчивает как германская, так и российская сторона, подтверждает документ А 13938 Министерства иностранных дел. В нем Берлин 18 апреля 1915 г., всего лишь через 8 недель после февральского совещания, лаконично информируется кайзеровской германской миссией в Румынии сообщением под № 150, которое доставляется надежным курьером — «королевским фельдъегерем»:

Д-р Гельфанд-Парвус считает, что саботаж в российском Донцком угольном бассейне можно организовать не из Румынии, а скорее через Стокгольм—Петербург, хотя дело это сложное. Я советую поговорить с ним об этом деле в Берлине. Он предположительно завтра едет через Вену в Швейцарию и затем через Берлин в Стокгольм.

Подпись: фон Бусше.

Гельфанд участвует всюду, где что-то затевается против царской Великороссии. Он постоянно курсирует между Скандинавией, Берлином, Швейцарией, Софией, Бухарестом. Его личные знакомства и связи с кайзеровскими дипломатами оказываются чрезвычайно полезными.

В Берлине поражены энергией Гельфанда, который хочет устроить на нейтральном Севере, в столице Дании Копенгагене, свою постоянную резиденцию, свой центр, а в Стокгольме — его филиал. Наряду с созданием организации и оплатой его агентов, уже одно это стоит много денег. Нужны большие суммы — миллионы. То 2, то 4, то 10 миллионов. Иной раз экстренно — и промежуточные полмиллиона. Так, статс-секретарь Имперского казначейства Гельферих сообщает 11 марта 1915 г. в главную имперскую кассу для исполнения:

L 2842.

Секретно!

Министерству иностранных дел в главе 6 расходов чрезвычайного бюджета, раздел VII, выделяются дополнительно 4 000 000 м.

В машинописную копию от руки вписано распределение миллионной суммы:

2 млн на пропаганду в России (AS 919)

2 млн для целей особого шансажа (AS 804)

О миллионных суммах информируют друг друга Генеральный штаб, Министерство иностранных дел, Имперская канцелярия и Имперское казначейство, суммы согласуются различными их кассами и переводятся со счета на счет. Об этом имеются подтверждения. Например, в форме сообщения депозитной кассы А Дойче Банк, находящейся в Берлине, на Мауэрштрассе 26—27:

Господину Фрицу Фрелиху, Вильгельмштр. 62 [Министерство иностранных дел].

Позволяем себе уведомить Вас, что мы по Вашему дальнейшему счету получили здесь из посольской кассы Министерства иностранных дел 500 000 марок, курс на 25 [марта 1915 г.], и занесли вышеуказанную сумму на Ваш депозитный счет.

*С глубоким уважением
Дойче Банк*

Кроме того, Фрелих из Министерства иностранных дел сообщает своему коллеге, внешнеполитическому советнику фон Бергену, что Гельфанд сверх этих полумиллиона марок «хочет иметь намного больше в связи с текущими курсовыми потерями при обмене денег в различных странах». Действительно, менять приходится много — всюду, где действуют по согласованной в Берлине германской «программе революционизации» агенты Гельфанда. Это тоже стоит денег, очень

много денег, как Гельфанд намекнул еще в феврале. И Берлин платит.

Уже через день после получения денег от Дойче Банк Фрелих пишет:

*В Министерство иностранных дел,
лично императорскому германскому посланнику господину фон
Бергену.*

Касается д-ра Александра Гельфанда-Парауса.

Дойче Банк уведомляет меня о переводе дальнейших 500 000 марок; письмо я здесь прилагаю.

Позволю себе сослаться на мое покорное послание от 20 марта, где я отметила, что господин д-р Гельфанд требует в целом суммы в один миллион, включая особые курсовые потери, так что текущие курсовые потери в Копенгагене, Бухаресте и Цюрихе плюс дополнительные накладные расходы должны лечь на наш счет.

Покорнейше прошу дать Дойче Банк соответствующее указание, чтобы я еще мог позволить господину д-ру Гельфанду указать разницу.

*Преданный Вам
[подпись] Фрелих*

Социал-демократ Гельфанд не хочет нести убытков, включая курсовые потери, в своей большой политической сделке, он желает получать прибыль. И дела у Гельфанда идут очень хорошо.

Берлин платит беспрепятственно и терпеливо, ведь такая политическая авантюра, как революция, и пышный стиль личной жизни с приемами и торжествами требуют финансового великодушия.

Тонкое чутье Гельфанда на все практическое и необходимое обращает его взор на нейтральную Скандинавию, на Копенгаген, куда он переносит в начале июня 1915 г. из Цюриха место своего проживания и деятельности. Он арендует виллу с обширным участком на респектабельной Водроффсвей. Дом велик, выглядит массивно и свидетельствует о состоятельно-

сти жилья. Все в нуворишском вкусе Гельфанда. За 16 000 крон, в эти военные годы не такая уж малая сумма, он покупает роскошный немецкий автомобиль марки «Адлер». Помимо обычного набора рабочих для услуг по наведению чистоты, поддержанию порядка и сервировке он, для соответствующего его положению антуража и охраны большого владения, заводит себе, кроме того, несколько дорогих породистых собак.

В Берлине нужна вторая, меньшая квартира, ведь ему часто приходится бывать в центральных ведомствах, у источников, из которых текут ему деньги. Правда, когда он общается с единомышленниками по своей революционной путчистской политике, с доверенными лицами или соперниками, он предпочитает в качестве места встреч респектабельные отели столицы Второго рейха.

Конечно, когда он теперь дает аудиенции в отеле «Кайзерхоф», самом известном в правительственном квартале в районе Вильгельмштрассе, это смущает некоторых его бывших немецких соратников по борьбе за социальную справедливость, которым атмосфера вокруг их старого единомышленника в отельных апартаментах кажется, по меньшей мере, своеобразной и необычной. Но было бы глупо обращать на это внимание. Он ведь все-таки ведет переговоры и действует по высочайшему поручению.

Ходят слухи, свидетели якобы сообщают, что Гельфанд, сам по росту совсем не карлик, постоянно окружен во время своих многочисленных поездок поразительно высокими блондинками. Почти забытая кличка «Товарищ слон», которую придумали дети Каутского, жившие прежде по соседству, вновь входит в моду.

Гельфанд, где бы он ни жил, гостеприимен и неизменно великодушен. Во всем его поведении чувствуется убеждение, что за деньги можно все купить, все организовать и всего достичь. За большие деньги, разумеется. Прошли времена, когда он, российский социал-демократ, был вынужден ходить по германским улицам в обуви с протертой подошвой и в поношенной одежде. Скучные гонорары за его бесчисленные статьи в газетах и брошюрах не позволяли тогда развернуться.

Некоторые его старые единомышленники вскоре начинают соблюдать дистанцию. Троцкий называет Гельфанда «политическим Фальстафом», намекая на его массивное тело и изменившиеся взгляды. А Бухарин резко отвергает любые попытки Гельфанда к сближению, он даже называет его «службой сатаны».

Не обращая на все это внимания, Гельфанд расширяет свой бастион в Копенгагене. В доме по Нерре-Вольгдаде, 15 он организует свою новую штаб-квартиру, которую вносит в датский торговый регистр как «Торговую и экспортную компанию АО» (Handels- og Eksportkompagniet A/S). Здесь он за кратчайшее время создает впечатляющий центр связи для политических и торговых агентов, место встреч и расставаний, пересыльный пункт для людей и пакетов, мозговой центр обширного заведения политической торговли.

Почти как пересказ содержания «Трехгрошовой оперы» Брехта в театральной программе читается официальный доклад от 6 августа 1919 г. о достигнутом за короткий срок. В актах кайзеровской миссии в Копенгагене под грифом «Гельфанд» читаем:

В созданной господином д-ром Парвусом организации занято в настоящее время 8 человек в Копенгагене и около 10 человек, которые ездят в Россию. Работа служит тому, чтобы вступать в контакты с различными лицами в России, т. к. необходимо объединить разные движения, возникающие в России. Из центра в Копенгагене поддерживается постоянная переписка с лицами, связи с которыми установлены агентами. Господин д-р Парвус предоставил в распоряжение организации средства на административные расходы, которые используются очень экономно. До сих пор удавалось вести все дело так деликатно, что даже господа, работающие в вышеупомянутой организации, не замечают, что за всем этим стоит наше правительство. Уже обратило на себя внимание, что П. расходует столько денег на цели партии. Это можно делать незаметно, если некоторые сделки будут совершаться экспортной фирмой, связанной с бюро. Я обсудил с господином д-ром Гельфандом различные предложения на этот счет.

Такое сообщение об успехах стало необходимым ввиду массы денег, которые в последние недели и месяцы щедро текли к Гельфанду. Позитивные результаты должны доказывать, что средства вложены эффективно и с надеждой на успех. Документ А 20654 Министерства иностранных дел показывает, кроме того, что средства для Гельфанда использовались далеко не только на подстрекательские листовки и другие печатные материалы, но и на настоящую взрывчатку. 1 июля 1915 г. Ганс Штейнвакс из политического сектора Генерального штаба сообщает:

*Его Высокоблагородию,
императорскому посланнику
господину действительному тайному советнику посольства
д-ру фон Бергену,
Министерство иностранных дел.*

Позволю себе представить в приложении отчет Вашему Высокоблагородию о переведенной господину Фрелиху 28 апреля в Дойче Банк через посольскую кассу сумме 73376 м. Указанная, подсчитанная по заявке в Дойче Банк сумма вытекает из курсовых потерь, которые понес д-р Гельфанд в Стокгольме, т. к. в свое время ему выплатили миллион бумажными деньгами, а не золотом.

Поскольку Дойче Банк по другим поводам неизменно предлагал мне самое невыгодное соотношение курсов, я для проформы попросил другие банки представить мне расчеты по той же сумме и на то же время, и наиболее выгодный вариант с учетом разницы, подлежащей доплате, составлял 68250 м. Д-р Гельфанд сначала считал, что эту разницу ему нужно вывалить золотом или же с соответствующей надбавкой, но затем заявил о согласии с моим расчетом.

Согласно отчету, в моем распоряжении имеется еще 5218 м. (пять тысяч двести восемнадцать марок), об использовании которых я покорнейше запрашиваю решение Вашего Высокоблагородия. Быть может, допустимо оплатить из этой суммы дополнительные типографские и транспортные расходы по воззваниям для России, весь тираж которых, видимо, будет отправлен в конце будущей недели, а также предварительную работу по запланированному складированию в Копенгагене необходимых Гельфанду взрывчатых веществ.

Перемещение взад-вперед миллионов сумм со счетов и фондов одного ведомства на счета и фонды другого для соблюдения фискальной компетенции становится иногда довольно сложным из-за необходимых попыток по возможности скрыть от общественности подлинные источники денег. Это требует от всех причастных инстанций фантазии и организаторских способностей.

При жажде Гельфанда к деньгам, выглядящей неутолимой, какой-то источник может однажды иссякнуть или бывает необходимо срочно переориентировать денежный поток. Такую просьбу о переориентации фондов демонстрирует документ, написанный из-за спешки от руки:

Стате-секретарю Имперского казначейства.

В собственные руки. Срочно. Секретно.

Для целей пропаганды [«целей» позднее зачеркнуто] в России здесь необходимы пять миллионов марок. Поскольку эта сумма не может быть покрыта из имеющихся в распоряжении фондов, я прошу Ваше Превосходительство соизволить предоставить мне эту сумму за счет ст. VI, разд. II, чрезвычайного бюджета. За любезное, по возможности скорое, [«по возможности скорое» позднее зачеркнуто] сообщение о принятом решении я был бы особо благодарен Вашему Превосходительству.

Стате-секретарь.

Выбор фигур для большой германской «программы революционизации» России происходит на политическом рынке в условиях неопределенности спроса и предложения — как и всюду, где ведется торговля. Секретные указания, рекомендации и предупреждения зачастую повышают или понижают рыночную цену покупаемого товара — человека, а тем самым и стремление покупать.

По той же схеме, по которой посланником германского кайзера в Константинополе был нащупан, открыт, оценен в денежной форме и затем, недолго думая, закуплен для любезной экспертной оценки вышестоящими ведомствами в Берлине по-

литический товар «революционер Гельфанд», от германского посланника в Берне также поступает в центр, в столицу Рейха, рекомендация из Цюриха, центра российских эмигрантов в Европе.

Подлежащий закупке человек, как и Гельфанд, отзывается на имя Александр, однако его фамилия Кескюла указывает скорее на Прибалтику. Это все время подчеркивает эстонец Кескюла при первых зондирующих беседах, прежде чем германский посланник в Берне, барон фон Ромберг, рекомендует его Берлину. Обнаруженный примерно в то же время, что и Гельфанд, Кескюла как лицо и прежде всего как личность принадлежит к совершенно иному поколению. Он не выглядит столь мелочно алчным до денег, как Гельфанд, его поведение можно назвать скорее «джентльменским». Он создает впечатление, что деньги, которые для конспиративной работы по поручению немцев ему, конечно, нужны, имеют для него лишь второстепенное значение. Брать их вообще кажется ему почти неловким.

Этот наигранный образ мыслей проясняет сообщение посланника фон Ромберга рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу от 14 марта 1915 г. Человек все же кажется посланнику столь ценным, что он не только сообщает Министерству иностранных дел о его предстоящем прибытии, но и очень заботливо просит об определенных предохранительных мерах по маршруту Кескюлы. Выбранный им человек, прибывающий из Швейцарии, должен быть отправлен для предварительной беседы в Берлин, в Министерство иностранных дел, а затем, через паромную переправу в Заснице, в Стокгольм. Там, в столице нейтральной Швеции, находится запланированное для его действий место, из которого он должен плести свои политические нити в Петроград. Сосватанная ему недавно привлекательная швейцарская женщина тоже должна поехать с ним в Швецию. Это произведет солидное, бюргерское впечатление на тамошние инстанции, считают германские ведомства.

Сложное дело Кескюлы требует, прежде всего из-за установления надоевших финансовых компетенций берлинских ве-

домств, личного благословения рейхсканцлера. Посол телеграфирует:

Его Превосходительству рейхсканцлеру господину фон Бетман-Гольвегу

Совершенно секретно

Эстонец Кескюла получил известие, что Блауберг прибыл в Россию. Два письма от него ожидают Кескюлу в Стокгольме. Поэтому он в течение этой недели отправится через Берлин в Стокгольм и по пути посетит Министерство иностранных дел. Поскольку он точно знает, что за ним наблюдают русские шпионы, я для поездки в Стокгольм выписал ему паспорт на имя Александра Штайна, а его жене, молодой швейцарке, на которой он недавно женился, — таковой на имя госпожи Луизы Штайн, урожд. Бергман. Он сообщит мне день своего отъезда, о котором я телеграфно проинформирую Ваше Превосходительство. Просил бы соответственно проинформировать германские пограничные службы. Паспорт будет вновь отнят у обоих в Заснице или Стокгольме, о чем я сказал Кескюле.

В то время как Гельфанд беззастенчиво и непрерывно, совершенно независимо от того, с кем и с каким ведомством он говорит, требует для тайного предприятия несметные суммы немецких денег, Кескюла проявляет себя совсем с другой стороны. Он делает вид, что испытывает даже моральные сомнения, т. к., возможно, не сумеет возратить выплаченные авансом деньги. Его успокаивают. — Так играет игра, которой владеют все участвующие стороны. Во всяком случае, посланник в Швейцарии описывает Кескюлу почти как моральное чудо, как человека, достаточно редко встречающегося среди этой профессии:

У меня также по-прежнему создается впечатление, что он — абсолютно лояльный и честный человек. Его главная забота в данный момент — как он сможет когда-нибудь вернуть полученные 10 000 м., которые он считает личным долгом, . может ли он, например, принимать деньги в дальнейшем, не опускаясь до роли купленного агента.

Собственно, это должно бы настраивать скорее на скептический лад. Но и язык секретных досье разведывательной политики сближается иногда со столь популярным в то время языком Марлит и Хедвиг Куртс-Малер начала века. Правда, в дальнейшем кайзеровский дипломат существенно более деловым образом подходит к главной теме:

Его сообщения из российских революционных кругов звучат все оптимистичней. Согласно им, ок. 8 дней назад в Берне состоялась совершенно секретная встреча 10 российских революционеров из Франции и Швейцарии под руководством известного Ленина, которые все, кроме одного, высказались за поражение России. [...]

На революционеров в России, среди которых Ленин все еще пользуется высочайшим авторитетом, известие о его позиции произведет сильное впечатление; не в меньшей мере оно повлияет на тысячи русских, живущих во Франции.

Кескюла думает и о национальных меньшинствах, которых необходимо мобилизовать для свержения царского режима в так называемом периферийном государстве Российская Польша. Посол цитирует политические советы Кескюлы:

Кескюла советует еще больше пытаться мобилизовать еврейство против России. Самое надежное средство — обещать в перспективе освобождение польских евреев и восхвалять заслуги, которые они уже имеют в нашем деле. Это вызовет более резкие меры российского правительства против евреев и, тем самым, опять же протесты еврейства во Франции, в Англии и Америке. [...]

Более подробно о своем плане действий Кескюла лично доложит в Берлине.

Кескюлу расценивают как важную фигуру. Всего 4 недели спустя посланник направляет из Берна зашифрованную телеграмму в Министерство иностранных дел, чтобы обезопасить пересечение Кескюлой границы. В соответствующем документе об этом говорится:

Расшифровка

Четверг вечером или пятницу утром Кескюла под именем Александра Штайна едет назад Берлин через Шафгаузен-Зинген. Прошу проинформировать границу. Ромберг.

От руки на листе с расшифровкой, датированной 15 апреля 1915 г., из Берлина через ведомство в Карлсруэ поступает указание, что

эстляндец [sic!] Кескюла [...] под именем Александра Штайна [едет] через Шафгаузен-Зинген в Берлин. Прошу распорядиться об информировании пограничных служб и позаботиться о беспрепятственном проезде.

Опекаемый таким способом Кескюла, он же Штайн, без проблем пересекает границу и благополучно прибывает в кайзеровскую столицу Берлин. Беседуют ли с ним в здании Генерального штаба на Мольткештрассе или он встречается с офицером в другом месте?

Достоверно известно, что шеф отделения секретных служб IIIb политического сектора Рудольф Надольный, призванный с началом войны как представитель Министерства иностранных дел на этот военный пост для тесного сотрудничества между Министерством и Генеральным штабом, направляет с берлинской Мольткештрассе, 8 в Министерство иностранных дел, на Вильгельмштрассе, 75–76, 8-страничный доклад Генерального штаба армии, отделение IIIb, от 3 мая 1915 г. под номером Nr. Pol. 1479, с грифом «секретно».

Этот документ приобретает значение, которое невозможно переоценить, ведь он отвечает на столь важный для немцев вопрос: какую из двух «революционируемых» группировок в России – меньшевиков или большевиков – имеет больше смысла поддержать?

Кескюла отмечает в разделе «Организованность и денежные средства» своего строго доверительного доклада: «Сильной стороной Ленина являются организаторские способности. Жесткая централизация. Сравнительно лучшая среди

российских организаций. Как ни странно, всегда имеет деньги».

В разделе «Активность» он дополняет: «Ленин обладает самой жестокой и беспощадной энергией. Его бессовестное и беспощадное безрассудство является оборотной стороной восточной дипломатии России».

А еще в одном месте его анализа говорится: «Фракция Ленина быстрее всех национально-русских революционных организаций прошла путь к самой радикальной оппозиции».

Кроме того, Кескюла рекомендует в своем анализе направить необходимые громадные денежные суммы фракции большинства российской социал-демократии — большевикам, а не меньшевикам.

В его анализе всех антицаристских группировок и группок в гигантской Российской империи приведены всевозможные диверсионные и деструктивные элементы — от Северной Финляндии через Эстляндию, Литву, Российскую Польшу, Украину до Южного Закавказья.

В отношении многих этих сил Берлин, если речь идет о деньгах, ведет себя сдержанно — то более, то менее. Так, Надольный 17 апреля 1915 г. возвращает из Генерального штаба в Министерство иностранных дел материалы, касающиеся денежных нужд некоего Думбадзе на кавказском операционном поле:

Секретно. 2 приложения

Приложения к любезному письму от 15 с. м. — А 12965 — настоящим покорнейше возвращаются Министерству иностранных дел.

Здесь пока нет склонности уплатить Думбадзе затребованные 50 000 рублей, т. к. не имеется уверенности в том, что он действительно сорвал или сорвет американские поставки в Россию в наших интересах, и т. к. деньги должны служить также кавказскому делу. [...]

В остальном можно предложить ему, если он хочет предоставить в наше распоряжение свои услуги для военных целей и может считаться надежным, направить письмо в Стокгольм, по-

чтовый ящик 257, после чего господин Вальтер свяжется с ним. Он же отдаст дальнейшие распоряжения, например, о требуемых денежных затратах.

[Подпись] Надольный

Рудольф Надольный — способный человек, которого Министерство иностранных дел сразу же после начала войны смогло устроить в Генеральном штабе (и который, кстати, много позже, после 1933 г., станет германским послом в Москве). Сотрудничество между Надольным и внешнеполитическим советником Отто-Пюнтером фон Везендонком из политического отделения Министерства иностранных дел, который держит там в своих руках проблему «Подстрекательство к мятежу российских национальностей», также протекает отлично. Для Надольного в сотрудничестве с Министерством иностранных дел преимуществом является тот факт, что важнейшие зарубежные посты в команде посланников заняты превосходными знатоками России, уделяющими особое внимание внутрироссийскому развитию в связи со «стратегией апельсиновой корки» или, выражаясь серьезней, с германской политикой в отношении периферийных государств. Внешнеполитический советник фон Везендонк в Министерстве иностранных дел может положиться на свою фалангу способных военных дипломатов: на уроженца Прибалтики барона Гизберта фон Ромберга в Берне, в непосредственной близости от российского эмигрантского центра в Цюрихе с Лениным и его людьми, на графа Ульриха фон Брокдорф-Ранцау в Копенгагене и барона Люциуса фон Штедтена в Стокгольме. Брокдорф-Ранцау и Штедтен отвечают в нейтральных странах, где они служат, за «северную линию» в Петрограде, так называемое «Северное подполье» (Northern Underground). Напротив, германский императорский посланник при Высокой Порте в Константинополе, барон Ганс фон Вангенгейм, чувствует себя ответственным за подстрекательство к мятежу на юге — на Украине и в Закавказье.

О Ромберге, «прибалте», сообщают, что при очень успешно протекающих секретных беседах со своими доверенными лицами он охотно использует интимное выражение «мы, рус-

ские». Германские дипломаты, помимо соответствующей политической договоренности, умеют устанавливать со своими собеседниками и личные, человеческие связи. Так, фон Штеттен узнает, например, что Кескюла открыл российскому посланнику в Стокгольме свою самую тайную конечную цель — создание своего рода особой «балтийской» федерации в составе Эстляндии, Финляндии и Швеции в качестве сильного форпоста против России. Фон Штеттен наилучшим образом информирован о частных и политических встречах на элегантной вилле Кескюлы, находящейся у прекрасного Стокзунда, к северу от Стокгольма. Прибытие карет и автомобилей регистрируется в благородном квартале столичных вилл педантичным образом, и к тому же жена Кескюлы, красивая молодая швейцарка, как хозяйка является неисчерпаемой темой для пересудов.

Слухи о разоблачении Кескюлы становятся привычной лакомой темой для каждодневных сплетен: говорят, что Кескюла передал по квитанции деньги влиятельному большевику по фамилии Багровский и находится в теснейшем контакте со служащим российского страхового общества в Стокгольме. Оба они — оплаченные агенты германского Генерального штаба. Говорят, что об этом разузнал некто Бухарин, русский лидер фракции большевиков.

Сплетни и конспирация в эти военные времена превосходно дополняют друг друга. Одни называют Кескюлу российским шпионом, другие говорят о нем как о германском шпионе. Уважаемый архиепископ из Упсалы, известнейшего и старейшего университетского города Швеции, расположенного к северу от Стокгольма, великодушно соглашается на роль любезного посредника и заявляет, что Кескюла, по его мнению, является прежде всего независимой политической личностью и не принимает приказаний ни от одной из сторон.

Хотя приказаний он, возможно, действительно не принимает, денег из Берлина Кескюла принимает немало. Кайзеровский посланник фон Штеттен сообщает германскому рейхсканцлеру 25 июня 1915 г.:

Секретно. Расшифровка.

Кескюле для пропагандистских целей выплачено 1560 рублей. Сумма указана в квитанции о сегодняшнем снятии со счета по-сольской кассы, на основе распоряжения от 9 февраля с. г. № 22, 5198 м. или 4000 крон, по курсу 76,95.

Люциус.

А небольшой промежуточный доклад от 8 мая 1916 г. господина Штейнвакса из политического отделения Генерального штаба Германии внешнеполитическому советнику д-ру фон Бергену из Министерства иностранных дел называет следующие суммы:

Ваше Высокоблагородие дали тогда, в декабре 1915 г., согласие еще на 60 000 марок, которые должны были быть выплачены господину Кескюле за три месяца, по 20 000 м. в месяц, для пропаганды в России. Мне удалось выплатить из них 50 000 м. за счет экономии от кредита в размере 130 000 м. Оставшиеся 10 000 м. я тем временем выплатил в основном из собственных средств. [...]

Тотчас и в последующие недели и месяцы необходимо найти более крупные суммы для следующих предприятий:

Во-первых. Кескюле, который именно в последние месяцы установила многочисленные новые связи с Россией, не раз направлял в Россию скандинавских социалистов, давая им рекомендации лицам, которые настолько информировали их о положении в России, что опубликованные ими позднее сообщения привлекли внимание в различных социалистических кругах Северных стран, который далее поддерживал очень ценную связь с Лениным [Lehniп вместо Leniп, sic!] в Швейцарии и информировал нас относительно докладов о ситуации, переданных последнему его доверенными людьми в России, необходимо и в будущем снабжать соответствующими средствами. С учетом чрезвычайно неблагоприятного соотношения курсов валют, видимо, как раз хватило бы месячной поддержки в размере 20 000 м.

В промежуточном докладе господина Штейнвакса после Кескюлы, «номера один» конспиративного предприятия, на-

званы еще: 2) агент Личев (Litcheff), 3) агент Клейн, 4) типография в Стокгольме, 5) доклады Думы и 6) затраты на более мелкие операции, поездки и т. д., а затем подведен итог:

Поэтому я прошу Ваше Высокоблагородие дать согласие и предоставить следующие суммы: 1) Кескюле, на остаток марта, апрель, май, июнь 70 000 м.

[следуют позиции 2—6]

Итого: 130 000 м.

о переводе которых в Дойче Банк, депозитная касса А., я покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие.

Штейнвакс [подпись]

Так дипломатические представители кайзера превращаются для господ Гельфанда, Кескюлы и других в долгожданных денежных посланников.

Правда, Кескюла своей именной рекомендацией правительству Германского рейха о том, чтобы среди широкого набора антицаристских группировок сделать ставку на революционера Ленина, достиг исторического апогея в агентурной работе на немцев. Далее он будет находиться в основном на заднем плане политической арены. Напротив, Гельфанд, как звезда сцены, пробирается все дальше вперед. Вплоть до ramпы, так сказать.

ТОРГОВЛЯ ГЕЛЬФАНДА СМЕШАННЫМИ ТОВАРАМИ

В сером военном 1915 г. ни одна толкучка не могла бы продемонстрировать того пестрого многообразия товаров, которые выставляет на продажу «Торговая и экспортная компания, АО» Гельфанда. Каталог товаров предлагает все — от дамских чулок до важных для войны благородных металлов оптом и в розницу. Черная икра, коньяк и презервативы; подержанные автомобили и рыболовецкие суда; медь, никель, олово, хромистое железо; китовый ус для дамских корсетов и аспирин, сальварсан для зараженных сифилисом солдат царской армии; термо-

метры, карандаши и текстиль — всего этого требует торговля с Россией, и Гельфанд транспортирует это по так называемому красному маршруту в Петроград.

Искушенный деловой человек имеет тонкий нюх на особый дефицит времен войны и кризисов. Он доставляет в Германию, уже страдающую от нехватки продовольствия, зерно и моржовый жир из вражеских стран. Замерзающую Данию, отрезанную от кардиффского угля из-за германской морской блокады Англии, он в значительном количестве снабжает каменным углем из Германии. Тем самым Гельфанд выглядит «благодетелем», сведущим торговцем всевозможным дефицитом. Торговая жизнь приносит в годы войны высочайшие прибыли.

Торговая сеть д-ра Гельфанда сплетена обескураживающе запутанно и, насколько возможно, непроницаемо для таможен и политической полиции, торгового надзора и уголовной полиции, конкурирующих торговых агентов и соперников-судовладельцев. Она в полном смысле слова представляет собой маскировочную сеть. Его деловые сделки между Копенгагеном, Стокгольмом и Берлином, между Нью-Йорком, Лондоном и Константинополем с самого начала несколько подозрительны, от них отдают чем-то полуполюгальным, подчас они и вовсе нелегалы. Политические заказчики этого непрозрачного предприятия смешанной торговли могут спокойно находиться в тени, будучи хорошо замаскированы: все операции тщательнейшим образом выкрашены в чудесно чистый, меркантильный маскировочный цвет. Даже внимательные наблюдатели со стороны враждебных держав — Англии, Франции и царской России — не видят, что все нити покупок и продаж, товарообмена и обмана, обменных курсов и лицензирования сходятся в одной точке — Петрограде. И для них в значительной мере остается тайной, что политических кукловодов крупного предпринимателя Гельфанда можно найти только в одном месте — Берлине. Там крепко держат нити в руках и точнейшим образом информированы обо всем важном.

Интимную коммерческо-конспиративную связь Гельфанда с кайзеровской миссией в Копенгагене иллюстрирует телеграмма, посланная лично ему по адресу посольства:

*Берлин 49011 через государственную телеграфную станцию
Копенгаген*

24 февраля 1916

Д-ру Гельфанду Германская миссия КБГ [Копенгаген]

Буду 8 дней Берлине. Встреча целесообразна. Номер отеля Гобсбургер Хоф.

Когда читаешь учредительный протокол незаметного небольшого торгового предприятия Гельфанда, находящегося в престижном деловом квартале в центре столицы нейтральной Дании, то едва ли может возникнуть основание для политического подозрения. С ведома и согласия германской миссии он арендовал неприметное деловое здание по Остергаде, 58. Место выбрано удачно: до германского посольства на Амалиенгаде, 3, угол Санкт-Анне-Пладе, лишь несколько сот метров.

Для всяких нотариальных дел и в качестве главного налогового советника Гельфанд нанимает авторитетного старшего судебного адвоката Ааге Фауришоу. Этот человек составляет и текст учредительного протокола:

В октябре 1915 г. в канцелярии старшего судебного адвоката Ааге Фауришоу, Сковбогаде, 1, Копенгаген, было проведено собрание.

Присутствовали господа:

д-р фил. Александр Гельфанд, проживающий по Водроффсвей, 50 Б,

*директор Георг Скларц, проживающий в Берлине,
торговец Якоб Фюрстенберг, проживающий по Мартинсвей, 8 Б, и*

старший судебный адвокат Ааге Фауришоу, председательствовавший на заседании.

Председательствующий предоставил слово д-ру фил. Гельфанду, который пояснил, что собрание проводится для того, чтобы учредить акционерное общество, которое должно заниматься торговыми и финансовыми операциями всякого рода, в частности, ввозом и вывозом товаров, представительскими и коммиссионными делами.

Выступающий заявил, что компания может пока начать с капитала в 80 000 кр. наличными, полностью внесенного.

После различных высказываний присутствующих господ было решено учредить предложенное акционерное общество, а именно под названием

Торговая и экспортная компания, АО [Handels- og Exportkompagniet, Aktieselskab]

с капиталом в 80 000 кр. наличными, полностью внесенным; тотчас была проведена подписка на капитал, при которой д-р фил. Александр Гельфанд внес

40 000 кр.

и директор Георг Скларц

40 000 кр.

В целом 80 000 кр.

Однако оба господина обязались продать господину Якову Фюрстенбергу из своей доли акций по 10 000 кр. каждый по курсу номинала в течение 6 месяцев, считая с настоящего дня, если господин Фюрстенберг изъявит желание получить эти акции. Г-н доктор Гельфанд заявил, что он в ожидании учреждения этой компании уже арендовал помещение для компании по Остергаде, 58, где организовал бюро.

Старший судебный адвокат Фауришоу предложил проекту устава компании, который был единогласно принят в качестве устава компании и вошел в настоящий протокол, снабженный печатью господина Фауришоу.

В первый Наблюдательный совет компании были избраны:

Господин д-р фил. Александр Гельфанд,

директор Георг Скларц

и Яков Фюрстенберг.

Указанный первым господин был избран председателем, указанный последним — исполнительным членом Наблюдательного совета, согласно § 17 устава. Затем общее собрание постановило, что члены Наблюдательного совета не могут иметь контрактных дел с компанией ни прямо, ни косвенно.

Было решено принять арендованное господином Гельфандом помещение по Остергаде, 58 с находящимся там инвентарем и договориться об этом с директором Гельфандом.

Акционеры уплатили внесенные суммы, на которые Наблюдательный совет выдал временные свидетельства.

Было решено безотлагательно внести компанию в регистр фирм.

На том и условились.

С точки зрения формулировок текста (не принимая во внимание неуклюжего немецкого) — размера вложенных средств и взаимоотношений акционеров, — в документе не заметно ничего экстраординарного. И это акционерное общество, как и многие другие, согласно принятой процедуре и не вызвав ни малейшего подозрения, вносится в датский торговый регистр. Да и у какого компетентного ведомства могли бы возникнуть сомнения, ведь все выглядит совершенно корректно?

В самом деле, кто в Копенгагене может знать, каким прожженным дельцом был д-р фил. Александр Гельфанд еще в Константинополе? И кто может предположить, что этого д-ра Гельфанда всего через несколько лет захотят убрать с дороги при помощи ручных гранат немецкие офицеры-националисты, поскольку он слишком много знает о тайном заговоре между высшими кайзеровскими инстанциями и большевиками?

Кто из добропорядочных датских канцелярских чиновников может знать, что директор Георг Скларц был направлен в подмогу господину д-ру Гельфанду по указанию высших политических инстанций в Берлине? Кто может предположить, что этот директор Георг Скларц совместно с германским социал-демократом Филиппом Шейдеманом через три года вложит большой собственный капитал в объявленное вознаграждение за убийство германских социалистов Либкнехта и Люксембург?

Кто может знать, что торговец Якоб Фюрстенберг под фамилией Ганецкий-Фюрстенберг (нем. Ganetzki-Fürstenberg) сообщая с Лениным два года провел в политическом подполье в Поронине под Краковом и особенно зарекомендовал себя за это время как специалист по транспортировке и контрабанде конспиративной информации? И что Ленин абсолютно доверяет этому молчаливому и отважному польскому революционеру и потому направляет его в качестве своего человека в Ко-

пенгаген и Стокгольм, отчасти и в роли наблюдателя за очень изворотливым и очень ветреным Гельфандом? И кто может предположить, что Ленин после революции назначит Якова Ганецкого-Фюрстенберга, ставшего испытанным и надежным финансовым экспертом, заместителем директора большевистского Государственного банка? И что Сталин после смерти Ленина именно поэтому велит хладнокровно убить его верного соратника, одного из последних оставшихся в живых свидетелей миллионных сделок с кайзеровской Германской империей по финансированию революции 1917 г.?

Ничего этого датские канцелярские чиновники, официально регистрирующие небольшую и отнюдь не богатую капиталом фирму, не могут ни знать, ни подозревать. Так д-р Гельфанд и его директор Георг Скларц 29 апреля 1916 г. фиксируют на бланке своей фирмы Handels- og Exportkompagniet распределение вкладов капитала:

Нижеподписавшиеся настоящим заявляют, что акции фирмы Handels- og Exportkompagniet, Aktieselskab в Копенгагене на сумму восемьдесят тысяч крон, из которых половина (40 000 кр.) выписана на имя г-на д-ра фил. Александра Гельфанда, а вторая половина (40 000 кр.) — на имя господина директора Георга Скларца, принадлежат в равных долях нижеподписавшимся.

Вышеуказанные акции были депонированы у г-на д-ра Александра Гельфанда.

Копенгаген, 29 апреля 1916 г.

Дела с самого начала идут хорошо, как свидетельствуют данные об объемах, ценах и подтвержденных заказах в письме от 23 октября 1915 г. с письменными пометками Гельфанда:

Согласно Вашему телеграфно выраженному пожеланию, повторяю Вам перечень металлов, о ценах, марках, поставщиках которых в Лондоне я просил Вас срочно сообщить.

Мы имеем твердый заказ на:

1000 тонн меди по 17 рублей золотом за пуд

2000 тонн олова по 23¹

Большое количество алюминия по 29 рублей за килограмм за фунт

Это превосходная сделка.

Кроме того, мы получаем заказы на:

Цинк в слитках и пластинах

Свинец в слитках

Сурьму металлическую

Никель

Каучук [Kautschuck вместо Kaitschuk, sic!]

Хромистое железо

Молибденистое железо

Кремнистое железо 75% и 45%

Разрешает ли русские отгрузку в Архангельск или в Александровск или через территорию Норвегии в один из балтийских портов, мы пока еще не знаем. Мы должны быть готовы ко всем вариантам. Вы телеграфируете, что занимаетесь делом «энергично». Добавьте, пожалуйста, еще немного знания дела и надежной информации, тогда мы достигнем нашей цели. До сих пор господа, рекомендованные мне по этому вопросу из Адмиралтейского и Генерального штаба, проявили, к сожалению, большие энергии, чем внимательности. Повторяю также, что необходимо прояснить дело с банком.

Прежде чем дела начались по-настоящему, трио было на волосок от того, чтобы превратиться в дуэт и лишиться директора Скларца. Он получил по своему берлинскому адресу призывную повестку в кайзеровскую армию. Согласно установленному порядку. Гельфанду приходится очень срочно обратиться к кайзеровскому посланнику, чтобы реализовать столь широко начатое секретное дело. Кто же еще вместо Скларца может быть достоверно подобран Генеральным штабом и быстро включиться в дело?

Нужно спешить, и посланник в Копенгагене граф Брокдорф-Ранцу телеграфирует 20 ноября 1915 г.:

Императорский посланник Министерству иностранных дел.

Расшифровка.

Срочно секретно!

Скларц сейчас в Копенгагене, неожиданно призван в армью, должен явиться уже во вторник. Гельфанд считает вышеуказанного по секретным основаниям, известным Вагнеру Превосходительству, сейчас совершенно незаменимым. По возможности прошу освобождения Скларца.

Ранцау.

Разумеется, этого человека освобождают «сверху» от военной службы. В конце концов, Генеральный штаб имеет на Скларца более серьезные виды. Он остается дислоцированным в предприятии Гельфанда. На особом посту.

Дело, для которого он необходим, — транспортировка товаров взад-вперед в таких количествах — требует больших транспортных мощностей. Поэтому необходимо приобрести грузовые пароходы. В дело вновь вступает правительство в Берлине:

На основе нашей сегодняшней договоренности в отделе «Эсила-нада» присутствовавшие группы согласились с тем, что ведение дела возможно лишь в том случае, если найдут свое разрешение следующие пункты:

1) На требуемое судно ок. 4000 тонн германское правительство должно взять на себя гарантию от любых убытков.

Требуемый для этого капитал, включая оснастку, составляет ок. 1 1/2 миллиона марок, и при этом участвующий в деле судовладелец, предоставляющий капитана и команду, обязуется, что примет судно по завершении нашей операции или в привлекательный для правительства срок по рыночной цене, установленной специалистами. При покупке судна правительство должно гарантировать требуемые средства перед банком, уполномоченным производить финансирование.

2) В качестве продажной цены груза в России принимается текущая лондонская цена плюс 25% надбавки за фрахт, страховку (и заработок) при отгрузке в России, т. е. при сильных колебаниях и предполагаемом дальнейшем повышении цен на сырье невозможно заключать твердые сделки на более длительный срок. Это тем более необходимо принять во внимание здесь, т. е. при

растущем спросе и растущих закупках биржевые цены тотчас автоматически повышаются.

Ко вчерашнему обсуждению вопроса о банках теперь еще добавляется то, что судовладелец, господин Дальстрем, хочет объявиться также участвовать в еще, возможно, имеющемся риске.

Тем временем Гельфанд получает данные о прибылях и записывает карандашом на листе писчей бумаги:

Олово выручка в России

2000 т по 62 пуда = 124 000 пудов по 25 руб. золотом = 5 952 000

дат. крон

Закупка

Цена, предлагаемая Kriegs Metall AG

2000 т по 153 фунт. стерл. = 5 285 600 дат. крон

[другие позиции]

Закупка

2000 т по 159 фунт. стерл. = 5 596 800 дат. крон

Выручка: 5 952 000

Закупка: 5 385 600

Валовая прибыль: 566 400 дат. крон

На другом листе записаны выручка и затраты по меди:

Выручка в России: 2 023 680 дат. крон

[следуют различные подсчеты затрат]

Валовая прибыль: 536 480 дат. крон

На «алюминиевом» листе деловой человек под чертой в конце, после выручки в размере 4 166 400 дат. крон и вычета затрат в 3 256 000 дат. крон, получает валовую прибыль почти в 1 млн.: 910 400 дат. крон.

И так далее, лист за листом. Миллионные и полумиллионные суммы следуют друг за другом. Рукопись отражает четкую ровную картину. Тот, кто пишет и рассчитывает, предстает абсолютно уравновешенным, как и его балансы.

Правда, в материалах имеется и листок, где слова записаны очень спешно. Перечеркнутое, вставленное, переписанное. Гельфанд дает срочное указание:

В течение 24 часов повторно указать требуемый банк. Покупатели хотят немедленного покрытия [платежей при посредничестве банка], несколько миллионов, требуют также предоставления гарантий... Если банк не будет немедленно указан, сделка лопнет. Обязательно ожидаю всех господ завтра здесь.

Гельфанд.

Чтобы сохранить целостное представление, быть в курсе всех дел и следить за прибылью, необходимо, имея в виду объемы и суммы, полное напряжение сил. Гельфанд чувствует себя способным на это, но Скларцу и Ганецкому-Фюрстенбергу тоже приходится напряженно работать.

Например, дирекция Kriegsmetall Aktiengesellschaft в Берлине предлагает Скларцу для покупки крупные объемы стратегически важных ценных металлов: ок. 500 тонн никеля, 100 тонн вольфрамистого железа, 1000 тонн хромистого железа, 500 тонн электролитной меди, 500 тонн олова и ок. 1000 тонн мягкого свинца. Похоже на производство бомб. Или, точнее говоря, на производство металлических гранат. Но господам из Kriegsmetall-Gesellschaft на Потсдамерштрассе в Берлине приходится сильно торопить адресата, господина Скларца. На втором году войны уже израсходовано столько миллионов гранат и патронов, что спрос на вооружение угрожает превысить его предложение. Кроме того, кажется, как раз предстоит какого-то рода переговоры о заключении мира с Англией, которые могут испортить прибыльный бизнес вооружений. Вновь стороны, имеющие идентичные интересы, вынуждены торопиться. Это можно вычитать из письма Kriegsmetall-Gesellschaft:

Господину Скларцу, Берлин.

Сроки поставок:

Пароход должен прибыть в германский порт не позднее 15 декабря 1915 г. Если по непредвиденным обстоятельствам пароход, о прибытии которого Вы должны нам сообщить немедленно, придет только позже, мы имеем опционное право решить, примем ли мы металлы по вышеуказанным ценам или нет.

Оплата:

Оплата производится по прибытии товара и его обследовании.

Если ко дню отбытия парохода из Англии произойдет заключение мира или перемирие с Англией или событие, существенно изменяющее нынешнее состояние морской блокады Германии, мы имеем право отказаться от договора, но должны принять уже закупленную Вами массу товаров по подтвержденной покупной цене-плюс комиссионные расходы в размере 10% стоимости этих товаров. Если Вы с целью выполнения этого договора твердо купите пароход, мы готовы принять и это судно по цене реально подтвержденных издержек, но исключая какие-либо комиссионные расходы Вас и Ваших компаньонов.

Мы настоятельно просим подтвердить вышеуказанные условия и подписываемся

*с глубоким уважением
[две подписи]*

Быстрые военные сделки сулят высокие прибыли, но требуют и высокой готовности к риску. Гельфанд, очевидно, может положиться на своего партнера, коль скоро он предоставляет ему свободу действий. В телеграмме из Копенгагена Скларцу в берлинский отель «Эспланада» Гельфанд сообщает: «Телеграмма получена, предоставляю на Вашу ответственность, если сделка потерпит неудачу».

Когда в торговую штаб-квартиру Гельфанда на Остергаде, 58 поступают телеграммы наподобие этой: «Д-ру Гельфанду. Господин директор Гутteman в качестве уполномоченного банковского дома Блейхредер прибывает в субботу вечером со мной в Копенгаген. Скларц», Гельфанд спокоен. Он знает: Скларц работает в Берлине только с ведущими господами из больших финансов, т. е. с хорошими платежеспособными кредиторами.

На большой войне требуется и невообразимая масса униформы. Одежда сотен тысяч мертвых, разорванных на куски и истекших кровью солдат редко поддается дальнейшему использованию. Для новой униформы необходима огромная масса шерсти. Гельфанд может помочь, ведь в этой сфере у него наилучшие связи еще со времени балканских военных сделок, когда он заработал

свой первый миллион. Ему достаточно только заказать, и уже фирма Б. сообщает из Константинополя 13 октября 1915 г.:

20 вагонов анатольской шерсти, франко-болгарская граница, 4,10 м. за кило господину Скларику в Берлин, в настоящее время Егерштрассе, 20.

Дела Гельфанда идут как нельзя лучше.

На больших войнах используется и большое количество медикаментов. Гельфанд может через быстро организованное предприятие-компаньон, фирму «Фабиан Клингсланд» в Варшаве, имеющую дочернее предприятие в Петрограде, незаметно осуществить многие сделки и в этой сфере. Яков Ганецкий-Фюрстенберг из Копенгагена заключает с фирмой «Клингсланд» договор:

Договор

Между фирмой «Фабиан Клингсланд» в Варшаве и господином Якобом Фюрстенбергом в Копенгагене.

1) Господин Я. Фюрстенберг передает фирме «Фабиан Клингсланд» на комиссионных началах исключительное право продавать поставляемые им медикаменты на всей территории Российской империи, за исключением районов, которые находятся под оккупацией или позднее попадут под оккупацию. Фирма «Клингсланд» не имеет права приобретать или продавать в России медикаменты иначе, как при посредничестве фирмы Фюрстенберг.

2) Получаемые фирмой «Клингсланд» комиссионные доходы составляют пять процентов от суммы, которую она выручит от продажи упомянутых медикаментов.

3) Расходы фирмы «Клингсланд» на телеграммы и почтовые отправления при ее сообщении с фирмой Я. Фюрстенберг, а также расходы, которые будут связаны с получением данных товаров через границу, относятся на счет фирмы Я. Фюрстенберг. В случае экстраординарных расходов фирма «Клингсланд» должна получить на это согласие [от] фирмы Я. Фюрстенберг.

4) Товары продаются в России за счет фирмы Фюрстенберг, при этом фирма «Клингсланд» обязуется предоставлять фирме

Фюрстенберг непосредственно после продажи копии счетов или оригиналов сделок по состоявшимся продажам. Фирма «Клингсланд» обязуется в полной мере содействовать уполномоченным фирмы Я. Фюрстенберг и представлять им все соответствующие документы и счета для ознакомления их с продажами и с управлением делами.

5) Все деньги, поступающие из продаж на счет фирмы Я. Фюрстенберг у фирмы «Клингсланд», должны быть ею в тот же день или, самое позднее, на следующий день депонированы в банке в Петрограде на счете фирмы Я. Фюрстенберг или третьего лица по указанию последней.

6) Фирма «Клингсланд» обязуется верно следовать всем указаниям фирмы Я. Фюрстенберг относительно цен.

7) Если при приеме товаров фирмой «Клингсланд» будет установлена недостача или порча, они относятся на счет фирмы Я. Фюрстенберг. С момента принятия товара фирма «Клингсланд» несет ответственность за его количество и качество.

8) Расчет по расходам и комиссионным доходам производится каждые три месяца. Отчет о расходах подается ежемесячно.

9) Настоящий договор действует до заключения перемирия между Россией и Германией. Если, однако, месячный оборот составит менее 50 тысяч рублей, фирма «Клингсланд» имеет право расторгнуть договор и обязана в этом случае передать уполномоченному фирмы Я. Фюрстенберг все товары фирмы Я. Фюрстенберг, находящиеся у нее на складе или в пути.

10) Фирма «Клингсланд» не имеет права продавать товары ниже цены, которая ей будет указана. При сделках, которые в отдельности совершаются на сумму более пяти тысяч рублей, в каждом особом случае необходимо получить согласие фирмы Я. Фюрстенберг.

11) Фирма Я. Фюрстенберг имеет право расторгнуть настоящий договор, если выяснится, что фирма «Клингсланд» продает товар ниже существующих текущих цен.

12) Спорные случаи разрешаются по датской юрисдикции судами в Копенгагене.

Ганецкий-Фюрстенберг устраивает в фирму «Клингсланд» свою родственницу, двоюродную сестру Евгению Суменсон,

которая еще сыграет важную роль при тайных переводах денег из немецких источников для последующей передачи д-ру Козловскому, доверенному лицу и «главному кассиру» Ленина.

Большая война расширяется все дальше, и вскоре ее будут называть мировой войной. Гельфанду также необходимо расширяться дальше, если он хочет использовать предоставленные шансы; нужно перевозить взад-вперед все большее количество товаров по все более дальним маршрутам. Так приходит идея создания «Американо-скандинавско-российского акционерного общества» (Amerikansk Skandinavisk Russisk Aktiengesellschaft – ASRA). В пункте 1 нижеследующего документа для начала поясняется, о чем при этом идет речь. Становится ясно, что уже имеется в виду послевоенное время:

Предложение

ASRA – Amerikansk Skandinavisk Russisk Aktiengesellschaft.

П. 1. Как свидетельствует название, это акционерное общество создается преимущественно для того, чтобы вести торгово-товарные операции по импорту и экспорту в вышеназванных странах и через них для использования шансов, которые имеются сейчас и будут иметься после войны. Где это целесообразно, могут, разумеется, совершаться и сделки из других стран и с другими странами, чем указанные в названии.

П. 2. Акционерный капитал будет пока составлять 100 000 крон (из них 66 666, т.е. 2/3 – привилегированные акции). [...]

Следует множество позиций, которыми регулируется трансферт денег. Но затрагиваются и персональные вопросы, и Гельфанд особо следит за тем, чтобы Ганецкому-Фюрстенбергу, связнику Ленина, был предоставлен надлежащий пост в акционерном обществе по его поручению и в качестве представителя его интересов:

Чтобы использовать шансы, которые предоставят изменившиеся торговые отношения после войны и которые частично существуют уже сейчас, директор общинный советник Карл Смит и фабрикант Пауль Йохансен этой весной положили начало тор-

говой компании, чтобы вести экспортные и импортные операции, имея в виду особенно экспорт, транзит и дальнейшую торговлю с Россией.

В этих целях директор Карл Смит предпринял трехмесячную поездку в Америку и затем в Россию, установил связи и привез образцы и другое, что необходимо для этой цели.

Акционерный комитет состоит максимум из трех лиц. Г-н Карл Смит обязуется взять на себя текущее руководство и, возможно, предпринимать необходимые поездки. Далее, назначается глава конторы (господин Фюрстенберг) и избираются два лица для контроля.

Гельфанд договаривается и с деловым человеком Э. Галлагером, который сообщает ему в июне 1915 г., что «мне для моих русско-американских людей в Нью-Йорке были предложены различные пароходы», чтобы Гельфанду было легче эффективно решать вновь и вновь возникающую проблему транспортировки товаров. Сообщение от 21 июня 1916 г. читается как та глава в «Трехгрошовой опере» Брехта, где спонсоры спекулятивной компании транспортных судов собираются в ванной в лондонском квартале Баттерси для своих обсуждений прибылей и убытков:

Покорно ссылаясь на нашу сегодняшнюю договоренность, настоящим позволю себе дать следующие разъяснения по затронутой проблеме.

Мое первое предложение состоит в том, чтобы господин Дальстрем купил пароход, голландский либо норвежский.

Поскольку как в Норвегии, так и в Голландии сложно продать судно за границу, данный пароход внешне остается в прежних руках, тогда как в действительности правомерным владельцем становится господин Д. — Деньги могут быть выплачены владельцу через фирму в Христиании [Осло], и трансфертные трудности послужат для него достаточным основанием, чтобы сохранить пароход под своим именем.

Тогда я попрошу его сообщить моим людям в Ньюорке, что пароход такой-то по такой-то цене готов к чартерным перевоз-

кам оттуда (НЮ) в Архангельск или на Кольский полуостров. — Тогда он сдает его по чартеру маклеру в Ньюорке (William & Wichters или H.L. Steward Corp.), и тот, с которым я нахожусь в очень близких отношениях, примет тогда в первую очередь такой груз, в котором мы больше всего нуждаемся в Германии. — Это можно хорошо отрегулировать через фрахтового агента, и товары будут оплачиваться русскими фирмами и благополучно отправляться в Россию. У меня есть капитан, ожидающий этой возможности 4 месяца, — за исключением него и старшего машиниста, являющегося его двоюродным братом, никто об этом деле толком не знает. — Итак, пароход покинет НЮ с чистыми бумагами, с русским грузом англичане нигде его не задержат, кроме того, он проследует далеко на север и, наконец, из-за поломки машины или нехватки угля подойдет к норвежскому берегу. — Он может тогда пойти на юг в пределах 3-мильной границы. — Его могла бы тогда где-нибудь на заранее обусловленном месте принять немецкая подводная лодка — подлинные обстоятельства дела в этом случае никогда не станут известны. — Стоимость 8000 тонн груза могла бы вполне составить 2 1/2 миллиона долларов. — Скажем, господин Д. заплатит за пароход 1 000 000 \$. — Если он действительно зафрахтует пароход, то получит за рейс примерно 400 000 \$ — после оплаты из них страховки, военной страховки парохода, комиссионных и т. д. все равно останутся несколько сот тысяч долларов, и, если взять самый худший случай, что пароход заберут или торпедируют британцы, он получит назад от страховщика свои деньги, даже еще кое-что заработает. — Но если дело пойдет хорошо, то у него будет судно и полный груз, на который германское Адмиралтейство за контрабанду в Россию, естественно, наложит арест. — О дальнейшем тогда должны договориться господин Д. и правительство. — Еще лучше, если он зафрахтует пароход просто от имени Skwort Corp. — реально он заплатит людям 5%, чтобы быть чартерным перевозчиком, и получит тогда 65—70 долларов за тонну или вместо 400 000 \$ ок. 520 000—560 000 \$, что составит для него дополнительный доход приблизительно в 1 миллион марок.

Поскольку я могу безусловно положиться на моих людей, дело можно реализовать, и господин Д., как бы оно ни пошло, никогда

ничего не потеряет. — Сейчас у нас в руках есть норвежец водоизмещением в добрых 8000 тонн и совсем новый голландец на 10000 тонн. — Оба можно застраховать почти по полной стоимости.

Если Д. предпочтет не покупать пароход, тогда мы зафрахтуем его через Skwort Corp. в НЮ.; на такие товары, которые Д. тогда захочет купить, я в состоянии добыть разрешение на ввоз и все необходимые справки от российского правительства и найти покупателя для проформы. — Однако первый путь представляется мне самым простым и таким, где можно заработать больше всего, тем более что русские подарят нам весь груз. — И если в этом случае окажется, что русские не закупают какой-то товар прямо в НЮ., а Д. непременно захочет его отправить, то пусть он его купит, а я изготовлю русские документы для этой цели.

Если господин Д. заинтересуется этим делом, я немедленно поеду в Гамбург для обсуждения и я смогу легко удовлетворить Д. относительно рекомендаций и т. д. в Германии.

В свое время я долго вел переговоры об этом деле с тайным советником Альбертом и капитаном ф. Папенем. — Но переговоры с правительством протекают очень медленно, почему я и езжу сюда, чтобы ускорить дело.

Жаль, что я недавно не встретил господина Д. в Гамбурге. Вы ведь знаете, что срок действия моего паспорта истек 13-го, и т. к. Ваши письма мне в отеле «Рейхсхоф» не выдали, я не знал, как обстоят дела, даже не знал, говорили ли Вы вообще с Дальстремом, потому я не рискнул позвонить ему на квартиру.

В ожидании Ваших сообщений остаюсь
с глубоким уважением
Э. Галлагер.

Этот документ до сих пор сохранился в секретном государственном архиве «Прусский фонд культуры» (Preussischer Kulturbesitz) после неоднократных «чисток» наследия Гельфанда представителями самых разных групп интересов. Занимательный и чрезвычайно поучительный документ о нелегальной и полулегальной торговле между великими державами, враждо-

вавшими в ходе войны, наглядно демонстрирует, насколько талантливо Гельфанд построил свою почти необозримую и непроницаемую систему торговли, транспорта, денежного обмена и денежных трансфертов. Все его акции через миссию в Копенгагене становятся более или менее известны в столице кайзеровского Рейха Берлине. — И желанны. Гельфанд наилучшим образом подготовился, чтобы форсировать финансирование все более актуальной антицарской революции в России. Об этом знают Министерство иностранных дел, Генеральный штаб и руководство Рейха. Его Величество кайзера Вильгельма II, естественно, не посвящают в детали, его только время от времени просят продлить свое общее согласие: из-за миллионных затрат, которые ему вновь и вновь приходится разрешать для оплаты своего плана революции в России.

Дополнение к личному делу Гельфанда:

Является ли Гельфанд шутником или просто алчным неплательщиком налогов? Для датских налоговых служб жонглер миллионами указывает за 1916 г. доходы всего лишь в 41 200 крон. Старшему судебному адвокату и налоговому советнику Ааге Фауршоу очень неловко, что ему не раз приходится подобающим образом торопить своего обремененного миллионами клиента д-ра Гельфанда учесть, наконец, его напоминание об уплате налога на собак в размере 12 крон: это произвело бы на чиновников лучшее впечатление.

ЧЕРНАЯ ИКРА И ПУШКИ

Когда в октябре второго года войны «придворный поставщик Его Величества императора и короля, Его Императорского и Королевского Высочества кронпринца» А. Миха предлагает оптовому покупателю и перепродавцу д-ру Гельфанду раков, устриц, омаров, королевских омаров и черную икру, в этом нет ничего каверзного. Торговец деликатесами, имеющий телеграфный адрес «Krebsmicha Berlin», предлагает директору Гельфанда Скларцу, проживающему в фешенебельном отеле «Эспланада», номер 236, прибыльную икорную сделку с известным в отрасли господином Шелеховым и побуждает его дей-

ствовать. «То обстоятельство, что русские и немецкие газеты сообщили о сильном снижении потребления черной икры в Германии, что и соответствует действительности, несомненно поддержит наши совместные усилия», — пишет торговец.

Кто бы мог всерьез возражать против торговли деликатесами? Старая истина: годы войны — это время нужды, время нужды порождает дефицит, а торговля дефицитом сулит более высокие прибыли. Но закоренелая алчность Гельфанда, ввиду безбрежной широты его деятельности, вскоре вызывает толки и порождает завистников. В его нечистоплотные дела вовлечено слишком много людей, чтобы все могло сохраниться в секрете. Черная икра, уголь и презервативы никого не побуждают выйти из дела на пресловутые баррикады. Однако при прорыве политического и прежде всего политико-оружейного бойкота и эмбарго на торговлю стратегическими дорогостоящими ценными металлами для соответствующей военной отрасли ведущей войну великой державы дело обстоит уже иначе. Если торговая компания Гельфанда на нейтральной датской и шведской земле тайно доставляет из Англии в Германию стратегическое сырье, которое, будучи переработанным в снарядные гильзы, убивает британских солдат на Западном фронте, это может порадовать соответствующие инстанции в Германии. Однако когда немецкое энергетическое сырье течет через нейтральные Данию и Швецию в царскую военную промышленность и русские снаряды убивают немецких солдат на Восточном фронте, это едва ли может обрадовать какое-то германское ведомство. Так вскоре, прежде всего в социал-демократических кругах, полушепотом произносятся очень критические слова о Гельфанде — «наживается на войне». Тот, кого поносят, конечно, тоже узнает об этом. Он находит для себя, как ему кажется, простое оправдательное объяснение: «Цель оправдывает средства». Применительно к нему это должно означать, что для финансирования революции в России пригодны все средства, все *средства торговли*. Но при массовой гибели людей в окопах и снарядных воронках на поле боя затрепанный афоризм превращается в ужасную попытку оправдания убийства.

Гельфанд не хочет осознать, что он со своими торговыми прибылями от поставки туда-сюда стратегически ценных металлов ведущим войну державам в то же время обогащается на массовой гибели людей на полях сражений. Точно так же, как в это самое время и германский пушечный король Крупп. Ведь близкий друг германского кайзера и в годы войны получает от английского оружейного концерна Веккерс причитающуюся ему по торговому договору лицензионную выплату за каждый выпущенный снаряд с тиснением «KPZ» (Krupp Patent Zeitzylinder — дистанционный взрыватель, патент Круппа). Тем самым германский оружейный магнат Крупп зарабатывает на каждом английском снаряде «KPZ», выпущенном по немецким солдатам. Критики из социал-демократических кругов клеймят это накопление капитала Круппа как «деньги на крови».

И вот революционный теоретик социал-демократии, который несколько лет назад так бурно подчеркивал, что германская социал-демократия является его «новой родиной», наталкивается на растущую критику из своих собственных рядов. При всей жажде коммерческой прибыли критические мысли его немецких единомышленников все же очень неприятны для Гельфанда. Он замечает, что пара дел начинает идти у него несколько вразброд. В одних он хотел бы акцентировать все немецкое, в других — социал-демократическое, в третьих — торгово-политическое. И акцентировать все это опять же по-разному, в зависимости от войны или мира, победоносного мира или революции. Этот политшпагат выглядит, конечно, несколько своеобразно, когда Гельфанд 11 февраля 1916 г. со своего адреса в фешенебельном квартале Тиргартен (Берлин, В 10, Тиргартенштрассе, 9) вновь пишет в Министерство иностранных дел ходатайство, чтобы стать германским, прусским гражданином:

«Настоящим я ходатайствую перед Королевским Прусским правительством о предоставлении прусского гражданства и прошу согласия и передачи данного ходатайства Королевскому Прусскому Министерству внутренних дел. [...] Уже в 1896 г. я пытался получить германское гражданство. С началом войны я со всей решительностью встал на почву решений о победоносном ведении войны, принятых германской социал-де-

мократией. В результате моих публичных выступлений в этом духе я вызвал к себе ожесточенную вражду официальных и патриотических кругов России и ее союзников, которые объявили меня изменником родины и развязали и все еще продолжают в печати Европы и Америки кампанию против меня, полную постыднейшей клеветы. Единственным основанием этих нападок является тот факт, что я родился в России и до сих пор еще не обладаю правами гражданина Германии, хотя я посредством воспитания, образа мыслей и моей жизненной деятельности принадлежу к Германии почти целое поколение.

Если я сейчас возобновляю мое ходатайство о предоставлении прав гражданина Германии, то делаю это как по личным причинам, т. к. желал бы, чтобы духовные узы, связывающие меня с немецким народом, были признаны и формально, так и в особенности по политическим причинам. Важно, чтобы в великой битве народов, которую развязала война, каждый проявил себя со всей своей силой. В моем случае это возможно только при условии, что я смогу действовать как полноправный германский гражданин».

Чтобы выйти из-под обстрела своих социал-демократических товарищей, Гельфанд пытается сформулировать оправдание для своего богатства и при этом, указывая пальцем на других, перечисляет исторически прогрессивных лиц, которые также не бедствовали:

«Следующим моментом, который вновь и вновь выдвигают клеветники, является то обстоятельство, что я составил себе состояние. На этом я должен остановиться несколько подробнее.

Богатых людей и крупных торговцев было в социалистическом движении немало. *Сен-Симон* составил себе состояние на военных поставках, *Фурье* был торговцем, *Р. Оуэн* был владельцем фабрики, *Фр. Энгельс* был также владельцем фабрики и крупным капиталистом, без его денег *Карлу Марксу* пришлось бы очень плохо. В германской партии самым известным примером является *П. Зингер*, который был владельцем фабрики и очень богатым человеком».

Чтобы избавиться от позорного пятна «нажившегося на войне», Гельфанд попытался в написанном в апреле 1918 г. в Сток-

гольме объемистом оправдательном сочинении под программным названием «В борьбе за правду» (Im Kampf um die Wahrheit) морально обосновать свои многообразные операции задним числом:

«Чтобы не бросаться несобоснованными словами, я хотел бы привести в качестве примера созданную мной в Копенгагене «Фрахтовую и транспортную компанию» (Fracht- und Transportgesellschaft), на которую ссылались газеты. Компания сумела справиться с задачей поддержания регулярных перевозок угля во время войны. Тот, кто сколько-нибудь знаком с фрахтовым делом, согласится, что это было чрезвычайно сложно. И, кроме того, наша компания добилась небывалого снижения тарифа морских перевозок. [...]

Я мог бы назвать целый ряд предприятий, где я в той или иной форме использовал новые идеи. Но все это не имеет большого значения. Я далек от того, чтобы желать оправдывать капиталистическую прибыль личными качествами. Я, однако, не понимаю, почему мне не следовало притянуть на свою сторону часть прибавочной стоимости, накопленной классом капиталистов».

Добытчик и посредник в доставке денег для революции хочет также заставить поверить критиков в небылицу, что его личное богатство, накопленное в военное время, служит социальным целям:

«Мое богатство, размеры которого, кстати, были чрезвычайно преувеличены сллетнями и пересудами, никоим образом не тяготит меня. Оно лишь дало мне возможность расширить мою социальную деятельность».

Это — гротескная ложь. Трудно представить, что разыгрывается в Берлине всего через три месяца после опубликования гельфандовского «правдивого» сочинения. Гельфанд встречается на экономических переговорах с товарищами из посольства Советской России в Берлине, которые теперь, после Октябрьской революции, выступают в качестве первых официальных представителей ленинской советской власти в еще существующем германском кайзеровском Рейхе. Петрограду срочно нужен уголь, последствия войны ужасны. Тут сразу же вступает в дело торговец-революционер и предлагает поставить 100 000 тонн угля. Правда, Гельфанд требует от своих петро-

градских товарищей пять процентов куража. При значительном объеме энергетического сырья в этом случае на его личный счет поступила бы заметная сумма. Петроградские товарищи не понимают революционера Гельфанда. Куда девалась его революционная этика? Но торговец Гельфанд не позволяет с собой торговаться, он не уступает. Очевидно, на деньгах его многолетняя революционная дружба заканчивается.

Товарищи из Петрограда не позволяют Гельфанду шантажировать себя, поэтому он безжалостно оставляет ни с чем своих соратников по борьбе. — Прошло ровно три месяца с тех пор, как он так горько жаловался, сколько бумаги было исписано, сколько чернил и желчи разбрызгано, сколько грязи собрано, чтобы его очернить.

Его деловые бумаги, насколько они сохранились, и его взгляды, насколько они были провозглашены им самим, очерняют его в достаточной степени, и он уже, кажется, этого даже не замечает. Или он полностью вычеркнул из памяти, или действительно забыл, сколь сильное чувство страха охватило его осенью 1915 г., когда до него дошла информация, что определенные генеральные штабисты в германских военных кругах хотят совершить «короткую расправу» в России и направить острие наступления кайзеровских армий Восточного фронта непосредственно на Петроград, чтобы, недолго думая, оккупировать российскую столицу. Тем самым его тайное революционное предприятие и финансирование в мгновение ока оказалось бы излишним, и тогда он не мог бы больше ссылаться и на кайзеровскую программу революционизации.

Если царская столица однажды «падет», будет побеждена и подвергнется военной оккупации, то вся система распадется изнутри и в то же время неудержимо раскрошится на периферии. Сепаратистские силы на периферийных территориях сами почувствуют себя в силах провозгласить и реализовать свою национальную независимость от ядра России. Тем самым столь важная сейчас для германского Генерального штаба, Министерства иностранных дел и руководства Рейха центральная фигура военного заговорщика Гельфанда стала бы бесполезной и потому излишней.

Гельфанд сразу же осознает опасное для себя положение и ищет выхода, чтобы спасти свою значимость и незаменимость. 7 сентября 1915 г. он срочно встречается с германским посланником фон Брокдорф-Ранцау на копенгагенской Амалиенгаде, 3. Со всей положенной и отрететированной Гельфандом дипломатической сдержанностью он представляет кайзеровскому посланнику своего рода доклад о военно-политическом положении со своей точки зрения. Гельфанд наглядно объясняет, что военная оккупация Петрограда остановила бы уже начинающуюся революцию и настроения столичного населения начали бы развиваться заново в том смысле, как устроиться при все-таки враждебной оккупационной власти. Никто не может сказать с уверенностью, в какую сторону это бы завело. Кроме того, Гельфанд отмечает, что было бы умнее в стратегическом отношении обратить военное преимущество перед царскими вооруженными силами, если таковое вообще имеется, к югу России и продвинуться к «зернохранилищу» — Украине, к богатой железом и углем территории Донецкого бассейна. Тем более, что для этих огромных территорий в меморандуме германской индустрии и банков 1914 г. уже очень точно сформулированы детальные «цели войны».

Из имеющихся актов неясно, насколько «аварийный тор-моз» Гельфанда, его стремление не подвергнуть угрозе «свою» революцию в Петрограде принимается во внимание влиятельными инстанциями с однозначными ссылками на рекомендации со стороны Гельфанда. Однако акты копенгагенской миссии подтверждают, что Брокдорф-Ранцау немедленно сообщает по телеграфу в Берлин, в Министерство иностранных дел, о беседе с Гельфандом.

В следующую четверть года Гельфанд очень внимательно следит за всей информацией, которая могла бы свидетельствовать о подготовке наступления германской армии в направлении Петрограда. В последующие три месяца он воздерживается от поиска контактов с германским посланником и вновь появляется у Брокдорф-Ранцау лишь 21 ноября. Теперь он ссылается и на новейшую информацию, полученную от своего доверенного лица, недавно вернувшегося из Петрограда. Рево-

люционное настроение, сообщает тот, становится в царской армии, даже в офицерском корпусе, все более ощутимым, и к тому же в Петрограде и Москве в предстоящую зиму можно ожидать голода. И эту новость Брокдорф-Ранцау по долгу службы сообщает Министерству иностранных дел.

Германская кайзеровская армия не захватывает Петроград, и Гельфанд может продолжать деятельно работать над своей программой революционизации.

МЕЛКИЕ ДЕНЬГИ И ПИСТОЛЕТЫ

Коллега по службе графа Брокдорфа, его шведский сосед, императорский посланник в Стокгольме барон Люциус фон Штеттен вынужден в это же время заниматься аналогичными дипломатическими проблемами. Конечно, у фон Штеттена есть преимущество: ему не приходится терпеть постоянных денежных домогательств торгового революционера или, точнее говоря, революционного торговца Гельфанда, но и на рабочем столе высшего германского дипломата в Королевстве Швеция готовятся очень своеобразные документы: сообщения, распоряжения, аналитические обзоры, доклады, много зашифрованного, подписанного зачастую лишь энергичной подписью «Люциус».

Из массивного здания посольства на напоминающей парк Кункстредгардсгатен с красивым видом на Королевскую оперу у Нордстрема и Королевский замок отправляется, например, письмо посла непосредственно «Его Превосходительству рейхсканцлеру господину фон Бетман-Гольвегу», копию которого его канцелярия немедленно переправляет в Генеральный штаб для информации и координации.

Текст производит просто курьезное впечатление и читается как кусок из бульварного детектива:

Императорское Германское посольство, А. I. № 2807.

Прибывший сегодня пистолет-маузер, а также девять тысяч рублей вручены русскому Лбову. Он сегодня вечером выезжает в Петербург.

[Подпись:] Люциус

Что же такого таинственного должен сделать «русский Лбов» в Петрограде, что даже германский рейхсканцлер должен быть проинформирован о вручении ему маузера?

Другой документ, договоренность о саботаже, принятая Рудольфом Надольным в Генеральном штабе 21 ноября 1915 г. и записанная им на трех листах бумаги, дает простой ответ:

[Печать:] Секретно

Между германскими инстанциями и господином Лбовым достигнута следующая договоренность:

1. *Господину Лбову выплачиваются 10 000 руб. наличными [baar вместо bar, sic!], в т. ч. при достижении этой договоренности 1000 и 23 ноября в германской миссии в Стокгольме еще 9000 руб.*

2. *Господин Лбов возьмет на себя взрыв моста сибирской железной дороги через Волгу у ... [в оригинале неразборчиво] в течение 1 месяца, считая с завтрашнего дня. Должна быть полностью взорвана, что крайней мере, 1 арка моста ... [в оригинале неразборчиво], а именно арка, находящаяся над водой. День взрыва должен быть сообщен заранее следующей телеграммой в Стокгольм:*

Господину Рунге

Фирма Дальстрем и Ко. Стокгольм

Contrad sera conclu [Дата взрыва] Лбов

[...]

3. *Затем, т. е. в течение двух недель после взрыва, германские службы должны поставить:*

1500 автоматических пистолетов или револьверов новой конструкции с прикладами [?] с 375 000 патронов, а также 5 ... [в оригинале неразборчиво] с русскими ... [в оригинале неразборчиво].

Детали поставок сообщаются посланником Лбову, который дист знает о себе в Стокгольме барону Фрайссу, назвав фамилию Лбов и пароль «Красный свет». Оружие и боеприпасы должны находиться в ящиках весом не более 80 кг, хорошо упакованные.

4. *Одновременно Лбов со своими товарищами должен начать свое революционное движение в центральных губерниях. При этом он, если это возможно, должен в первую очередь парализовать добычу угля в Донецком бассейне.*

Как только он достоверно достигнет последнего, ему будут еще поставлены:

3500 пистолетов или револьверов как выше

с 87 500 патронов, а также

2000 винтовок с 500 000 патронов,

кроме того, 1 миллион марок в российской валюте.

Если ему не удастся вывести из строя донецкие шахты, но его движение вызовет повсеместные волнения, по крайней мере, в 1 уезде, то ему будут поставлены указанное оружие и 1/2 миллиона марок денег.

5. Если его движению удастся достоверно охватить целую губернию, то ему будут выплачены еще 2 миллиона марок.

6. ... [в оригинале неразборчиво] дальнейшие двухсторонние действия, то затем будут заключены дальнейшие соглашения.

7. Господин Лбов будет держать в Стокгольме доверенного человека, который даст о себе знать барону Фрайссу (Прайсси). Затем миссия в отдельных фазах, после сообщений последнего определит, должны ли германские службы осуществлять выплаты и прочие поставки или нет.

Берлин, 21 ноября 1915 г.

Принял: Надольный, 21.11.

10 000 рублей за разрушение важного железнодорожного моста во вражеской стране и последующие катастрофические трудности транспортировки солдат и военного снаряжения — пушек и снарядов — в это военное время, в широких рамках миллионных инвестиций в «политику инсургенизации в России», могут считаться нормальным расчетом.

И германский посол в Стокгольме платит согласно распоряжениям.

Фон Штедтен должен заботиться и о нормальной поставке шведских крон, пересчитанных в немецкие марки и рубли, если речь идет о тысячах винтовок, сабель и патронов, которые как-либо необходимо доставить революционируемым силам. И об этом он сообщает германскому рейхсканцлеру, господину фон Бетман-Гольвегу, в письме от 29 июня 1915 г. из кайзеровской германской миссии в Стокгольме под шифром А.1. № 1758, № 294:

Секретно!

Насколько видно из записей, оставленных господином фон Фестенбергом, он закупил 4272 винтовки и 335 сабель с ножнами. Из них 3810 винтовок и 335 сабель находятся на здешнем складе в распоряжении господина фон Опелля. Уплаченная цена составляет 15 крон за винтовку и 10 крон за саблю, в сумме 64 080 крон и 3350 крон. Патроны заказаны у здешней фирмы Экман, и за подготовительную работу, расширение фабрики и приобретение материалов было уплачено 34 750 крон, однако поставка не состоялась. Закупались ли еще винтовки и не лежат ли они в других местах, за отсутствием каких-либо материалов установить не удалось. Об этом мог бы сообщить только господин фон Фестенберг.

В приписке германскому рейхсканцлеру сообщаются еще две смехотворные суммы – рутинный отчет политической кассы крупного предприятия:

Из финского фонда до сих пор выданы д-ру Гуммерусу 2000 крон за информационные услуги и эстляндцу Кескюле 1560 крон = 1000 рублей на пропагандистские цели.

[Подпись] Люциус

Даже покушения имеются в перечне услуг мятежных сил, которые хотят действовать из нейтрального Королевства Швеция. В доверительных документах не раз всплывает имя князя Мачабели, впечатляющего «борца с царским режимом». 19 апреля 1915 г. Генеральный штаб армии в Берлине информируют:

Князь Г. Мачабели сообщил, что он в состоянии из Швеции направить в Россию надежных людей с заданиями. Он утверждает также, что может поручить организовать демонстрации, покушения в России, т. к. среди грузин имеется много социалистов со связями в революционных кругах.

Князю тоже нужны деньги, если он хочет что-то предпринять против царского режима. В письме от 8 мая 1916 г. внеш-

неполитическому советнику д-ру фон Бергену в Министерство иностранных дел в Берлине Штейнвакс упоминает князя в связи с некоторыми доверенными лицами, действующими из Швеции:

Наконец, по согласованию с Вашим Высокоблагородием, политическому сектору Генерального штаба сухопутных войск были предоставлены 2000 руб. и 1500 швейцарских франков для операции князя Мачабели.

Эти три примера наглядно подтверждают, что мировая политика в повседневной практике часто выглядит как провинциальный фарс. Место действия – Стокгольм отличается при этом от Копенгагена только тем, что Копенгаген считается в кругу социалистов ареной для торговой деятельности, тогда как Стокгольм расценивается скорее как своего рода «духовный центр» в пределах скандинавского поля деятельности. Возможно, это исторически связано с большей близостью Стокгольма к царской империи, присоединившей к себе Финляндию, соседку Швеции.

МАРШРУТ ХАПАРАНДА

Турне-Эльв (фин. Торнио-Йоки), пограничная река в северо-шведском Норботтене, образует границу с Финляндией и одновременно обозначает шведско-российскую разграничительную линию, т. к. Россия присоединила к себе Финляндию. Это имеет свое особое значение и как линия поставок из Стокгольма революционерам в Санкт-Петербурге, который с 1914 г. называется Петроградом. Из столицы и города королевской резиденции у шведской бухты Мелар железнодорожная трасса, стратегическая «линия подвоза», тянется по сильно изрезанной береговой линии Балтийского моря, все время вдоль Ботнического залива, на тысячу километров, доходя почти до Полярного круга, к пограничному двойному городку Хапаранда–Торнио. Затем, на другой стороне, спускаешься снова почти на такое же расстояние к югу, через российскую Финляндию до

Петрограда. Это — главная тропа, по которой движутся все те, кто хочет работать в российской столице на революцию: эсеры, анархисты, большевики, авантюристы, бомбометатели, рабочие, крестьяне, железнодорожники, учителя, профессора, партийные функционеры, агенты, торговцы, шпионы, саботажники, разведчики и курьеры. По этому пути транспортируется то, что необходимо, чтобы нанести удар: печатные материалы, книги, брошюры, листовки, газеты — это идеи. Но также оружие и взрывчатка. И, разумеется, не в последнюю очередь деньги, непрерывно необходимые для этой революции.

Контрабандистские истории Хапаранды и Торнио ни в чем не уступают диким историям барачных городов времен золотой лихорадки — Клондайку и Даусон-Сити на севере Америки. И те, кто в Хапаранде-«Сити» гордо позволяют снимать себя для потомства на стеклянные пластинки только что входящими в моду фотографами в своих шубах рядом с лохматыми выносливыми лошадьми или санями в оленьих упряжках, глядят столь же дерзко, как парни-золотоискатели почти на той же широте на крайнем севере Америки. Некоторые фотографии того времени сохранились, их любовно хранят в архиве этого городка. Хапаранда — это город контрабандистов с баракком для таможи и деревянным сараем «Стокгольмского торгового банка» с высокой деревянной вывеской на крыше и указателем на немецком языке «Обмен денег по текущему курсу». Хапаранда — это Эльдorado для торговцев деревом и мехами, в том числе и немецкой национальности, на традиционном торговом маршруте между Ледовитым океаном и Центральной Европой.

Вдоль Торнио-Йоки к северу, вплоть до порогов Куккола, идеального места для ловли лосося, с незапамятных времен занимаются контрабандой лошадьми и мехом, деревом и маслом, пенькой и всем тем, что «на другой стороне» в этот момент можно приобрести дешевле или что оплачивается дороже. В военное время пограничный бизнес на обеих сторонах всегда особенно процветает. В этом суровом краю контрабандистов традиционно говорят: «Когда другим плохо, нам хорошо». — Распространенный пограничный афоризм повсюду в мире.

Через это северное игольное ушко для контрабанды людей и нелегальных перевозок оружия шведский социалист, издатель и позднее министр здравоохранения своей страны Густав Меллер пронесит в специально подготовленном ботинке письмо от Ленина из Швейцарии, которое по этому ледяному окольному пути в холодном феврале 1915 г. должно быть доставлено в Петроград. Инструкция, полученная Меллером в Стокгольме от большевика Александра Шляпникова, по кличке Беленин, проста: тайное известие товарища Ленина должно быть передано в Петрограде некоему Исидору Саксу.

Меллер пускается в далекий путь на Хапаранду. Он знает, что известие, которое он должен пронести через границу, важное. Переход границы удастся ему без осложнений. Русские и финские таможенники на «вражеской стороне» не находят в его вещах ничего подозрительного. Меллер переводит дыхание и садится на финском вокзале в Торнио на поезд до Петрограда. Там фабрикант Сакс встречает его на своей фабрике корсетов. Сакс держится очень официально и решительно отказывается принять вычищенную пару обуви. Меллер впадает в сильную неуверенность и прощается несолоно хлебавши.

Он идет в шведский книжный магазин в Петрограде, указанный ему в качестве контактного адреса на экстренный случай, и вступает в деловой разговор. Он как-то собирается с духом и решается на следующий день еще раз переговорить на корсетной фабрике. На этот раз Сакс, тем временем, очевидно, проинформированный, встречает его чрезвычайно сердечно, принимает у него ботинки и извиняется за конспиративное недоразумение предыдущего дня.

Разгадка совсем проста: в Стокгольме Меллеру неверно назвали имя Сакса.

Теперь Сакс откровенно говорит, что должен быть очень осторожен, т. к. его только недавно приговорили к трем годам тюрьмы и он еще находится на свободе лишь потому, что его петиция ходит по инстанциям. Поэтому он теперь никак не может рисковать.

Меллер, покинув Сакса, замечает, что за ним следят. Поэтому перед возвращением в Стокгольм ему приходится выждать

пару дней. Затем он с деньгами, полученными за свою услугу, пускается в обратный путь. Кроме того, у него с собой книга, в которой Сакс невидимыми чернилами между строк написал предупреждение Шляпникову, чтобы ему пока что больше не посылали сообщений. Меллер еще раз вздрагивает, когда пограничные чиновники в Торнио — Хапаранде, не производящие основательного таможенного контроля, указывают на то, что книги сейчас обычно конфискуются. Но на этот раз ему еще разрешают взять книгу с собой.

Меллер вновь успокаивается лишь тогда, когда оказывается на шведской стороне, на маленьком вокзале Хапаранды с покрытым снегом, идилично выглядящим деревянным зданием, и затем садится в железнодорожный вагон на Стокгольм. Наконец-то. Теперь ему предстоит полтора дня спокойной обратной поездки в Стокгольм. Книгу с невидимым чернильным сообщением он держит при себе.

На долгом пути по лесам Меллер еще раз размышляет, не следовало ли еще до границы, недолго думая, порвать и уничтожить письменный оптовый заказ на несколько сот тысяч презервативов, который Сакс дал ему с собой в виде своего рода деловой маскировки и основания для обратного въезда в Швецию. Такая бумага у него, шведского книгоиздателя, скорее могла вызвать подозрение у русских таможенников, чем послужить его безопасности. И, кроме того, ему кажется странным, что именно корсетный фабрикант торгует презервативами в таких количествах.

Два года спустя, летом 1917 г., Меллер вновь вспомнит об этом «заказе», когда прочитает в газете, что тайная полиция правительства Керенского в своем сенсационном обвинении о денежных и товарных сделках Ленина проявляет осведомленность и о вымышленных, якобы торговых телеграммах из Петрограда в Стокгольм, на адрес жены Ганецкого Гизелы на частной вилле пригорода Сальтшбаден, в которых — как считается, для маскировки — упомянуто большое количество презервативов. Недоверчивая секретная служба Керенского правомерно спрашивает себя: не имеются ли при этом в виду скорее карабины и патроны?

Однако Хапаранда — Торнио, идеальный шлюз для сообщений и агентов, будучи «игольным ушком», имеет для торговцев и курьеров и большой недостаток. Для таможи и полиции она становится мелким ситом, которым можно довольно легко отсеять находящихся в розыске политических контрабандистов.

Когда большевик Шляпников в феврале 1916 г. хочет возвратиться из Петрограда в стокгольмский центр, он не может избавиться от ощущения, что российская тайная полиция буквально наступают ему на пятки. В поезде до границы его беспокоят некоторые персоны из числа попутчиков. Поэтому он покидает поезд вместе с несколькими другими пассажирами в Оулу, последнем крупном населенном пункте в неполных ста километрах перед границей. Там финские товарищи помогают ему с лошадьё и санями, на которых он мимо Торнио дѣзжает по глубоко заснеженному ландшафту до Торнио-Йоки, к северу от Карунги, и там в безлюдном месте без таможенного контроля и досмотра переправляется на шведскую территорию. Шляпников поступил правильно: попав на железнодорожную станцию Хапаранда, он узнает об аресте курьера в Торнио. После этого контроль там вновь усиливается.

Тот из революционеров, кто хочет теперь пересечь границу вблизи Хапаранды — Торнио и потому нуждается в помощи в отдаленных заснеженных селениях, чтобы ему указали наиболее надежный путь, должен знать условную фразу: «Передаю привет от Ольги».

Если в Хапаранде — Торнио революционерам становится слишком «жарко», они пытаются также добраться на лыжах по замерзшему Ботническому заливу от шведского острова Сескарен, находящегося примерно в 30 километрах к юго-западу от Хапаранды, до финского побережья в районе Кеми. На шведском острове немало рабочих-пильщиков, часто получающих «приветы от Ольги». И всегда наготове пара лыж, а летом рыбацкое суденышко, если нужно переправить передатчиков «приветов от Ольги» в российскую Финляндию, чтобы они могли донести свое приветственное послание до Петрограда.

Как говорят в Хапаранде, безразлично, «мужик или миллионер» — всем приходится проходить по Хандолинска-брон, де-

ревянному мосту, единственному сообщению между конечными железнодорожными станциями в Хапаранде и Торнио.

Как часто после сильного зимнего давления льда на реке Торнио приходится обновлять мост Хандолинска-брон, как часто поэтому те, кто ездит туда-сюда, переправляются через замерзшую пограничную реку и просто на лошадях с санями.

Даже прошедших сквозь огонь и воду курьеров восхищает получасовая романтика, доставляемая им и их единомышленникам при рискованной переправке через границу.

Александра Коллонтай, позднее всемирно известная революционерка, дочь состоятельного царского генерала с Украины и матери-финки, провела свое детство в российской Финляндии и позднее примкнула к российским революционерам, поначалу к группе меньшевиков.

Затем ее тянет к более радикальным большевикам, и она «со всеми потрохами» отдается им и их цели насильственного свержения царского режима. После революции она становится первым комиссаром государственного призрения — пост, аналогичный министерскому, а затем первым советским послом в Стокгольме.

Но самое поразительное: позднее Сталин не ликвидировал ее, единственную живую свидетельницу из самой узкой команды Ленина по добыванию денег.

Она пишет в мемуарах о своих пограничных переходах под Хапарандой до революции: «В марте 1917 г. стояла суровая зима. Белое снежное одеяло скрывало скучный вид полярных болот. И было весело пересекать пограничную речку Торнио-Йоки под звон колокольчиков на санях. У меня было радостно на душе, все было свежим и бодрящим, как морозный снежный воздух у пограничной речки. Под звон колокольчиков спешили вперед мои окрыленные мысли...»

В другом месте ее записок сквозит отзвук меланхолии: «Июль. Торнио, железнодорожная станция на границе между Финляндией и Швецией. Населенный пункт находится так далеко на севере, что летом солнце вообще не заходит. С начала войны здесь проходит единственная открытая для России транзитная железнодорожная линия в Европу. Уньялая станция.

Службное здание в казарменном стиле. Болото. Северные карликовые березы. Незадолго до этого – шведская пограничная станция Хапаранда. Унылая полярная природа, но сверкают чистотой сельские строения и красивые бараки – для беженцев и военнопленных, предназначенных к репатриации из России и в Россию».

Столь же очаровательная, как и мужественная, женщина, разумеется, лишь очень сдержанно сообщает о том, какой курьерский груз она имеет при себе и должна тайно переправить через границу. Правда, в одном месте она пишет довольно откровенно и даже слегка насмешливо:

«На северо-шведской пограничной станции Хапаранда мой багаж обыскивают. Кроме того, приводят чиновницу-женщину для проведения личного досмотра. Письмо Ленина я предусмотрительно засунула в корсет, но служащая интересуется больше моей пышной прической и распоряжается, чтобы я вынула все заколки. Разумеется, она ничего не находит.

Контроль в Хапаранде позади. Я сажусь на одни из плоских финских саней, в которые запряжена рыжая лошадка».

Упомянутое и таким способом контрабандно доставленное тайное политическое послание содержит два первых «Письма издалека», которые Ленин, беспокоящийся о том, как пройдет эмиграция, написал 7 (20) и 9 (22) марта революционерам в Петрограде.

На усиленный пограничный контроль в Торнио реагируют и «стратеги апельсиновой корки» из Министерства иностранных дел в Берлине. Они стремятся создать регулярное, не вызывающее подозрений и не нарушаемое цензурными службами почтовое сообщение. В документах Министерства иностранных дел описывается неотложная задача:

[...] Отделение тайного почтового сообщения.

Задача: организация независимого от российской цензуры тайного почтового сообщения с Финляндией и Россией.

В Торнио надежные лица, переправляющие через границу почту. Указание представителю д-ру Доннеру из Финляндии – орга-

низовать регулярное почтовое сообщение с Финляндией, Россией и Остзейскими провинциями.

Антимонархические настроения в Петрограде нарастают все быстрее, так что необходимо избегать и по возможности полностью исключить потерю времени и неудачи с курьерами. Уже опять текут деньги агентам Министерства иностранных дел, включая и агента Личева в Стокгольме. Штейнвакс просит в письме от 8 мая 1916 г. внешнеполитическому советнику фон Бергену в Министерстве иностранных дел:

[...] Во-вторых: Личев теперь организовал всю подготовительную работу (бюро в Стокгольме, как и в Хапаранде) и приступил к сбору русских революционеров, живущих в различных городах Скандинавии, для использования их особых способностей. Он напечатал в Стокгольме несколько очень действенных памфлетов и надежными путями доставил их в Россию. — Я покорнейше прошу разрешить выплачивать ему в следующие 3 месяца по 6000 м.

Штейнвакс подсчитывает в общем списке, приложенном к этому письму: «Личев апрель, [зачеркнуто] май, июнь; июль 18000 м.» 27 июля он сообщает Министерству иностранных дел о надлежащем переводе денег Личеву:

Позволю себе представить Вашему Высокоблагородию доклад, прилагая заключенное с Личевым [Licheff вместо Litcheff, sic!] соглашение, и одновременно передать его же подтверждение о получении выплаченных ему 50 000 м. (пятидесяти тысяч марок).

Германская транспортная линия для нелегальной переправки грузов, материалов и людей из Стокгольма через Хапаранду в Петроград получает внутреннее название «Маршрут Хапаранда». Вдоль этого маршрута Берлин через миссию в Стокгольме размещает своих курьеров, чтобы все протекало надежно и согласно пожеланиям. В поле зрения Берлина находятся даже мельчайшие наблюдения и услуги. И незначительные денеж-

ные суммы распределяются чрезвычайно педантично. Так, некто Клейн, «маршрутный наблюдатель» на центральном вокзале Стокгольма, получает в месяц триста марок. И об этом должен сообщать Штейнвакс внешнеполитическому советнику фон Бергену в Министерство иностранных дел: «Клейн также успешно переправил в Россию многие важные сообщения и небольшие памфлеты и организовал вокзальную службу в Стокгольме...»

Триста марок в месяц за «вокзальную службу», 6000 марок русскому агенту Личеву на создание и содержание бюро у финской границы под Хапарандой, «деньги агента влияния» на сумму 100 000 марок финскому статскому советнику, который должен выступать за отделение Финляндии от России, — ждала финансирования желаемой революции в России, исходящей из Петрограда, широка.

Тщательно подобранный городской архив «Коммуны Хапаранда» — это сокровищница историй, которым мог бы позавидовать любой приключенческий писатель. Сегодня туристские проспекты указывают на то блестящее общество, которое в годы войны до российской Октябрьской революции проживало в знаменито-пресловутом городском отеле и плело там заговоры. В Хапаранде временно находятся до 200 шпионов, слуг разных господ, и «Городской отель Хапаранда» (Naparanda Stadshotell) на Торгете, одно из немногих каменных зданий посреди деревянного и барачного города с его таможенными сараями и складами для всевозможных товаров, охотно дает приют всем, кто резвится здесь в годы военного хаоса: революционерам, анархистам, королям лесопилок, графам и офицерам секретных служб, адвокатам и дипломатам, банковским директорам и бордельным дамам, торговцам деревом и мехами, агентам и курьерам. Здесь ночуют гости со всего мира: немцы, русские, шведы, финны, датчане, французы, англичане...

За водкой, виски и черной икрой, за лосиным жарким и изысканным оленьим гуляшом они беседуют и обсуждают политические вопросы в большом бальном зале первоклассного отеля, в более интимных кабинетах или в привилегированном кафе «Гуляшные бароны» под венские вальсы, польку, цыганс-

кую музыку или особо любимую публикой «Петербургскую езду на санях» Франца Легара.

Здесь, в городском отеле, проездом в Петроград живет и Ганецкий, «начальник бюро» у Гельфанда в Копенгагене. В городской хронике Ганецкий числится как изрядный «аферист» (Affairsmannen).

Там бывают и финский генерал-губернатор Зейн, принц Карл Шведский, генерал Шувалов, шведский социалист и позднейший премьер-министр Яльмар Брантинг, сестра Красного Креста Эльза Брандстрем, «сибирский ангел», уважаемая и любимая немецкими военнопленными, сербский кронпринц Александр, премьер-министр Песик, вице-консул Вербицкий, Александра Коллонтай, князь Кропоткин... Имена за именами.

Другие, напротив, предпочитают оставаться неузнанными на заднем плане, они не придают значения тому, чтобы их видели на улицах и регистрировали в фешенебельном отеле. К ним принадлежат Шляпников, Козловский, Радек и другие видные участники заговора в большой революционной операции. Но ловкий главный организатор «Маршрута Хапаранда» Александр Шляпников, тем не менее, фигурирует в отельной болтовне и городских сплетнях, по крайней мере, как возлюбленный Коллонтай, моложе ее на 10 лет. О молчаливом и скромном польском адвокате д-ре Мечиславе Козловском шепчутся, что он имеет интимную связь с беззаботной финкой Евгенией Суменсон, которую Коллонтай считает очень подходящей для «денежной цепи» товарищей аполитичной и потому не вызывающей подозрений владелицей банковского счета в Петрограде. Никто не подозревает о Козловском и Суменсон, что они очень скоро станут последним, самым важным звеном именно в этой самой «денежной цепи», которая тянется от Министерства иностранных дел в Берлине и столичных германских банков через Скандинавию до России, к Ленину, к большой партийной кассе. Козловский — в отличие от Гельфанда, к которому Ленин питает неприязнь, — как и Фюрстенберг-Ганецкий, принадлежит к кругу ближайших доверенных лиц вождя революции. Козловский становится ленинским бухгалтером по германо-российскому революционному сотрудничеству.

В подозрительном угловом доме в Басковом переулке в Петрограде все они временно выведут на след больших денег из Берлина. После успешной революции Ленин назначает ученого-юриста комиссаром юстиции. Он участвует в работе над первыми законопроектами нового государства и осуществляет ведущие функции при создании службы безопасности — ЧК (Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, основана в декабре 1917 г.).

В Хапаранде и сегодня с гордостью сообщают о том, что Ленин после своего знаменитого проезда через Германию здесь, на предпоследней остановке перед своим возвращением в Петроград, в апреле 1917 г. встречается с местным социалистом Акселем Реннмарком, прежде чем на другом берегу, в Торнио, начнется последний этап его 3000-километрового пути из швейцарской эмиграции и он сядет в поезд, следующий в город революции — Петроград.

В течение военных лет городской пейзаж Хапаранды вновь и вновь меняется: и здесь становятся заметны негативные последствия войны. До 1918 г. через город проезжают и здесь обмениваются 75 000 военнопленных обеих сторон, в основном раненых. Городское население принимает большое участие в «инвалидных перевозках», в транспортировке раненых, о которой заботится Эльза Брандстрем.

Хапаранда становится во время Первой мировой войны также крупнейшей в Европе международной станцией для писем и посылок. Почтовое сообщение между воюющими странами через этот нейтральный шведский почтовый шлюз нарастает до такой степени, что специально для него приходится соорудить почтовую канатную дорогу, опирающуюся на высокие деревянные столбы. В почтовых гондолах, непрерывно качающихся взад-вперед на 20-метровой высоте над бурно текущей или глубоко замерзшей пограничной рекой, до конца 1918 г. перевозится более 27 миллионов почтовых отправок. Через Россию отправления следуют даже до Персии, Индии, Китая и Японии. Такую массу не может строго проконтролировать никакая таможенная служба, никакая тайная полиция — ни в Хапаранде, ни в Торнио.

Добраться «до другого берега» — это здесь является целью для всех, путь ведет с запада на восток и точно так же в противоположном направлении. Ирония истории: в том же месте, где Ленин в апреле 1917 г. ступил на российско-финскую землю, чтобы проследовать дальше в Петроград и потрясти мир своей Революцией века, Эдгар Сиссон, следуя из Петрограда со своими сенсационными документами, достигает «другой стороны» ровно год спустя, в апреле 1918 г., после авантюрного бегства через финское озерное плато. Наконец, вновь проведя комфортабельную ночь в «Городском отеле Хапаранда», он едет по той же железнодорожной ветке, по которой следовал из Стокгольма Ленин, в противоположном направлении, назад в европейскую «цивилизацию» и далее в Америку, чтобы, как он надеется, потрясти своими документами мир: что немцы полностью оплатили русскую революцию и эта революция была бы вообще невысказана и захлебнулась бы уже в зародыше без огромных миллионных сумм из германской военной кассы.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГЕРМАНИИ

Не следует ли считать грозным предзнаменованием, что в первый день нового 1917 г. в Петрограде из ледяной Невы вылавливают труп Распутина? Одни видят большое благо в том, что ремеслу влиятельного шарлатана и советника царя, злого шептуна, банально-дьявольского фаворита царицы наконец-то и на все времена положен конец. Другие предвидят большое бедствие, которое обрушится на них со смертью религиозного фанатика. Два дня ранее князь Юсупов и депутат Думы Владимир Пуришкевич подняли руку на чудовище. Переполненные ненавистью убийцы хотят таким радикальным способом выразить свой протест против политики царя, хотят подать знак. И они не будут наказаны. Антимонархические настроения в Петрограде получают новый стимул, всеобщее недовольство нарастает.

1917 г. становится еще более кровавым годом мировой войны, чем три предыдущих. Голод, нужда, нищета и траур по бесчисленным погибшим на фронтах ширятся среди людей, осо-

бенно в России. Происходят события, которые глубоко потрясут мир и окажут непредвиденное воздействие на все столетие. Год 1917, как в зажигательном стекле, сконцентрирует в себе грядущее, стародавнее исчезнет в дыму и пламени, новое возникнет и опять растворится. Поднимутся пророки и фарисеи, народы будут их терпеть или уничтожать.

Но ни одна история не начинается со своего начала, гласит старая восточная поговорка, корни дерева скрыты от глаза, но они уходят вглубь до водоносных жил.

Язык политических будней у людей первой четверти 1917 г. гораздо трезвей, прозаичней. Язык календаря дает простые представления о событиях, которые приносят затронутым людям что угодно, но только не радость.

В начале года военный календарь отмечает 10 одновных стран, непосредственно ведущих войну совместно или друг против друга и объединившихся в два блока. На одной стороне — так называемые Центральные державы: Германская империя и Австро-Венгрия в Центральной Европе и обширная Османская империя (с основной территорией — Турцией), простирающаяся до Ближнего Востока, а также Болгария. На другой стороне группируется так называемая Антанта с обширной царской империей — Россией, Францией, Великобританией, Италией и Румынией. Япония еще воздерживается от крупных военных действий на основных театрах войны, но стоит на стороне Антанты, оккупирует германскую колонию Циндао в Азии. Союзниками Антанты являются Канада, Австралия, войска которых сражаются на стороне англичан, в войне участвуют и воинские части таких британских колоний, как Индия, а также стран Британской и Французской Африки. США в 1917 г. однозначно симпатизируют Антанте.

Война на Западноевропейском фронте превратилась из маневренной и наступательной в безжалостную позиционную и «завязла». В гигантских битвах с использованием тяжелой артиллерии позиции противника «разравнивают» настоящие «огненные катки». В разветвленных системах окопов, которые тянутся через обширные ландшафты с воронками от снарядов, истекают кровью миллионы людей. Кажется, что понятий «впе-

ред» и «назад» больше не существует. Каждая сторона стремится к новым успехам в боях, хочет выиграть пространство любой ценой. В новогоднем послании германский кайзер, выдавая себя за патриота, призывает лишь теперь по-настоящему начать войну до победного конца и «нести за правое дело любые жертвы и в дальнейшем». Правители других государств делают то же самое.

Тут 22 января 1917 г. мировая общественность узнает о большой мирной речи президента США Вудро Вильсона перед Конгрессом в Вашингтоне. Вильсон направляет призыв к миру воюющим странам и предлагает «мир без победы» — немедленное завершение ужасающего смертоубийства в Европе без «победителя». Он заявляет перед Сенатом: «Только спокойная Европа может быть прочной Европой. Необходимо не равновесие сил, а единение держав».

Именно это выступление мобилизует на обеих сторонах тех, кто еще не устал от войны, чтобы совершить прямо противоположное. Теперь и начнем по-настоящему — всюду звучит в правительствах и правящих домах лозунг года.

Германский кайзер и его Генеральный штаб сразу же отвечают на мирное требование Вильсона особенно провокационно — 1 февраля начинается неограниченная германская подводная война. С этого момента германским подводным лодкам разрешено без предварительного предупреждения торпедировать все торговые суда нейтральных стран, которые окажутся в морях, произвольно объявленных Германией «запретными зонами». Это самовластное решение должно особенно затронуть Северную Атлантику вокруг Англии, Северное море, Северный Ледовитый океан и Средиземное море. И оно автоматически затрагивает также все до сих пор нейтральные американские грузовые и пассажирские суда. — Президент США объявляет через два дня о разрыве дипломатических отношений с Германской империей. Война теперь расширится еще больше.

Посреди всех этих смертей вокруг поражает только одно сообщение из Берлина: Социал-демократическое рабочее сообщество (Sozialdemokratische Arbeitsgemeinschaft — SAG) тре-

бует в прусской Палате депутатов проголосовать за призыв к «забастовке рожениц», чтобы немецкие женщины впредь не производили на свет солдат – пушечное мясо!

В Германии по распоряжению имперского правительства все 5-фенниговые медные монеты изымаются для изготовления гранат и патронов и заменяются алюминиевыми.

В берлинской Ратуше и в других еборных пунктах по всей кайзеровской империи громоздятся медные кастрюли, горшки и сковороды. Из-за дефицита дров и угля закрываются берлинские школы, разрешается и затем даже приказывается использовать кормовую свеклу для выпечки хлеба.

Германское Верховное командование беспокоится о том, что солдату «не становится легче умирать за Отечество, если он знает, что его близким дома приходится бороться с нуждой», и начинает широкомасштабную кампанию против «жалобных писем» с родины, чтобы боевая мораль фронтовых солдат не упала еще сильнее.

В то время как все это и многие другие мелкие будничные события складываются в большую безотрадную мозаику военной нужды и усталости от войны, 25 февраля 1917 г. в берлинском фешенебельном отеле «Адлон», где охотно останавливается и Гельфанд, собираются около 40 господ из крупной индустрии с компетентными политиками для обсуждения и принятия решения об еще более жестких политических и военных действиях, чтобы, наконец, достичь «целей войны», сформулированных уже в ее начале германской индустрией. Для достижения аннексии индустриальных районов на Западе и Востоке господам, собравшимся в «Адлонском кругу», даже рейхсканцлер Бетман-Гольвег кажется слишком вялым, и они бы охотно заменили его начальником Полевого Генерального штаба фельдмаршалом фон Гинденбургом. После двух с половиной лет войны германская крупная индустрия все-таки уже испытывает нетерпение: когда же, наконец, она сможет заполучить свои военные трофеи? В руководстве Рейха нужен более бойкий человек, считают господа. Они, подобно кайзеру, тоже, разумеется, за «победоносный мир». Поэтому они направляют свои алчные взгляды на Восток: что будет с «их» Украиной, Дон-

бассом, Кавказом с огромными нефтяными полями вокруг Баку? Когда, наконец, рухнет Российская империя?

В Петрограде всеобщие волнения с требованием о завершении войны на германо-российском фронте все нарастают. Непрерывно возникают новые забастовки. Во всем Петроградском военном округе военное руководство получает далеко идущие чрезвычайные полномочия для более решительной борьбы с этим забастовочным движением. Но ничто не помогает против всеобщего негодования населения. Забастовочное движение расширяется до всеобщей забастовки.

События, названные позднее «Февральской революцией», начинаются с того, что верные царю воинские части 10 марта по настоятельному указанию царя Николая II открывают огонь по демонстрантам. Убитые гражданские люди лежат на улицах города.

На следующий день депутаты Думы отказываются следовать распоряжению царя о роспуске парламента. В тот же день бунтуют и солдаты Петроградского гарнизона, во многих местах примыкая к бастующим рабочим. Дума образует исполнительный комитет, к которому принадлежат члены всех крупных партий, включая и социалистов большинства — большевиков.

Теперь события развиваются быстро. 15 марта 1917 г. Временный комитет Государственной думы объявляет о создании Временного правительства во главе с князем Львовым, министром юстиции в новом правительстве становится Александр Федорович Керенский. В тот же день царя принуждают подписать документ об отречении от престола. Тем самым завершается власть династии Романовых, правившей с 1613 г. Через шесть дней новое правительство велит арестовать бывшего царя с царицей, цесаревичем Алексеем и четырьмя дочерьми, и интернировать их близ Петрограда, в Царское Село. Три столетия единоличного правления одной семьи, прологом которого стала свадьба царя Ивана IV Грозного и Анастасии Романовой, завершены. Что будет дальше с Россией, спрашивают себя все в полной неопределенности. Огромная империя без сильной руки — «без кнута»? Бунты в скверно обеспеченной и плохо вооруженной российской армии расширяются.

Образованный в бурные дни февраля объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов Петрограда объявляет 14 марта «Приказ № 1» войскам военного округа российской столицы, давая хотя бы минимальное представление о новой субординации, чтобы солдаты и матросы знали, за кем теперь слово.

Вот и настает час, когда большевикам необходимо активизироваться, если они хотят завоевать себе большинство в парламенте, солдатских Советах и среди населения. Теперь партии нужен революционный вождь на месте, где происходят социальные перемены. Теперь нужно вернуть из изгнания и эмиграции одного из наиболее авторитетных радикальных политиков. Одним из самых способных и в то же время радикальных является Ленин в Швейцарии.

Это — час решительных действий и для руководства Германского рейха, для Генерального штаба, для Министерства иностранных дел.

Начинается «разгар сезона» для господ послов в Швейцарии, месте эмиграции Ленина, в Дании и Швеции, нейтральных северных странах, через территорию которых российский революционер с его обозом должен быть доставлен в Петроград. Господам фон Ромбергу, фон Брокдорф-Ранцау и фон Шtedтену с их высокооплачиваемыми доверенными лицами и по их тайным каналам необходимо теперь максимально быстро обеспечить проезд Ленина в Петроград.

Общее поручение и разрешение должны быть даны, разумеется, лично Его Величеством кайзером. И он их дает. Правда, монархическая власть великого императора к этому моменту заметно пошатнулась, а Генеральный штаб и Министерство иностранных дел все уверенней реализуют свои идеи, но эти центры власти, тем временем все больше выходящие на передний план, все еще ожидают, хотя бы проформы ради, кайзеровского решения. Затем они берут соответствующую операцию в свои руки «для дачи указаний» и реализуют ее штабными методами.

О 3000-километровой поездке Ленина из Цюриха в Петроград — через «вражескую» Германию, в экстерриториальном железнодорожном вагоне, с германским офицерским эскортом

для охраны и недопущения любых любопытных — написано, напечатано и рассказано так невероятно много и столь разное, что стоит указать лишь на некоторые интересные, чаще всего не упоминавшиеся эпизоды.

Троцкий сообщает в своих мемуарах, что Ленин, «изыскивая пути выхода» в цюрихской клетке, расхаживает как тигр — неуютимо и напряженно.

Гельфанд описывает ситуацию аналогичным образом: Ленин, «почти полностью отрезанный от России, изолированный как в закрытой бутылке», ожидает, что, наконец, сможет выбраться и отправиться в Россию. Кто выпустит из бутылки беспокойного, крайне взрывного джинна?

Гельфанд, Ганецкий, Скларц — эксперты из копенгагенской «Экспортной и импортной компании» — начинают действовать. Ленин не знает, как в точности планируется его поездка в Россию в германском Генеральном штабе. Он лишь предполагает, что сможет ступить на родную российскую землю каким-либо образом через нейтральную Швецию. Поэтому он срочно пишет человеку, которому доверяет, — Ганецкому: «Необходимо во что бы то ни стало немедленно выбраться в Россию, и единственный план — следующий: найдите шведа, похожего на меня. Но я не знаю шведского языка, поэтому швед должен быть глухонемым. Посылаю вам на всякий случай мою фотографию».

Что бы ни замышлял Ленин, Ганецкий усиленно стремится найти глухонемого шведа, похожего на вождя революции. Дело это непростое. На всякий случай Ганецкий через свои связи для начала высылает Ленину 500 рублей — своего рода «проездные». Ленин, хотя он беспокоен и с нетерпением жаждет наконец-то покинуть свое «место ссылки», очень тревожится. Своей подруге Инессе Арманд, которой он незадолго до начала войны писал, столь обнадеженный, в Париж, что будущая война радикализует массы и повлечет их к революции, он теперь сообщает очень подавленно: «В Россию мы, по всей видимости, не попадем!! Англия нас не пропустит. Через Германию дело не пойдет».

Но тут неуютимый революционер и большой мыслитель заблуждается, т. к. он еще не знает, как сосредоточенно герман-

ские «стратеги апельсиновой корки» уже озабочены его возвращением в Россию.

Упадническое настроение Ленина продолжается недолго. В своих «Письмах издалека» он вскоре сообщает товарищам в Петрограде в страстном ожидании победы: «Мы должны ехать, даже если это будет путь через ад».

То, что начинается теперь, в начале апреля, не становится путем через ад. Все наилучшим образом организовано. Швейцарские ведомства надежно и доверительно взаимодействуют с германскими инстанциями. Возможно, они вполне довольны, что эта большая группа явно влиятельных эмигрантов теперь покидает страну.

Для пассажиров резервируются два вагона 3-го класса. Кое-что, конечно, все же просачивается, и когда Ленин и 31 сопровождающее его лицо 9 апреля в 14.30 заходят в здание цюрихского вокзала, здесь уже стоит наготове пара враждебно настроенных российских земляков, чтобы поносить «изменников».

Ситуация несколько конфузна, и ленинский соратник-интеллектуал, высокоодаренный публицист Карл Радек, который принесет большую пользу в будущем стокгольмском «большевистском центре» зарубежной пропаганды, в частности при отрицании перевода денег из Германии, выдает неожиданно пророческую остроту: «Либо мы через 6 месяцев будем министрами, либо нас повесят!»

Долгий путь от Боденского озера на юге Германии до балтийского побережья на севере, на всем протяжении проходящий через «вражескую территорию Германии», протекает без заметных инцидентов. С германской границы в Готтмадингене команду над транзитной поездкой принимает отделение IIIb Генерального штаба, выделившее двух офицеров, которые ведут себя очень корректно и сдержанно. Для скорого поезда, следующего по расписанию на Штутгарт, выделен дополнительный вагон со сквозным проходом. Этот знаменитый экстерриториальный «пломбированный вагон» вновь и вновь будет возникать в бесчисленных историях.

Транзит через Германию должен осуществиться без шума и трений. Отделение IIIb организует совместно с компетентны-

ми службами железной дороги, чтобы этот «важный транспорт дипломатов», как говорится в инструкциях, всюду имел преимущественный проезд. Не должно быть, по возможности, никаких задержек, и никто снаружи не должен быть в состоянии вступить в контакт с этой компанией, путешествующей инкогнито. Все должно остаться настолько секретно, насколько это возможно. Во время транзитного проезда шторы на окнах в купе должны быть задернуты. Этого хочет и Ленин.

Курьезно, но даже германскому кронпринцу с его спецпоездом пришлось ожидать в Галле-на-Заале почти два часа, пока не проследует поезд Ленина. Тот имеет преимущественный проезд по высочайшему приказу. Лишь тогда путь для кронпринца вновь освобождается.

Ленин доволен, когда 12 апреля в шведской паромной гавани Треллэборг он со своими людьми вновь ступает на нейтральную землю. Здесь его приветствует и его старый соратник Яков Ганецкий-Фюрстенберг. — Без глухонемых шведов. Генштабисты из Берлина, германский посол, а также Гельфанд со своими беседами за политическими кулисами привели к тому, что шведы дали официальное разрешение на проезд. Фарс с глухонемым оказался излишним.

Ганецкий сопровождает группу прибывших по железной дороге до Стокгольма, где они останавливаются в отеле «Регина». Ленин обрадован, что бургомистр шведской столицы Карл Линдхаген официально и сердечно приветствует его и сопровождающих лиц. Линдхаген принадлежит к левому крылу Социалистической партии Швеции, как и Фредерик Стрем, который также не отказывает себе в том, чтобы прибыть с приветствием. Линдхаген предпосылает своему приветствию лестный девиз «Ex oriente lux» (С Востока свет). На следующее утро появляется фотография Ленина, впоследствии обошедшая весь мир. Она показывает будущего вождя революции с зонтиком, торопливо идущим по стокгольмским улицам в сопровождении своих людей. Стрем позднее вспоминает, что Ленин в своем поношенном костюме выглядел «как рабочий на воскресной прогулке в пасмурную погоду». Ленину навязывают новые брюки. Он лишь неохотно принимает этот предмет одежды.

Один вопрос, во всяком случае, сердит Ленина в Стокгольме: Ганецкий вынужден высказать Ленину настоятельную просьбу Гельфанда, что главный добытчик денег хотел бы непременно переговорить с ним. Ленин отказывается резко и решительно. Разумеется, он узнал от Ганецкого, что Гельфанд принимал существенное участие в подготовке всей поездки и что Гельфанд в своей беседе в Министерстве иностранных дел в Берлине, так сказать, «расставил вехи» и взял на себя финансирование операции, т. к. Ленин настаивал на том, что «поездка ни в коем случае немцами финансироваться» не должна. Это могло бы скомпрометировать его, революционера, в международном масштабе. Немцы, со своей стороны, тоже не желают платить. По тем же причинам. Они не хотят, чтобы перед мировой общественностью дело выглядело так, будто они купили «русского изменника». Поэтому они считают идеальным выходом, что затраты для начала принимает на себя испытанный оптовый торговец Гельфанд. Что произойдет позднее, будет видно. Так получает распространение изречение о поездке: Гельфанд платит, а Радек покупает билеты.

Хотя Ленин точнейшим образом информирован Ганецким и о том, как велики заслуги Гельфанда при организации и эффективной реализации всех акций, связанных с добычей денег для партии, для всей организации, он ни за что не желает встречаться с Гельфандом. Позднее он даже скажет, что для партии вредно вступать в связи с такими людьми. Ленин остается при своем: его связником в Стокгольме и Копенгагене является Ганецкий. А тот, естественно, должен и в дальнейшем поддерживать связь с Гельфандом. Ведь деньги именно теперь по-настоящему и понадобятся.

Уже вечером 13 апреля компания по железной дороге отправляется в 1000-километровый путь до пограничного пункта Хапаранда. Карлу Радеку приходится остаться в Стокгольме: Ленин хочет использовать этого способного продувного человека в качестве надежного соратника в Швеции для целей зарубежной пропаганды, которая теперь должна усиленно агитировать за дело революции. Особенно в странах Антанты, Франции и Англии, и в США, которые всего неделю назад,

6 апреля, официально объявили войну Германской империи. О сепаратном мире на Восточном фронте эти противники немцев, разумеется, не желают знать — напротив, они вместе с остальными своими союзниками хотят победить Германию раз и навсегда.

Ленин хочет оставить в Стокгольме интеллектуала Карла Собельсона, взявшего себе псевдоним Радек по персонажу одного польского романа, и по другой причине. Он опасается, что Радек, уроженец Галиции, возможно, привлечет к себе особое внимание российских инстанций и, будучи формально гражданином Австро-Венгрии, т. е. одной из «враждебных» центральных держав, может подвергнуться политическим придирам и даже интернированию. Во всяком случае, Ленину кажется более умным не брать с собой своего первоклассного сотрудника через шведско-российскую границу.

В то время как Ленин и сопровождающие его революционеры покинули Стокгольм и, наконец, спешно направляются в центр революции — Петроград, там начинает действовать майор Интеллидженс Сервис при британском посольстве Стефен Элли. Он неистовствует, т. к. трем послам стран Антанты в Стокгольме, недавно собравшимся на спешно организованную тайную встречу, не удалось побудить шведское правительство отказать Ленину и его людям во въезде в Швецию или в проезде через ее территорию. Теперь майор секретной службы на свой страх и риск продолжает работу и встречается с главой контрразведки Временного правительства в Петрограде. Он пытается побудить своего собеседника, российского полковника секретных служб Бориса Никитина, приказать российскому пограничному коменданту в Торнио не пропускать Ленина через границу.

Но российский полковник секретных служб оказывается довольно беспомощным: царская система секретных служб, страшная Охранка, распущена новым Временным правительством, и новую организацию еще только предстоит создать. Полковник Никитин вынужден работать с очень неопытными людьми и из Петрограда ничего не может организовать в Торнио-Хапаранде. Разочарованный и взбешенный британский

офицер секретных служб упрекает российского полковника, что «с группой Ленина в Россию среди бела дня въезжает целая банда немецких шпионов».

Тогда Никитин пытается, со своей стороны, обратиться по этому вопросу к генералу Корнилову, т. е. в высшую военно-правительственную инстанцию. Но тут возражает соправитель — Исполнительный комитет Петроградского совета, препятствуя официальному правительственному запрету на въезд Ленина. Столь точно спланированная германской стороной акция «Поездка в Россию» все же едва не провалилась в последний момент.

В ту же субботу, 14 апреля 1917 г., когда Ленин и его товарищи въезжают в Россию, чтобы тотчас проследовать дальше до Петрограда, правительство США в Вашингтоне образует на заседании в конце недели «Комитет по общественной информации» (Committee on Public Information), первое правительственное информационное и пропагандистское ведомство для популяризации и истолкования политики США. Там шеф нового ведомства Джордж Крель, близкий друг президента Вильсона, им и предложенный для этой должности, планирует задействовать удачливого и честолюбивого публициста Эдгара Сиссона на щекотливой, но первостепенной зарубежной должности в Петрограде. Сданного момента этот человек будет неразрывно связан с «германо-большевистским заговором».

Почему поднято так много шума вокруг поездки в Россию Ульянова-Ленина, до сих пор еще относительно неизвестного в международном масштабе теоретика революции?

История поездки Ленина тоже имеет свою предысторию. Ее корни уходят, с одной стороны, в «стратегию апельсиновой корки» немцев. Она имеет корни в германских программах революционизации и инсургенизации. А те, в свою очередь, укладываются в совсем большое всеохватывающее переплетение политики военных целей крупных германских промышленников, банкиров, аграриев. И, естественно, ведущих военных в Генеральном штабе. В одном вопросе еще до начала войны, несмотря на острую конкуренцию концернов, все полностью едины: грядущая война должна принести трофеи.

Чтобы получить эти трофеи, необходимо захватить и оккупировать вражеские территории. Чтобы захватить их военным путем, эти страны должны до этого прекратить всякое военное сопротивление, и это происходит тем быстрее, чем дольше они размягчаются «изнутри». Чтобы размягчить Россию, немцы разработали свой антицаристский план революционизации, программу инсургенизации.

Согласно всем проверкам и исследованиям со стороны немцев, самой радикальной из антицаристских группировок представляется группировка вокруг Ленина. Ее поддержка сулит наибольший успех при осуществлении программы революционизации. В этом и состоит причина, почему именно большевики вокруг Ленина поддерживаются любым путем, в т. ч. и большими деньгами. Самым радикальным и именно потому важнейшим и полезнейшим для германских стратегов, по мнению Министерства иностранных дел, Генерального штаба, его секретной службы IIIb и руководства Рейха, является Ленин.

На «краткое мгновение» складываются воедино исторически идентичные интересы двух совершенно противоположных политических сил: обе по абсолютно разным причинам в равной мере заинтересованы в свержении царского режима.

Царь, правда, вынужден был отречься еще в ходе Февральской революции, но Временное правительство в Петрограде идет к тому, чтобы вновь консолидировать положение в стране. Оно твердо решило продолжать войну с Германией, и можно предположить, что через некоторое время ему это будет удаваться все лучше. Тем самым ставятся под угрозу германские цели войны, и немцам давно пора, наконец, вытащить карту «Ленин». Лишь находясь на месте, он и его люди могут взять власть, завершить войну с немцами так быстро, насколько возможно, и заключить сепаратный мир.

Германский кайзер и его стратеги, разумеется, меньше всего являются друзьями мира, а тем более друзьями российского революционера Ульянова-Ленина. Им нужен только «отдельный мир» на Востоке, чтобы напрячь все силы для своего «победного мира» на Западе. Революция на Востоке служит лишь стратегическим средством для большого выигрыша на Западе,

к которому немцы после трех изматывающих лет войны все еще не приблизились. — А на Западном фронте дело плохо, хуже, чем когда-либо, и никто больше не знает, можно ли вообще чего-то достичь военными средствами.

С этой точки зрения, план поездки российских революционеров в 1917 г. непосредственно связан с большой официальной программой военных целей германского канцлера Бетман-Гольвега от 9 сентября 1914 г. — любимой программой германского кайзера.

И всемогущий в 1917 г. первый генерал-квартирмейстер и, собственно, главный стратег, «серый кардинал» германского Генерального штаба генерал Эрих Людендорф в ответ на телефонный запрос дает свое согласие на политический транзит российских революционеров через Германию. Позднее, в своих мемуарах, он почти весело выдаст, что, по крайней мере, он к этому моменту толком и не знал, кто, собственно, такой этот Ульянов-Ленин. В отношении избранных лиц он ведь мог целиком и полностью положиться на свое дельное отделение III в Генеральном штабе, чиновники которого подали предложение о Ленине.

Трюк, кажется, хорошо подготовлен в компетентных инстанциях Министерства иностранных дел и его зарубежных представительствах, дела идут по плану. Уже 17 апреля, через день после прибытия Ленина в Петроград, в сообщении Генерального штаба армии, переданном Верховному командованию сухопутных войск, говорится: «Въезд Ленина в Россию удался. Он действует как нельзя лучше».

Ленин проявляет себя для немцев как «правильный выбор». Как своего рода подтверждение выбора они видят уже 31 декабря 1917 г., всего через два месяца после Октябрьской революции и захвата власти большевиками, что Ленин официально предоставляет первой «апельсиновой корке» — Финляндии — национальную самостоятельность.

Это, однако, ни в коей мере не следует воспринимать как благодарность революционеров за уже полученные миллионы и как уступку немцам в расчете на дальнейшие денежные суммы. Правда, Ленин, хитрый революционер, прошедший сквозь

огонь и воду, принимает германские деньги, но он, уже находясь у власти, естественно, будет проводить свою собственную политику.

Поэтому отказ от Финляндии означает скорее проявление новой политики по восстановлению национального суверенитета отдельных народов. Этот первый внешнеполитический шаг выражает основной принцип будущей национальной политики большевиков: они хотят вернуть народам и национальным меньшинствам многонациональной России, угнетавшимся великорусской империалистической политикой экспансии, их национальную самостоятельность, чтобы одновременно предложить им свободное присоединение или же вступление на добровольной основе в более крупный союз народов, который предстоит создать позднее.

После смерти Ленина и в последующие годы Сталин отбрасывает именно эту концепцию. Он превращает прежнюю царскую «тюрьму народов» в единый гигантский ГУЛАГ, в котором перемещаются туда-сюда, частично или полностью уничтожаются целые группы народов. Так прямая противоположность союзной политики, первоначально задуманной на основе добровольности, превращается в ее ужасное извращение.

Если Ленин в самом конце своей жизни еще указывает на то, что в отношениях с исламскими и тюркскими народами на юге необходимо действовать особенно заботливо и терпеливо и уважать их религию и традиции, то Сталин именно с этими народами обращается особенно жестоко.

С германской стороны «апельсиновая корка» Финляндия продолжает «инсургироваться» и — естественно, по совсем иным мотивам, чем у Ленина, — подготавливаться к ее «очищению» с ядра российской территории. Опять при помощи миллионов, которые текут для подкупа таких высокопоставленных финских политиков, как статский советник Хьельдт, или для подготовки таких воинских частей, как финский «егерский батальон», в секретном лагере Локштедт в Шлезвиг-Гольштейне.

В 1918 г., хотя и с колебаниями, германские войска направляются даже на финское побережье. Но тут уже речь идет о под-

держке «белых», национальных и националистических сил Финляндии, против финской революционной Красной Гвардии, которая, со своей стороны, поддерживается Петроградом. Практически немцы иногда платят вдвойне: финским «белым» против «красных», со своей стороны, поддерживаемых из большой кассы в Петрограде, куда продолжают течь в больших количествах германские деньги.

«Революционизация» и «инсургенизация» все в большей мере переплетаются друг с другом в этом политическом покере от Полярного круга до далекого Юга, до персидских пограничных пустынь.

Как и в Финляндии, инсургенизация идет «в центре», на Украине. Немцы создают добровольные украинские воинские подразделения, состоящие из российских военнопленных, части инфильтрации и пропаганды, которые должны разложить российскую армию. Инсургенизация идет и на юге, в Грузии, на Кавказе.

Конечно, нигде нельзя точно предсказать, какое участие, какая помощь действительно оправдают себя. Всюду в равной мере манят выгоды и подстерегают потери. Германская политика в отношении России становится азартной игрой, в полном смысле слова русской рулеткой.

Об этой неопределенности можно прочесть не только в многочисленных документах Министерства иностранных дел или Генерального штаба — Дойче Банк в 1995 г. тоже деликатно напоминает об этом обстоятельстве в одном юбилейном издании: «Дойче Банк принимал существенное участие в тех восточно-европейских усилиях Германии, которые были нацелены на распад Российской империи, он был в значительной мере представлен в промышленных и банковских консорциумах, которые создавались, чтобы реализовать жесткие экономические пункты Брест-Литовского мирного договора и экономически проникнуть в государства-наследники царской империи. Например, во вновь созданной Грузинской республике банк участвовал не только в планах по финансированию эксплуатации марганцевых месторождений и других местных полезных ископаемых, но и в создании Государственного банка, который

должен был выпускать новую национальную валюту под названием «маркши», основанную на марке».

Иногда соотношение между отдельным миром, сепаратным миром, победным миром, политикой военных целей, политикой в отношении периферийных государств, стратегией инсургенизации и отделения, программой революционизации кажется запутанным. Но чиновники в Берлине — в Министерстве иностранных дел, в руководстве Рейха и Генеральном штабе — обозревают картину и твердо держат политические нити в руках. Их высшая цель — создать в России хаос, чтобы прийти к революции и затем к отдельному миру.

Фон Брокдорф-Ранцау рекомендует в одном предложении руководству Рейха «создать в России максимально возможный хаос» и особенно содействовать экстремистским элементам, «поскольку при этом выполняется основательная работа и достигается быстрый результат».

И на другой стороне, у держав Антанты, после Февральской революции и свержения царя возникают соображения о быстрой отправки назад на родину их «собственных» русских эмигрантов — в сущности, то же самое, что немцы делают со «своим» Лениным. Державы Антанты доставляют на место броненосцем «меньшевистского» революционного теоретика Плеханова и 40 его сторонников.

В это исторически столь краткое время идеи и события противоречат друг другу точно так же, как в краткосрочной перспективе дополняют друг друга или выглядят идентичными оппортунистические цели и методы, тактика и стратегия. Троцкий наглядно подытоживает это в своих мемуарах: Ленин пользуется кайзером, чтобы осуществить свою революцию в России, в качестве предпосылки для его мечты о мировой революции, а кайзер и Людендорф предоставляют ему эту возможность.

Даже при политической победе Ленина над российским режимом, желанной и для них, германские стратеги, естественно, пребывают в твердом убеждении, что большевики долго не продержатся. Когда-нибудь настанет великий час германской политики военных целей, считают они, — тогда будет достиг-

нута окончательная победа, создан новый порядок и получены крупные военные трофеи.

С одной стороны, германские стратеги, конечно, осознают необходимость и срочность скорейшей «доставки» в Россию «главного революционера» Ленина, но они в то же время понимают и двойственный политический характер секретной акции. Людендорф признает в своих мемуарах: «Отправив Ленина в Россию, наше правительство приняло на себя и особую ответственность. В военном отношении поездка была оправданной, Россия должна была пасть. Но наше правительство должно было следить за тем, чтобы не пали и мы».

С этой точки зрения, Ленин стал фигурой мировой истории в известном смысле и в результате германской имперской политики.

ПРИЗНАНИЕ «ДЕНЕЖНОЙ ЖЕНЩИНЫ»

На полпути между Зимним дворцом, бывшей резиденцией российских императоров, и Смольным — Институтом благородных девиц — в петербургском Басковом переулке стоит малоприметный угловой дом.

Зимний дворец, большое здание XVIII в. в стиле барокко, становится всемирно знаменитым, когда вооруженные революционеры в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. (по григорианскому календарю — в ночь с 7 на 8 ноября) штурмуют здание. В нем заседает Временное правительство. Его министров без борьбы арестовывают. Это бескровное занятие дворца в последующие десятилетия будет называться «Октябрьской революцией», а позднее, после того как Сталин даст событию новую историческую оценку, год от года торжественно будет отмечаться как «Великая Октябрьская социалистическая революция». Штурм бывшей царской резиденции считается событием, изменившим мир, — и таковым он и был.

Смольный институт, построенный в начале XIX в. в стиле классицизма на территории бывшего «Смоляного двора» российского деревянного флота, также становится всемирно знаменитым. Здесь революционеры с первого дня революции уст-

раивают свою штаб-квартиру. Это место работы Ленина в течение 124 дней, пока правительство не переедет в Москву; новую столицу победоносной советской власти, чтобы с этого момента три четверти века править в тамошнем Кремле.

Оба крупных здания в Петрограде в последующие 8 десятилетий вновь и вновь подробно описываются в книгах по истории. На всех городских планах и в каждом путеводителе их отмечают совсем по-особому.

Напротив, «маленький» дом в Басковом переулке на углу Сергиевской не упоминается нигде — совершенно несправедливо: этот пятиэтажный, внешне неприметный многоквартирный жилой дом в широкой излучине Невы имеет важное отношение к двум другим, всемирно известным зданиям. В этом доме близ Преображенской церкви и казарм лейб-гвардии Преображенского Его Величества полка заканчивается длинная германо-российская денежная линия из Берлина в Петроград.

Здесь, в Басковом переулке, в IX (Литейной) петроградской городской части, живет почти незаметно ближайшее доверенное лицо Ленина, польский адвокат д-р Мечислав Козловский. К нему стекаются все германские деньги для финансирования запланированной Лениным революции.

Угловой дом имеет входы и выходы на соседней улице. Это очень удобно, т. к. в одну дверь дома входит некто — что бы он ни имел с собой, — а из другой двери, «за углом», выходит другое лицо, что бы оно ни уносило. Угловой дом в Басковом переулке — почти идеальное место для денежных курьеров. Все происходит очень спокойно и незаметно для уличных прохожих этого тихого городского района, называемого также «дворянским».

Конечно, для ленинского «главного кассира» Козловского было бы гораздо проще, если бы он мог спокойно прогуляться в течение четверти часа от углового дома до кайзеровского германского посольства близ Адмиралтейства, чтобы там самому забирать «кайзеровские миллионы» наличными или через банковский аккредитив. Но так уж просто дела не делаются. Поэтому необходимы длинные обходные пути и сбивающие с толку маскировки, германские деньги для партийной кассы боль-

шевиков нужно «отмывать» по возможности чище, прежде чем они достигнут петроградского уголовного дома.

К важнейшим денежным курьерам принадлежит Евгения Маврикиевна Суменсон. Моднo одетая молодая женщина работает бухгалтером в петроградской конторе скандинавской торговой фирмы «Фабиан Клингсланд АО», через которую для России импортируются и переправляются дальше вглубь страны различные товары. Фирма представляет собой для Гельфанда своего рода дочернее предприятие и принадлежит к его обширной сети заведений для купли и продажи. Она официально зарегистрирована и занимается прежде всего торговлей товарами, которые срочно необходимы в России в эти военные годы. К ним принадлежат медицинское оборудование, медикаменты, текстиль.

Евгения Суменсон, родственница Ганецкого, устроена в Петрограде им по договоренности с Гельфандом. На нее можно положиться. Это персональное назначение одобряет и Александра Коллонтай, ведь жизнерадостная и совсем «аполитичная» молодая женщина совершенно не вызывает подозрений у неопытной новой российской тайной полиции. — Правда, это, как вскоре выяснится, в корне изменится.

Евгения Суменсон имеет в Петрограде доверенность от фирмы «Клигсланд», она знает и контролирует по указаниям Ганецкого из Стокгольма все движения на счетах. Это касается прежде всего деловых счетов в Сибирском банке в Петрограде, который называют также Русско-Азиатским банком. Оптовое предприятие Гельфанд-Ганецкий заводит для молодой женщины, не вызывающей подозрений, несколько частных счетов. Туда Гельфанд и Ганецкий переводят денежные суммы, отправляемые из их копенгагенской «Торговой и экспортной компании». Трансферты производятся через шведское банковское учреждение «Ниа Банкен» в Стокгольме и через «Ниа Банкен» в Копенгагене как на счета «Клигсланда», так и на личные счета Суменсон в Сибирском банке в Петрограде. Оттуда Суменсон снимает деньги наличными или чеками и приносит купюры или чеки в угловой дом к Козловскому. Затем Козловский непосредственно направляет деньги в «партийную кассу»

революционеров. Для маскировки, в качестве нормальной выручки от продажи импортных товаров, денежные суммы переводятся также из Петрограда в Стокгольм или Копенгаген и затем, заново декларируемые, опять возвращаются в Петроград через оба банка в Стокгольме и Копенгагене. «Отмытые» таким образом, новые источники перевода в нейтральных скандинавских столицах и портах выглядят чисто коммерческими отправителями.

В узком кругу возникает слух, что Суменсон появляется в угловом доме у Козловского не только с целью отдачи денег, но что у обоих здесь имеется «под одной крышей» и совместная квартира. Однако это ни в коей мере не мешает работе на «денежной линии Гельфанд—Ганецкий—Суменсон—Козловский». У тайной полиции Временного правительства не возникает подозрений, и полковник Борис Никитин, шеф тайной полиции, не располагает, во всяком случае в это время, никакой конкретной информацией. Его, как и его вновь назначенного премьер-министра Керенского и министра юстиции Перверзева, бесит, что он вновь и вновь слышит о германских деньгах, текущих из Берлина в кассу большевиков. Хотя он твердо верит в существование этого денежного трансферта, ему не удается найти никого, кто мог бы привести его к неопровержимым доказательствам. — Аппарат его тайной службы функционирует далеко не достаточно эффективно.

Полковник Никитин, конечно, знает, что большинство курьеров должны прибывать через лазейку в Хапаранде — Торнио. Поэтому он настойчиво внушает начальнику пограничной станции Торнио лейтенанту Борисову, что нужно, наконец, «выловить» подозрительных лиц, находит два тайных места близ Торнио, где люди нелегально переходят границу, но удается поймать лишь контрабандистов-коммерсантов. «Политические» нарушители границы и курьеры, на которых столь падаюк полковник в Петрограде, не попадают в сеть.

На совещании у министра юстиции Перверзева полковник Никитин вступает в более тесный контакт со своим финским коллегой. Шеф Финского национального контрразведывательного бюро предоставляет Никитину доверительную инфор-

мацию, что два сельских дома в российско-финском Выборгском пограничном округе используются как места для контактов многими путешественниками между Хапарандой—Торнио и Петроградом. Там часто видели и Александру Коллонтай. Никитин следует указанию и реагирует немедленно.

«Я выбрал для этой работы хорошо подготовленного и деятельного адвоката С., т. к. у него замечательный нюх и интуиция на такие дела», — сообщает Никитин. Агент и профессиональный юрист несколько раз наблюдает за двумя сельскими домами, но и он не может найти и задержать денежных курьеров. Можно ли столь наивно предполагать, что «кайзеровские миллионы» доставляются контрабандой в Петроград, разделенные на мелкие суммы и зашитые в подкладку одежды курьера?

Простой, однако требующий времени и организации трюк, хитроумно придуманный немцами и Гельфандом, продолжает беспрепятственно реализовываться.

Тут полковник Никитин получает неожиданную помощь с совершенно иной стороны. Англичане и французы тоже, конечно, давно заметили, что немцы тайно поддерживают большевиков, чтобы те при победоносной революции и возможном захвате власти очень быстро заключили сепаратный мир с немцами и тем самым вырвали союзницу Россию из фронта с Антантой. Англичане и французы знают и об опасном «игольном ушке» под Хапарандой—Торнио. Они посылают на пограничную станцию своих сотрудников под видом «офицеров-наблюдателей» и без стеснения, с ведома полковника Никитина, участвуют даже в персональном контроле на границе.

Британские и французские офицеры секретных служб с растущим беспокойством наблюдают, насколько мало секретная служба Временного правительства Керенского в состоянии выполнять свои задачи. Самого Никитина, бывшего войскового офицера, лишь после Февральской революции откомандировали прямо с фронта в Петроград, поручив ему эту важную задачу.

Тут дает о себе знать французский офицер-контрразведчик капитан Пьер Лоран и предлагает полковнику Никитину — так сказать, в качестве союзника Антанты — копии телеграмм об обмене некоторой загадочной торговой информацией между

поляками, русскими, шведами и финнами. Мсье Лоран не сообщает, подслушали ли они их где-то по телефонным линиям, «сцапали» непосредственно на Петроградском телеграфе или подкупили человека в нужном месте. Французу кажется подозрительным бойкое телеграфное сообщение между датской «Торговой и экспортной компанией» из Копенгагена, ее представительством в Стокгольме, фирмой Фабиан Клингсланд из Дании и ее филиалом в Петрограде, движение на счетах между скандинавским «Ниа Банкен» и русским Сибирским банком в Петрограде, поскольку там нередко возникают имена революционерки Александры Коллонтай и поляка д-ра Козловского, о которых французская секретная служба знает, что оба они близки к движению вокруг Ленина.

Напротив, о Евгении Суменсон, урожденной финке из буржуазной семьи, до сих пор не удается узнать никаких подробностей. Но все же кажется подозрительным, что Суменсон в телеграммах не раз отговаривала торговца Фюрстенберга из Стокгольма приезжать сейчас в Петроград. С одной стороны, по телеграфу передаются распоряжения о сотнях тысяч рублей или крон, с другой стороны, в телеграммах, отправленных в эти мрачные военные дни, говорится о смехотворных дамских чулках или карандашах. То, что в это голодное время срочно запрашивается у швейцарского предпринимателя Нестле мука, выглядит естественно, но среди запросов на подержанные товары появляются срочные телеграммы, подписанные фамилиями Ульянов и Зиновьев и отправленные Фюрстенбергу в Стокгольм, а именно по его частному адресу в Сальтшебадене, фешенебельном пригороде, где говорится и о специальных делегатах на международную социалистическую конференцию в Стокгольме. Все это выглядит в высшей степени подозрительно.

Полковник Никитин благодарит французского капитана и принимается за это чрезвычайно странное дело. Чем глубже он вникает в содержание 29 телеграмм, подобранных французским офицером, тем сильнее в нем укрепляется подозрение, что этими странными карандашами и дамскими чулками зашифрованы названия совсем других товаров. Быть может, речь идет скорее о винтовках или патронах или о денежных суммах,

которые должны быть контрабандой доставлены в Россию? Почему Суменсон сообщает Фюрстенбергу, проживающему в стокгольмском «Гранд-отеле», что-то о курьерских письмах и, кроме того, просит его предоставить частным образом ее свекру смехотворную сумму в 200 рублей?

Полковник становится активным. Особым мотивом для него служит то, что новый министр юстиции Переверзев, которого, в свою очередь, торопит лично Керенский, хотел бы видеть конкретные следственные результаты. Хочется получить в руки доказательства против большевиков и их германских спонсоров.

То, что для революционеров вокруг Ленина деньги, кажется, не являются проблемой, все более отчетливо ощущается по быстрому созданию их организации, типографии с их партийной газетой «Правда» и другим видам деятельности. В начале июля тираж «Правды», которая до этого влачила скорее жалкое существование, подскочил до 90 000 экземпляров. Германские деньги должны, очевидно, течь щедро, если партия внезапно издает как-никак 41 газету с поразительно высоким для тех времен общим тиражом в 320 000 экземпляров. Многие из этих газет печатаются на латышском, польском, грузинском, татарском языках и усердно распространяются.

15 апреля выходит первый номер газеты для солдат «Солдатская Правда» с тиражом до 70 000 экземпляров. Для матросов издается «Голос Правды», специально для фронтовых частей — еще одна, «Окопная Правда».

Большевики распространяют ежедневно около 100 000 газет среди солдат и снабжают, таким образом, почти каждую роту российской армии ежедневной большевистской газетой. В июле газетные прессы большевиков выплевывают ежедневно в целом 3 200 000 газет. Всего несколько месяцев назад, в феврале этого года, большевики даже еще не имели собственной прессы. Теперь к этому добавляются еще сотни тысяч листовок.

Влияние большевиков на население особенно возрастает в Петрограде. Меньшевики и связанные с ними группировки вокруг Керенского подозревают, что большевики вскоре хотят

захватить себе всю власть посредством путча. Это, естественно, должно быть вскрыто и доведено до сведения мировой общественности.

Никитин организует интенсивное наблюдение за поляком д-ром Козловским, который упоминается в одной из телеграмм. Его поражает, что Суменсон может быть столь важной персоной на секретной линии транспортировки денег между немцами и большевиками. Естественно, его приводит в замешательство и то, что из 29 телеграмм становится очевидно, как деньги текут не только из Стокгольма в Петроград, но и в противоположном направлении. Не является ли все это всего лишь чисто коммерческим передвижением товаров и денег? Полковник Никитин ни в коем случае не желает предстать посмешищем перед общественностью. — Он никогда не сможет раскусить единственную в своем роде запутанную игру Гельфанда, трюк с различными замаскированными фирмами и с переводами денег туда-сюда. Он не очень понимает, как расшифровать текст телеграмм, перехваченных французским офицером.

Например:

Сальтшебаден, 389/4 18 4/5 16.25

Суменсон. Надеждинская, 36, Петроград.

Номер 127. Более месяца ничего не слышал о вас. Срочно нуждаюсь в деньгах. Новый телеграфный адрес: Сальтшебаден, Фюрстенберг.

Никитин отмечает, как быстро реагирует Суменсон и выполняет указания Ганецкого. Всего через два дня она уже сообщает Ганецкому-Фюрстенбергу об исполнении просьбы о деньгах:

Петроград, 374 201, 20 10/11, 13.35

Фюрстенбергу. Стокгольм, Сальтшебаден.

Номер 86. Получила вашу 127. Ссылаюсь мои телеграммы 84—85. Сегодня опять внесла 20 000 вместе семьдесят.

Суменсон.

Суменсон телеграфирует и по официальному адресу бюро Ганецкого, что она внесла значительную сумму в Русско-Азиатский банк в Петрограде:

Петроград, 2801 12 14, 2 12.22

Регат. Фюрстенбергу. Кунгсгатан, 55, Стокгольм.

Номер 74. Внесла Русско-Азиатский банк 50 000.

Суменсон.

Никитин посылает по следу бухгалтерши сотрудника, который должен все выведать о ней. Человек сообщает, что Суменсон не такая «первоклассная», как Коллонтай, а скорее «полусветская».

Тогда полковник Никитин выбирает ловкого и опытного молодого тайного агента Ю. и приставляет его к женщине. Ю. инструктируют только в общих чертах: узнать подробности об определенных деловых связях самой Суменсон. О предполагаемых политических связях женщины полковник агенту Ю. ничего не сообщает.

Уже 11 июля молодой человек докладывает полковнику, что ему удалось, не вызвав подозрений, снять на ночь комнату на даче Суменсон в Павловске, в 30 километрах от центра Петрограда. Дело удалось, сообщает молодой человек, и дает понять Никитину, что его информация о «торговых делах, касающихся дамы», очевидно, не может соответствовать действительности. На этом доклад заканчивается.

Из другого источника полковник узнает, что Суменсон видели в Сибирском банке. Никитин посылает туда своего сотрудника Александрова вместе с финансовым экспертом, чтобы получить лучшее представление о финансовых отношениях Суменсон.

Эти два человека узнают, что Суменсон за короткий срок с апреля до июля 1917 г. сняла со своего счета примерно 800 000 рублей и в данный момент на нем находятся еще 180 000 рублей. Это кажется Никитину уж слишком: миллион во владении мелкого незаметного бухгалтера и счетовода! Александров

узнает, что деньги поступили на счет Суменсон от Ганецкого-Фюрстенберга через «Ниа Банкен» в Стокгольме. Банковские расписки и подписанные рукой Суменсон квитанции о выплатах, которые увидели люди Никитина, вполне однозначны.

Но ищейки Никитина все еще не могут разнюхать, куда Суменсон понесла снятые деньги: в угловой дом по Баскову переулку — к Козловскому, «главному бухгалтеру» большевиков.

Тут министр юстиции Переверзев напоминает Никитину, что еще некоторое время назад просил его «положить глаз на Козловского». Полковник тотчас отдает необходимое распоряжение и мгновенно докладывает об успехе: «Наши агенты быстро установили, что он утром зашел в несколько банков, снял деньги и открыл новые счета в других банках». — По мнению полковника Никитина и его финансовых экспертов, Козловский тем самым «только попытался замести свои следы».

Теперь полковник будет наблюдать за угловым домом в Басковом переулке все пристальней, и для его жильцов Суменсон и Козловского петля постепенно стягивается все туже, пока оба не оказываются в действительно угрожающем положении. Никитин же с удовлетворением констатирует, что он, наконец, попал на горячий след.

Подстегнутый Никитиным и «подогретый» его уликами из Сибирского банка, министр юстиции Переверзев 8 июля велит задержать Суменсон и отправить ее под арест. Ей предъявляют обвинение в финансовых сделках, связанных с изменой родине. Германия — вражеская держава, и германские деньги — вражеские деньги. Тотчас начинаются допросы. Полковник Никитин не может отказать себе в том, чтобы лично допросить Суменсон. Обвиняемой предъявляют некоторые телеграммы, скопированные французским офицером секретных служб, и подписанные ею квитанции о приеме денег в Сибирском банке.

Евгения Суменсон признает то, что не может больше отрицать, — что каким-то образом подсчитанная «сумма в 2 030 044 рубля» прошла через руки Ганецкого и ее. Обвинение против Суменсон гласит:

«Вражеские деньги должны были использоваться для свержения нынешнего Временного правительства, в котором ле-

гально сотрудничают и большевики, чтобы большевики могли захватить единоличную власть и заключить сепаратный договор с немцами». Для Переверзева это обстоятельство, согласно действующим законам, означает измену родине.

«Суменсон... во всем и сразу чистосердечно призналась допрашивавшему ее в моем присутствии начальнику контрразведки... — сообщает Никитин. — Она показала, что имела приказание от Ганецкого выдавать Козловскому... какие бы суммы он ни потребовал, и при том без всякой расписки. Из предъявленных ею чековых книжек явствовало, что некоторые из таких единовременных выдач [Козловскому] без расписки доходили до ста тысяч рублей». Деньги она получала от Ганецкого-Фюрстенберга через «Ниа Банкен» в Стокгольме. И эти деньги поступали из германских источников, предполагает она. »

Эти показания Суменсон побуждают Никитина предъявить руководящим большевикам обвинение в государственной измене. Суменсон становится для Никитина и прежде всего для министра юстиции в известной мере главной свидетельницей того, что германские деньги действительно поступали к большевикам.

Тотчас вокруг показаний Суменсон возникают дикие слухи. В эти хаотичные июльские дни в Петрограде, где все политические группировки различной ориентации самым разным образом выступают, дурно клеветают и ожесточенно борются друг против друга, возникает подозрение, что Суменсон, по старым привычкам царской охраны, на допросах избивали, принуждали к показаниям и даже насильствовали. Во всяком случае, Никитин еще десятилетие спустя, из своей английской эмиграции, настойчиво отрицает такие методы допросов.

Министр юстиции хочет теперь немедленно нанести удар по Ленину и его партии. Но именно в этот момент агент Никитина сообщает, что узнал из надежного источника: Ганецкий лично прибудет в Петроград и 18 июля пересечет шведско-российскую границу. С крайне важным материалом — посланием Ленину или, возможно, даже с наличными деньгами. Если бы удалось сцапать этого важного денежного человека и связника на границе, на руках оказались бы убедительные доказатель-

ства. Никитин настаивает перед Переверзевым, чтобы отложить запланированный арест Ленина и ведущих людей его партии до тех пор, пока Ганецкого не схватят на границе с новыми, неопровержимыми доказательствами. — Начинается большое ожидание Ганецкого.

Июльские дни характеризуются в Петрограде наивысшим напряжением. Множество политических группировок еще больше раскалываются. Все выступают против всех. У меньшевиков одна фракция хочет нанести по собственному плану немедленный удар по большевикам, влияние которых все возрастает, другая фракция, напротив, хочет еще выждать, чтобы получить в руки побольше открытых, пригодных к предъявлению доказательств, которые бы еще сильнее разоблачили большевиков.

Напротив, у большевиков Ленин требует захватить сейчас всю власть в государстве, прежде чем разобщенные меньшевики объединятся и совместно выступят против большевиков. Более умеренная группа вокруг Зиновьева хочет еще подождать с большим ударом, т. к. ситуация недостаточно созрела, чтобы пойти на риск всеобщего переворота и захватить власть.

Даже в далеком Берлине «стратегии апельсиновой корки» делятся на два лагеря. В Министерстве иностранных дел, в Генеральном штабе, в секретном отделении IIIb и в руководстве Рейха образуются по два «фронта»: одни начинают сомневаться, следует ли в нынешней запутанной и неясной ситуации в соотношении сил меньшевиков и большевиков по-прежнему ставить на большевиков во главе с Лениным, — и это означало бы: сохранять денежный поток «в текущем состоянии» — или лучше внимательно выждать дальнейшего хода событий. Другие, «традиционные ленинские деятели», к которым принадлежит прежде всего Брокдорф-Ранцау, хотят, напротив, непоколебимо продолжать делать ставку на радикальную группу, большевиков, поскольку только от них надеются получить после захвата власти немедленный отдельный мир, сепаратный мир с Германией. — Меньшевики, поддерживающие Керенского, напротив, заявляют, что хотят продолжать войну с Германией как верные партнеры стран Антанты.

Поиск решения в Берлине происходит под быстро нарастающим давлением, ведь необходимо незамедлительно установить, не следует ли пока что «заморозить» финансовую поддержку большевиков и основную массу «кайзеровских миллионов» теперь все больше и больше направлять меньшевикам. Чем запутанней становится ситуация в Петрограде, тем рискованней кажутся берлинским правительственным инстанциям коренные изменения. На какую лошадь следует поставить в Петрограде? В данный момент дело выглядит так, что все превращается в настоящую азартную политическую игру, в русскую рулетку с очень высокими ставками. Никто не может с уверенностью предсказать шансы на выигрыш. Ни в Берлине, ни в Петрограде.

Тем временем события захлестывают российскую столицу. Нетерпеливые среди радикальных большевиков наносят внезапный удар, и в их руки практически переходит половина города. Кажется, собственные люди Ленина выходят из-под его контроля.

Переверзеву и Никитину приходится немедленно реагировать и прекратить ожидание курьера Ганецкого с материалами. Вечером 17 июля министр юстиции приказывает полковнику Никитину рано утром следующего дня арестовать вождей большевиков, находящихся в его «черном списке». Кроме того, в ходе акции, проводимой для этой цели, должны были быть произведены обыски в редакциях большевистских партийных газет и партийных офисах.

Но охотники Переверзева и Никитина обескуражены: большинство «списочных людей» из своих квартир «улетели». Очевидно, в самый последний момент они о чем-то узнали! И Ленина не удастся застичь в указанной квартире. Не выдал ли кто-то секретную акцию? — Главный обвинитель в Петроградском апелляционном суде Каринский узнал о запланированной Переверзевым и Никитиным акции «Мрак и туман», предупредил Ленина через близкого ему Бонч-Бруевича и настоятельно рекомендовал вождю большевиков немедленно скрыться и некоторое время находиться в подполье.

Ситуация теперь действительно обострилась, и Ленину в эти лихорадочные дни приходится дважды в день менять укрытие: его разыскивают из-за «государственной измены и подготовки вооруженного восстания». В те сумбурные дни это вполне может стоить головы.

Согласно списку Переверзева, речь идет об 11 лицах, которых считают главными зачинщиками: Ленин, Зиновьев, Коллонтай, Козловский, Суменсон, Гельфанд, Ганецкий, Раскольников, Рошаль, Семашко и Луначарский. Троцкого в этом розыскном списке «высших десяти» большевиков нет, ведь он лишь в конце июля официально присоединяется к партии. Высокая честь, оказанная в списке видных партийцев совершенно «аполитичной» Евгении Суменсон, вытекает из того, что она уже призналась в роли «денежной женщины» для главной большевистской кассы.

Переверзев хочет еще сильнее подогреть настроение против революционных большевиков и Ленина. В роли министра юстиции он приглашает в свои апартаменты для «чрезвычайно важной информационной конференции» пару благожелательно к нему настроенных журналистов и полсотни представителей полков петроградских частей. Здесь он разоблачает свежую денежную историю между немцами и большевиками, насколько она ему известна.

На следующий день массовая газета «Живое слово» печатает под гигантской шапкой «Ленин, Ганецкий и К° — шпионы!» сенсационную историю о денежной линии Ганецкий—Суменсон—Козловский. Во многих местах столицы расклеиваются спешно напечатанные плакаты с этой информацией.

Для горстки созванных журналистов и полсотни военных представителей полков министр юстиции издает своего рода коммюнике или, точнее сказать, «печатную шпаргалку» для статей и речей. В ней говорится: «Согласно только что поступившим сведениям», теперь доказано, что большевистские организаторы мятежа в Петрограде связаны с германским противником, поскольку «военной цензурой установлен непрерывный обмен телеграммами [...] между германскими агентами и большевистскими лидерами». А в другом месте этого заявле-

ния министра юстиции сказано: «Для этой цели и за счет полученных от указанных государств [Германии и Австро-Венгрии] денег они организуют пропаганду среди гражданского населения и армии, в которой призывают немедленно противостоять продолжению военной акции против вражеских держав».

Керенский, который после подавления мятежа большевиков 20 июля 1917 г. становится премьер-министром нового временного, или переходного, правительства, кроме того, дополнительно заявляет: «Временное правительство однозначно установило, что денежные дела Ганецкого с Парвусом (Гельфанд) продолжались в петроградском Сибирском банке, где на имена Суменсон (родственница Ганецкого) и Козловского была вложена громадная сумма, переведенная из Берлина через Стокгольм при личном посредничестве Ганецкого».

Представители полков, присутствовавшие на информационном собрании у Переверзева, сообщают в своих частях, что Ленин — предатель. Многие солдаты в растерянности, некоторые идут к Таврическому дворцу, где заседают члены Совета рабочих и солдатских депутатов. Это то самое место, где Ленин 4 (17) апреля 1917 г. провозгласил свои «Апрельские тезисы» о плане борьбы за переход от буржуазно-демократической Февральской революции к социалистической революции. Многие простые солдаты больше не понимают политику большевиков. Они требуют разъяснения по поводу обвинений. Всеобщий протест против войны и голода, требования колеблющейся массы о мире и хлебе большевики больше не в состоянии направлять согласно своим идеям. Все больше солдат и гражданских лиц стекается к Таврическому дворцу. Сначала появляются солдаты Измайловского гвардейского полка, за ними следуют солдаты Преображенского и Семеновского полков, которые даже приводят с собой оркестр. Видны и казаки. Ленин и К° — предатели? Оплаченные германские шпионы? Невозможно представить! Упоминается странная поездка Ленина через вражескую Германию, это приводит в еще большее замешательство.

Вспоминает ли Ленин в этой щекотливой для него ситуации, что Гельфанд предлагал ему в 1915 г. приехать в эмигра-

цию к нему в Копенгаген? Ленин тогда наотрез отказался и, тем самым, не избежал унижительной транзитной поездки под охраной через вражескую Германию, которую ему теперь вновь преподносят! Партийный вождь в данный момент нигде не может показаться общественности.

Троцкий позднее вспоминает, как в день мятежа в середине дня все еще были вместе и распределяли министерские посты, ответственные функции народных комиссаров в своем новом правительстве, и что уже через 6 часов их разнесло в разные стороны как преследуемую дичь, каждого в поисках надежного укрытия. «Теперь они расстреляют нас одного за другим, — говорит Ленин, — это для них самый подходящий момент». Эти слова еще долго звучат в ушах Троцкого, и столь шутливая фраза Радека, брошенная тогда, в начале поездки, на цюрихском вокзале, что все они через 6 месяцев либо станут министрами, либо окажутся на виселице, приобретает задним числом гнетущий смысл.

Посреди этого политического хаоса в бурлящем Петрограде на глазах общественности разыгрывается жуткая сцена: на широком Невском проспекте, знаменитой и богатой традициями великолепной улице, маленькая группа студентов инсценирует на своего рода стихийном «спектакле уличного театра» судебный процесс против «Ленина и германских шпионов». — Театрально-пророческое предвидение грядущих событий?

ДЕНЕЖНЫЙ ТЕАТР И ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ

Но то, что следует в действительности, все больше и больше вырождается в трагикомичное политическое кабаре. Керенский и Переверзев хотят инсценировать пьесу о коррумпированных большевиках под звон литавр. В этом высокоморальном театре Керенский и К° играют роли искренне возмущенных и, разумеется, умалчивают, что они тоже получали деньги — но только с другой стороны, от государств Антанты.

Ленин и его люди выступают в ролях, распределенных согласно собственной режиссуре: все отрицать — гласит их простой де-

виз. Из этого не может не получиться политфарс. Так, Ленин, ушедший «в подполье» вместе с Зиновьевым, заявляет из своего укрытия, что никогда не брал от немцев «ни единой копейки». И это даже соответствует действительности, ведь ни один немец никогда не совал ему в руки и не переводил на его личный счет какие-либо деньги. Ленин сам не получал ничего и от Ганецкого или Козловского. Об этом Ленин сообщает в совместном письме с Каменевым и Зиновьевым в газету «Новая Жизнь». Ленин в нескольких кратких статьях защищает себя от «нападок контрреволюции», как он это называет. В этой связи он также заявляет, что не предстанет добровольно перед судом, т. к. ни он, ни Зиновьев не могут рассчитывать на справедливый процесс. Когда, кроме того, арестовывают и почти линчуют Каменева, Ленин и Зиновьев чувствуют себя подкрепленными в своей позиции.

Ленин оценивает ситуацию как безнадежную и уже размышляет о переносе из предосторожности партийного центра за границу, лучше всего в Финляндию или даже в Швецию, т. к. в Петрограде, кажется, берет верх политический сброд «других».

Нападки меньшевиков о том, что Ленин является агентом германского кайзера, он может опровергнуть относительно легко, и его аргументы выглядят правдоподобно. Напротив, денежное обвинение повисает в воздухе непровергнутым. Ленин даже считается с тем, что если его схватят, то это обвинение в условиях существующей антибольшевистской истерии действительно может стоить ему головы. Поэтому ему приходится и дальше твердо все отрицать. Ленин не может знать, что стало известно, например, содержание его письма от 25 апреля Радеку и Ганецкому в Стокгольм. После его тогдашнего письменного напоминания: «До сих пор мы от вас не получили ничего, абсолютно ничего — ни писем, ни пакетов, ни денег» Радек спешно отправил в Петроград с пакетом рублей Козловского, находившегося в Стокгольме. Через пару дней в Стокгольм был направлен точный ответ Ленина: «Деньги (2 тыс.) от Козловского получены».

Две тысячи рублей — достаточно скромные карманные деньги по сравнению с миллионными суммами, которые к этому моменту уже притекли в партийную кассу. Но именно эта сме-

хотворно малая сумма еще месяцами будет снова и снова приводиться противниками Ленина в доказательство, что он лично принимал деньги. Ленину лишь с трудом удается сбросить с себя вновь и вновь появляющееся «денежное обвинение». На рубеже августа и сентября он пишет из найденного им тем временем финского укрытия Радеку и Ганецкому длинное письмо с подробными указаниями, особенно Радеку для его зарубежной пропаганды, как и какими аргументами следует опровергать денежную клевету.

Сколь бы гротескными ни были обвинения людей Керенского против Ленина, «попытки оправдания» Ленина выглядят столь же смехотворно. Это ведь явно разумная военная хитрость — позволить оплатить создание собственной партийной организации со всем, что к ней принадлежит, именно политическому противнику в Берлине! Вплоть до революции. И, как будет видно, еще долго и интенсивно *после* ее победы.

Такой ни о чем не говорящий «контраргумент», что Ганецкий и Козловский ничего не делали для большевиков, поскольку оба являются поляками, не может убедить действительно никого. Но Ленин пишет: «Ганецкий и Козловский — оба не большевики, а члены польской с.-д. партии [...] Никаких денег ни от Ганецкого, ни от Козловского большевики *не* получали. Все это — ложь самая сплошная, самая грубая».

И при попытке отрицать наличие линии связи от Гельфанда—Ганецкого к нему Ленин не особо достигает цели. В «Рабочей газете» он печатает не очень убедительное «разъяснение»: «Прокурор играет на том, что Парвус связан с Ганецким, а Ганецкий связан с Лениным! Но это прямо мошеннический прием, ибо все знают, что у Ганецкого были денежные дела с Парвусом, а у нас с Ганецким никаких».

Кто может в это поверить? Радек, так сказать, «с фланга», с нейтральной территории, из «большевицкого филиала» в Стокгольме, добавляет для зарубежной пропаганды в своей «Корреспонденци Правда» еще одно: «От Парвуса никто из большевиков [...] не получал на какие-либо политические цели и гроша. Парвус (Гельфанд) и не предлагал им никогда ничего подобного». — За границей, надеется Радек, подробности об

объеме и методах «отмывания денег» между германской и большевистской стороны во многом неизвестны.

Гельфанд в оправдательной брошюре ценой 20 пфеннигов под многообещающим названием «Мой ответ Керенскому и К^о» (*Meine Antwort an Kerenski & Co.*), выпущенной в Издательстве общественных наук (*Verlag für Sozialwissenschaften*) в Берлине 8 августа 1917 г., патетично пишет: «Дураки, чего вы ищете, давал ли я Ленину деньги? Именно Ленин и другие, которых вы называете поименно, не просили и не получали от меня денег ни в подарок, ни в долг. Но я дал им и многим другим нечто лучшее, чем деньги или динамит. Я принадлежу к тем, кто духовно питал революционную волю российских пролетариев, которую вы теперь хотите и не можете искоренить».

Кто и кого здесь пыгается представить дураком? В ответ на обвинения по поводу своей запутанной «системы отмывания денег», своих разветвленных экспортно-импортных сделок Гельфанд продолжает импровизировать и указывает пальцем на «другие» деньги, которые «с другой стороны», от Антанты, текли к путчистам Керенского: «В то время как вы ищете немецкие деньги и клеймите торговца, который приобретает немецкий товар, как политического преступника, вы не замечаете или не хотите замечать, как английские, французские, американские деньги коррумпируют государство, экономически закабаляют, политически порабощают державу».

В последующей публикации с поистине ошеломляющим названием «В борьбе за правду» Гельфанд хочет подчеркнуть в себе чисто делового человека, когда внешне наивно пишет: «Мое денежное сообщение с Фюрстенбергом (Ганецким) было чисто коммерческим и происходило в Копенгагене открыто, на глазах у всех». Но затем вновь прорывается старое тщеславие Гельфанда, и он велеречиво и самодовольно описывает значимость своей персоны: «Правительство Керенского вело следствие против меня с большим пристрастием. [...] Наблюдение за моей персоной распространялось на всю Европу: в нем участвовали российские, румынские, английские, французские и итальянские инстанции. Мой дом в Копенгагене окружали

агенты многих государств. За каждым моим шагом следили. Мои письма перехватывались и вскрывались».

При этом одного предложения на странице 31 «правдивой» брошюры было бы вполне достаточно, чтобы высказать всю демагогичную полуправду: «Со своей стороны я заявил, что не давал большевикам денежных средств». Об этом он действительно заявлял, ведь большая сделка не должна была стать известной ни при каких обстоятельствах — такое основное условие поставила германская сторона.

Борьба Гельфанда за правду, как он ведет ее в своих оправдательных трактатах, несколько напоминает повесть из сэра Артура Конан Дойла и Хедвиг Куртс-Малер, он искусно затушевывает курьезность заговора между кайзером и большевиками.

И Ленину еще месяцами приходится мучиться с денежным обвинением. Он не может открыто, обдуманно и уверенно говорить о чрезвычайно полезной военной хитрости, ослабляющей врага. Он сейчас крепко пригвожден в собственной стране и еще должен подождать до взятия большевиками власти в октябре, пока он сможет выдать три своих немецких слова, выдвинутых в возбужденной дискуссии, — «высказать, что есть» (aussprechen, was ist).

БОЛЬШОЙ ТРЮК

Но как же функционирует система Гельфанда? Как деньги поступают в петроградский угловой дом Козловского и, тем самым, в кассу большевиков?

Упрощенно формулируя, сделки Гельфанда на рынке ни в коей мере не выглядят необычно. Он покупает товары у предприятия в стране X. Эти товары он продает предприятию страны Y. Оттуда товары перепродаются предприятию страны Z. При каждой покупке, продаже, транспортировке, перепродаже, которые осуществляются поначалу с обычными бумагами, нормальными импортными и экспортными лицензиями, таможенными декларациями и т. д., Гельфанд получает свои проценты. Как страстный торговый предприниматель он, естественно, пытается взвинтить свою долю насколько возмож-

но. При очень больших объемах его проценты приносят и номинально высокую прибыль. Поскольку большинство товаров закупается его датской торговой компанией, почти все доставляется на судах в Копенгаген. Там товар разгружается и перегружается для дальнейшей транспортировки следующей фирме — как правило, груз направляется фирме «Клингсланд» в Стокгольме, учрежденной Гельфандом и Ганецким. Там товар снова перегружается и опять же судном транспортируется дальше. Чтобы сэкономить на дорогой плате за перевозку, Гельфанд даже покупает для своей торговой компании собственные грузовые суда. Когда, например, медикаменты, текстиль и химикаты доставляются судном в Россию, они отправляются из портового города Петрограда дальше вглубь страны, обычно по железной дороге. Этим тогда занимается российское дочернее предприятие фирмы «Клингсланд» в Петрограде.

Выручка от продажи направляется в российские банки в Петрограде, т. е. на счета представительницы «Клингсланда» Суменсон. Оттуда «Клингсланд-Петроград» переводит выручку от продажи последней указанной фирме-поставщице «Клингсланд-Стокгольм». «Клингсланд-Стокгольм» переводит деньги дальше, центральной фирме Гельфанда в Копенгагене, а из Копенгагена часть выручки поступает первоначальным продавцам в Болгарию, Румынию, Англию, Германию и т. д.

Но доходы от многого, что продается в России, оседают в Петрограде. Почему? Поначалу — так принято в каждом торговом предприятии, и это ни в коей мере не подозрительно — вся выручка изымается и аккуратно направляется в Скандинавию, что, как правило, обеспечивает Евгения Суменсон, служащая фирмы «Клингсланд». Она переводит деньги на счета Ганецкого в Стокгольме.

Дело на этом кажется законченным. — Если бы революционеры Ленина не нуждались срочно в деньгах. Поэтому доверенное лицо Ленина Ганецкий направляет подавляющую часть денег на различные частные счета Суменсон назад в Петроград — в отмытом виде.

«Стратеги апельсиновой корки» (слева направо): рейхсканцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег, статс-секретарь Готлиб фон Ягов и Карл Гельферих.

Соратники по борьбе: Александр Гельфанд, Лев Троцкий и Лев Дейч, сфотографированы в Петропавловской крепости, 1906 г.

Нюхавн (Копенгаген): столица нейтральной Дании становится в годы Первой мировой войны перевалочным пунктом для товаров всякого рода, включая и политический товар — информацию.

Безукоризненная внешность и национальное сознание: граф фон Брокдорф-Ранцау, с 1912 г. глава кайзеровской миссии в Копенгагене. Покровитель революционизаторского делового человека д-ра Александра Гельфанда.

Переплетенные факты: германские секретные акты о программе революционизации и миллионах, направленных на финансирование большевиков, благополучно сохраненные в архиве Министерства иностранных дел.

Спонсор революции: статс-секретарь Имперского казначейства Карл Гельферих. Директор Дойче Банка с 1908 до 1915 гг., в 1918 г. также краткое время — посол в Москве.

Штаб-квартира и руководящий центр в нейтральном Копенгагене: на вилле на Водрофсвей Александр Тельфанд в 1915 г. создает свою деловую империю по финансированию революции в России.

Германский посланник в Швейцарии барон фон Ромберг.

Карусель и проходной двор для людей, денег и товаров: торговый центр фирменной империи Гельфанда на Остергаде, главной деловой улице Копенгагена.

Наблюдатель Ленина в Копенгагене: польский социал-демократ и большевик Яков Ганецкий-Фюрстенберг. Он целенаправленно назначается управляющим в торговой империи Гельфанда.

Германский посланник в Королевстве Швеция барон Люциус фон Штедтен.

Красный маршрут: шведские часовые-пограничники на Хандолинска-брон в Хапаранде, деревянном мосте в российскую Финляндию. Проходной двор для революционеров, саботажников и шпионов, денег и полит-брошюр.

Деревянный барак в роли дома для банка: обмен денег по текущему курсу и для немецких торговцев. В Хапаранде можно заработать хорошие деньги.

Пограничный афоризм: «Когда другим плохо, нам хорошо». Контрабанда особенно процветает во время войн и нужды.

На стокгольмской вилле в Сальтшебадене: Ганецкий-Фюрстенберг (второй справа) и его жена Гизела (слева) с шведскими социалистами-Хеглундом и Стремом и другими гостями.

Каменная крепость: городской отель в Хапаранде, превосходное место встреч для революционеров, дельцов, офицеров секретных служб, курьеров и куртизанок в хаотичные военные годы.

Россия должна пасть: шеф Генерального штаба Эрих Людендорф (слева), главный стратег кайзера, в Ставке Верховного главнокомандования в Бад-Кройцнахе.

Конспиративный денежный адрес: Петроград, Басков переулок. Перевалочный пункт в длинной «денежной цепи» кайзера. Здесь живут адвокат д-р Мечислав Козловский и Евгения Суменсон.

Главный бухгалтер в котелке: д-р Мечислав Козловский у Кремлевской стены во время парада Красной Армии, за Лениным сбоку.

На заседании Совета Народных Комиссаров с участием Ленина 17 октября 1918 г. в Кремле: Козловский (слева, откинулся на спину), Радек (справа за столом, в очках) и Лев Троцкий (сзади справа).

Ленин со своей сестрой М.И. Ульяновой по пути на V Всероссийский съезд Советов в Москве: «Высказать, что есть!»

«Очищенная от корки» Финляндия: германские войска так называемой Балтийской дивизии вступают в Гельсингфорс/Хельсинки.

«Экспедиционная часть» из Шлезвиг-Гольштейна: финские егеря из Локшtedта прибыли в Гельсингфорс/Хельсинки.

Трофейный мир в Брест-Литовске: делегация Центральных держав в составе генерала Гофмана, графа Чернина, Талат-паши, фон Кюльмана (слева направо).

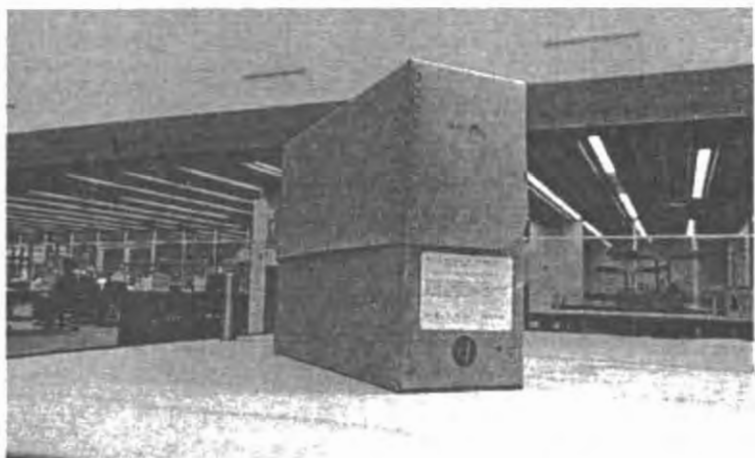
Холодный компромисс: российская делегация в Брест-Литовске — Адольф Иоффе (сидит в центре), Лев Троцкий (справа позади него), Лев Каменев (сидит слева).

На заседании Совета Народных Комиссаров в Смольном, март 1918 г.: Шляпников (1), Ленин (2), Сталин (3), Коллонтай (4).

В безопасности: обоз дипломатов достиг спасительного берега. Второй справа – Эдгар Сиссон.

«Бомба Сисс на»: картонная папка с секретными бумагами «Германо-большевистский заговор» (The German-Bolshevik Conspiracy) в Национальном архиве, Вашингтон.

Миссионер Эдгар Сиссон. Он глубочайше убежден, что выполняет патриотическую задачу «всемирно-исторического» значения.

Ferdinand Ossendowski

Мастер-фальсификатор из Петрограда: авантюрист, писатель и путешественник Фердинанд Оссендовский со своей женой.

Открытым остается один вопрос: как покрываются «убытки» Гельфанда? Обычная торговая сделка начинается с того, что для ее финансирования, для первоначальной закупки товаров необходимо взять кредит. При закупке товаров Гельфанд и Ганецкий по указанию Министерства иностранных дел и Генерального штаба в Берлине получают такой закупочный кредит у банков, например у Дойче Банк. Там предоставляют для предварительного финансирования гигантские суммы. Поскольку, как известно, выручка от сделок в России служит финансированию революции, Дойче Банк остался бы со своими «потерянными» кредитами, которые не могут быть погашены из оставшейся прибыли. — Если бы Министерство иностранных дел и Рейхсбанк не покрывали предоставленные кредиты из различных своих фондов. Так оно и происходит, в этом, собственно, и состоит трюк. Все это, с одной стороны, очень просто, но, с другой стороны, сопряжено с требующими затрат времени обходными путями и очень запутанно.

Гельфанду никогда не приходится возвращать кредиты, что при раздробленности и диверсифицированности его торговой империи не бросается в глаза и не проверяется. Зачастую кредиты для предварительного финансирования выплачиваются на не вызывающие подозрений счета в Швейцарии, а также в Румынии. По этой причине Гельфанд, к примеру, при миллионных выплатах Министерства иностранных дел настаивает на том, что часть денег должна сначала направляться в третьи страны, например в Румынию, чтобы исходный «источник» в Германии не так бросался в глаза. То, что Гельфанд будет получать деньги из самых разных фондов Министерства иностранных дел, было в принципе оговорено с руководством Рейха и Генеральным штабом. Потому и достаточно, если статс-секретари общаются друг с другом совершенно неформально и распоряжаются крупными суммами при помощи пустых фраз: «для известных Вам целей», «для пропагандистских целей», «без указания оснований» и т. д. Ведь деньги в направлении Гельфанда и различных зависящих от него структур все же приводятся в движение на самом высоком уровне, между статс-секретарем Гельферихом в Имперском казначействе и статс-секретарем

Циммерманом в Министерстве иностранных дел. Затем линия распоряжений доходит до посланников Министерства иностранных дел: барона фон Редерна в нейтральной Швейцарии, графа фон Брокдорф-Ранцау в Копенгагене, барона фон Штетена в Стокгольме. Обмен информацией между тремя германскими зарубежными представительствами в нейтральных странах, разумеется, необычайно облегчает всю операцию.

Правда, кое-что в Копенгагене транспортируется туда-сюда и «немного мимо таможни», как об этом осторожно говорят. Когда все это становится чрезмерным, контрабанда постепенно получает огласку и предстает даже арест Ганецкого, датские инстанции советуют его адвокату, чтобы Ганецкий немедленно и по собственной инициативе прекратил такого рода торговлю «в обход закона» и покинул страну.

Германский посланник в Копенгагене, естественно, проинформирован об этих событиях, он тоже советует Ганецкому как можно скорее покинуть Данию, чтобы своеобразные торговые операции при ближайшем общественном рассмотрении не обернулись политическими осложнениями. — Ганецкий еще быстро уплачивает свой штраф в Копенгагене и исчезает.

Несмотря на это, кое-где, естественно, что-то просачивается, и секретные службы Антанты, не будучи информированы в деталях, имеют приблизительное представление о том, что через разветвленную загадочную торговую систему денежных и товарных услуг в кассу российских революционеров-большевиков поступают наличные. Но все это трудно проследить и доказать. Возможно, и общая декларация «на цели политической пропаганды» в недостаточной мере встревожила Антанту, поскольку она сочла эту затею более безобидной, чем она затем оказалась. В конце концов, компетентные службы знали, что и их собственные правительства выплачивают деньги «другим русским» — меньшевикам, Временному правительству князя Львова и его преемника Керенского, но с прямо противоположной целью: чтобы продолжать войну и победить Германию.

Многие политики и дипломаты стран Антанты и не обладают точной информацией, и не имеют даже представления о «беспоощадной энергии» — как пишет Кескюла в своем секрет-

ном рекомендательном сообщении секретному отделению ШВ 3 мая 1915 г. — революционного теоретика Ульянова-Ленина, относительно неизвестного в кругах политиков, в его швейцарской эмиграции. Ведь в большой российской эмигрантской колонии так много путаников! То, что некоторые из этих людей получают деньги на свою пропаганду, больше не вызывает у них беспокойства.

Напротив, дипломат Австро-Венгрии Гребинг информирован несколько детальней. В конце концов, австрийцы в своем Генеральном штабе, независимо от союзных германских ведомств, также обсуждали идею «переправки» неутомимого революционера Ульянова-Ленина в Россию, чтобы разгрузить на Юге свой протяженный и не очень успешный фронт против царской армии, который простирается как-никак от Южной Польши через Карпаты до Балкан.

Гребинг располагает также информацией о движении революционизации и, в общих чертах, о труппе германского Министрства иностранных дел и руководства Рейха в отношении посредника Гельфанда. Гребинг пишет: «Парвус и Фюрстенберг действительно осуществляли с германской помощью через Скандинавию регулярные масштабные экспортные сделки с Россией. При этом действовали следующим образом: Парвус получал из Германии определенные товары, срочно необходимые России, такие как хирургические инструменты, медикаменты, химические препараты, одежду или даже противозачаточные средства, а Ганецкий отправляя их затем дальше в Россию. Все доходы от этой торговли не переводились назад в Германию, а с первого дня революции использовались главным образом для финансирования ленинистской пропаганды».

Людам, не информированным в деталях, действительно, едва ли возможно выделить первоначальный германский денежный источник из множества деловых бумаг о мяжках 50-тысячных суммах, которые Гельфанд и Ганецкий посылают на счета друг друга. Письмо Ганецкого Гельфанду от 28 апреля 1916 г. сообщает о таком переводе туда-сюда, «рублевом обналичивании» в прямом смысле слова, с одного счета на другой!

Настоящим я покорнейше подтверждаю, что депонированные сегодня здесь на мое имя в Revisionsbanken 50 000 руб.

как платеж из Петрограда — после чего вышеуказанный банк признал счет Handels- og Exportkompagniet A/S на 45 000 кр. — принадлежат Вам.

Сумма 45 000 кр. была внесена на Ваш счет в Handels- og Exportkompagniet.

*С глубоким уважением
[Подпись:] Фюрстенберг.*

Но и когда речь идет о «более крупных суммах», как при покупке фабрик, машин, о миллионных кредитах, указывается их чисто коммерческий характер, как в записке с отчетом и описанием деятельности уполномоченного и связанного договором «домашнего адвоката» Гельфанда, старшего адвоката Ааге Фауршоу со Скоубогаде 1 о некоторых операциях в 1917 г.:

Переговоры и совещания с Вами, адвокатом Ортманом & господином Вальтером относительно возможной покупки фабрик машин и моторов «Дан».

— Различные совещания и переговоры относительно возможной покупки фабрики машин и АО Smith, Mjvind & Hüttemeier.

— Она совещается со мной относительно кредита на 2 000 000 марок в датских банках под поручительство фирмы Bleichroeder. Ведет переговоры с объединенными дирекциями Национального банка и Handelsbank, Etatsraad Glückstadt и наблюдательным советом Andelsbank. Вопрос касается займа у Arbejdernes Braendselfgesellschaft и Revisionsbank в размере 6 000 000 крон.

Насколько дальновидно действует деловой человек Гельфанд, демонстрирует ссылка в том же докладе старшего адвоката на возврат миллионного кредита, который подлежит оплате лишь через полдесятилетия после окончания войны:

Составлены 4 проекта кредитных договоров между Вами и угольной фирмой на датском и немецком.

Переговоры с Revisionsbank относительно кредитного договора с Braendselsgeschaft. Он же урегулирован для Braendselsgeschaft как твердый кредит на тех же условиях, как Ваш займ: подлежит оплате лишь через 5 лет после войны. Составлен кредитный договор Revisionsbank.

Составлен окончательный документ на 6 миллионов крон между Вами и угольной фирмой на датском и немецком, и вопрос с моей стороны готов.

В конце отчета о деятельности старшего адвоката Ааге Фауршоу, где речь идет о миллионах, адвокату приходится еще раз напомнить Гельфанду о внесении давно подлежащих уплате 12 крон налога на собак, а Гельфанд стремится, насколько возможно, затянуть уплату этой смехотворной суммы сбора датскому налоговому ведомству за относящиеся к этому делу документы:

Переговорено с гербовыми службами из-за отсрочки гербового сбора за документы. Решено, что гербовый сбор в 12 кр. оставляется на дальнейшее.

«ВЫСКАЗАТЬ, ЧТО ЕСТЬ»

Захват власти в Петрограде был детской игрой, скромно говорит Ленин о событии, которое в книгах по истории будет названо революцией, изменившей мир. То, что в действительности происходит в ночь на 26 октября 1917 г. в Петрограде под покровом темноты, следует охарактеризовать как совершенно недраматичное событие. Едва нарушая ночной покой, большевики и сочувствующие им захватывают один за другим мосты и вокзалы, почтовые и телеграфные ведомства, банки (пустые). Нигде нет сопротивления, выстрелы едва слышны. Взрывная сила этого поначалу тихого революционного события заключена в бесконечных кровавых боях, которые последуют потом.

Официально находившийся до предыдущего дня на посту премьер-министра Керенский уже в 9 часов утра выбрался из города в униформе сербского офицера. Точнее говоря, он уехал в автомобиле посольства США с флагом посла и сотрудни-

ком посольства за рулем. Два господина мчатся из революционного города в направлении Пскова. Керенский якобы не бежит, как он считает нужным оправдываться еще годы спустя, а пытается забрать войска с фронта и вновь захватить Петроград. Однако в Ставке российского Северного фронта едва ли можно найти кого-то, кто бы хотел пойти ему навстречу или поддержать его. Войсковые командиры больше не хотят пускаться в подобную игру ва-банк. Керенскому удастся лишь собрать некоторые мелкие части, с которыми бывший военный министр и премьер направляется к Петрограду, против революционеров-большевиков. Через Лугу и Гатчину кучка войск Керенского доходит до Царского Села. Там, всего «в двух часах езды» от Петрограда, солдаты отказываются двигаться дальше, и всадники слезают с лошадей. Это означает окончательный крах контрзахватнических планов Керенского.

То, что исторически значимый и чреватый последствиями ночной захват власти происходит без мощного сигнала к штурму и длительной канонады, объясняется тысячами предыдущих действий и акций. Хватило одного звукового сигнала вечером, холостого выстрела маневренным снарядом с борта почтенного возраста крейсера «Аврора». Так было условлено, в известной мере в качестве стартового выстрела к штурму Зимнего дворца, где министры Керенского ожидают подмоги. Здесь больше не нужно штурмовать бастионы, т. к. министры отдают своей наскоро собранной для защиты здания группе, горстке готовых к стрельбе военных курсантов, участницам добровольного женского батальона и команде велосипедистов, команду не стрелять, когда придут красногвардейцы. Не должна пролиться кровь, говорят министры Керенского, и они имеют в виду, разумеется, свою собственную кровь.

Через незакрытые и едва забаррикадированные двери боковых входов во дворец и открытые окна революционеры, не встречая заметного сопротивления, вторгаются в здание и арестовывают министров Керенского. Под охраной их доставляют в Петропавловскую крепость. Их приходится защищать от собравшейся тем временем в революционном центре толпы, готовой к расправе. Кровь в эту ночь не проливается, «детская

игра» быстро заканчивается. Правда, много крови еще будет пролито в последующие годы, во время беспощадной многолетней Гражданской войны. Историки этого века будут говорить о «белом» и «красном» терроре. Уже в оценке «Февральской революции», которую многие называют буржуазной, мнения расходятся. Одни считают эту первую, буржуазную революцию 1917 г. со свержением царской системы решающей, для других лишь Октябрьская революция с захватом власти большевиками становится действительно значимым, изменившим мир событием.

Лишь 10 лет спустя, уже при единовластии Сталина, «Великая Октябрьская социалистическая революция» с ее «штурмом Зимнего дворца» будет представлена как художественный и кинематографический образ, запоминающийся в зрелищном и драматургическом отношении, в фильме режиссера Сергея Эйзенштейна. В 1927 г. статисты штурмуют главный подъезд Зимнего дворца, запечатленный в картине как архитектурный символ последнего бастиона исторически перезрелого и устаревшего общественного строя. Историческое событие представлено зрителю как очень простая и однозначная акция: добрые побеждают злых, морально опустившееся старое терпит поражение, а доброе, справедливое, новое пробивает себе путь, сопровождаемое большими надеждами на лучшее будущее. Это запечатлено на десятках тысяч картин, на метровых пестрых настенных коврах, в бесчисленных речах, вновь и вновь представляется в театрах и на ритуальных демонстрационных процессиях. Донесено до последнего уголка собственной страны и до всего мира. Это своего рода современная революционная панорама, широкоэкранный икона, благоговейно преклоняться перед которой становится обязанностью и потребностью миллионов людей. Ставшая картиной надежда навсегда оставить позади нужду и бедствия своего времени.

Напротив, трезвый аналитик Ленин «высказывает то, что есть»: детская игра, тяжелое еще впереди. Но об одном он не говорит и в дальнейшем: чем все было оплачено, какие деньги будут и далее щедро течь еще некоторое время, чтобы покрыть издержки революции? И что там было с германскими деньга-

ми? — Но почему Ленин не пользуется случаем, чтобы теперь, после захвата власти, открыто положить финансовые карты на стол?

Это все равно когда-нибудь выйдет на свет, ничто нельзя утаить от истории, об этом Ленин знает: И ведь теперь, когда и «другая сторона» очень предприимчива в финансовом отношении, он и его люди могли бы открыто сказать о своих денежных источниках. Конгресс США как-никак одобряет к этому времени громадный долларовый кредит для создания второго пути на «сибирской жизненной артерии», единственной железнодорожной магистрали от Тихоокеанского побережья поперек Сибири до Европейской России. Для оружия, боеприпасов и солдат, которые должны быть задействованы против нового правительства — большевиков. Две державы Антанты, Великобритания и Франция, также начинают реализовывать программу денежной помощи противникам большевиков.

В Берлине ошиблись все те, кто преждевременно считал, что с захватом власти Лениным, с Октябрьской революцией, германская политика революционизации пришла к успешному завершению и поток германских миллионов может иссякнуть раз и навсегда. Совсем наоборот: дело только начинается по-настоящему! Новые власть имущие не могут ничего почерпнуть из захваченных государственных касс своего предшественника Керенского, т. к. кассы Керенского пусты! И нужно спешить. Выясняется, что мечта Гельфанда в 1915 г. о финансировании с помощью 20 миллионов рублей всей российской революции была все-таки слишком наивным представлением. Теперь, в конце 1917 г., после революции, спросом пользуется чувство реальности.

Когда читаешь фолиант германского Министерства иностранных дел за период «с 1 ноября 1917 г. до 28 февраля 1918 г., том 23», то тайные акты «Мировая война. 11 с. Секретно» выглядят почти текущей бухгалтерской книгой германо-русской истории. Ничего не осталось от хладнокровного спокойствия после октябрьского штурма 7 ноября (25 октября). Напротив, в Министерстве иностранных дел, в Генеральном штабе, в его секретном отделении IIIb, в руководстве Рейха в

Берлине распространяется нервозная лихорадка. Запрашиваются срочные доклады о положении новых правителей. Ширятся опасения, смогут ли удержаться люди Ленина, и если да, то как долго еще? И прежде всего: удастся ли им официально заключить столь настоятельно необходимый сепаратный мир с Германией на Восточном фронте?

Уже через 2 дня после захвата власти в Петрограде в Берлине выделяется 10-миллионная сумма. Сидя за подготовкой распоряжения, статс-секретарь казначейства Рейха от руки корректирует цифру полученного письма в сторону увеличения: 10 миллионов превращаются в 15. И необходимое «ускорение по мере возможности» отмечается особо. Письмо от 9 ноября 1917 г. гласит:

Берлин, 9 ноября 1917 г. Сегодня.

Господину статс-секретарю казначейства Рейха.

Имею честь просить Ваше Превосходительство, ссылаясь на договоренности посланника фон Бергена с господином министериальдиректором Шредером, милостиво предоставить в распоряжение Министерства иностранных дел для политической пропаганды в России сумму в пятнадцать миллионов марок за счет главы 6, раздел II, чрезвычайного бюджета. В зависимости от развития событий позволю оставить за собой право вскоре обратиться к Вашему Превосходительству с просьбой о согласии на выделение дальнейших сумм. Был бы признателен за ускорение по мере возможности.

Уже завтра следует подтверждение со стороны статс-секретаря графа Редерна из Имперского казначейства:

Министерству иностранных дел в главе 6 расходов чрезвычайного бюджета, раздел II, выделяются дальнейшие 15 000 000 м.

Граф Редерн.

В главную кассу Рейха.

Господину статс-секретарю

Министерства иностранных дел

На письмо от 9 ноября — А.С. 4181/27431 — копия для любезного сведения.

[Подпись:] Граф Редерн

Отдельного дипломатического представителя кайзера в Дании также поступает озабоченное сообщение: Ленину и его людям нужно больше денег, чтобы удержаться у руля революции.

Брокдорф-Ранцау посылает из Копенгагена с рутинной отчетной депешей Министерству иностранных дел № 1329, где сообщается о небольшой сумме в 20 000 марок для информанта Л. и запрашивается подтверждение на нее, срочное указание, что Ленин через три дня после победоносной Октябрьской революции по-прежнему нуждается в помощи Германии:

Копенгаген, 10-го,

сдано 11 ноября 1917 12 часов 30 утра. Прибытие: 11 ноября 5 часов 10 утра.

Императорский поверенный в делах Министерству иностранных дел

№ 1329

*Ссылаясь на телеграмму № 812 х
от 3 ноября*

Л., получивший до сих пор 2000 крон = 5000 марок, срочно просит о дальнейших 20 000 марок; сумма нужна в основном для поездки двух доверенных людей в Петербург; поездка необходима, т. к. письменное поддержание контакта с Z. сейчас слишком ненадежно. Следует ускорить все дело, дальнейшая бездеятельность здесь могла бы вызвать подозрение.

Прошу телеграфного указания.

Далее Л. просил сообщить по телеграфу свою нижеследующую оценку положения, также для информирования Берна:

«Ленин нуждается для реализации своей программы в помощи Германии».

Из документов неясно, прибыли ли два доверенных лица Л. в Петроград (Петербург) еще своевременно, к 7 ноября (25 октября).

Получатель депеши в Министерстве иностранных дел немедленно пишет текст ответа Брокдорф-Ранцау — из-за спешки от руки:

Берлин, 11 ноября 1917

Миссия Копенгаген

На тел. № 1329

20 000 м. для Блау согласованы. Он может сообщить в Россию, что Имп. Правительство в отношении целей войны по-прежнему стоит на почве резолюции Рейхстага. Если необходимо, это будет при следующем случае официально подтверждено.

В Берлине возникает вопрос, нужен ли еще вообще Гельфанд с его рафинированно сконструированными экспортно-импортными трюками, с его несколько медлительным перемещением денег взад-вперед, с требующим времени «отмыванием денег» при неясном положении после революции. Не могут ли теперь использоваться другие, более быстрые, «короткие» связи? Как оценить положение в Петрограде? Министерство иностранных дел немедленно нуждается в реалистичных оценках. Тут господа из Министерства иностранных дел могут положиться только на господ из отделения IIIb Генерального штаба. IIIb 11 ноября сразу же посылает Министерству иностранных дел копию своей последней «оценки положения» из Петрограда. Из нее видно, что ситуация у получателей денег в Петрограде представляется еще очень неясной:

Отделение IIIb, 11.11.17

№ 44277 Секретно

С.-В. Верх. Ост.

Положение в России по сообщениям, поступившим до 11 часов утра:

1) 10-го пополудни: Керенский издает приказ № 314: призыв к исполнению долга. Каждый должен оставаться на своем посту, как он (Керенский) останется на своем посту Главнокомандующего.

Приказ подписан Суриковым, командующим 6-й армией, Перовским, комиссаром 6-й армии, Грейбекле, председателем армейского комитета.

2) 10-го вечером и 11-го утром: следуют выступления по радио военно-революционного комитета с контрзаявлениями и призывами к подчинению новому законному правительству. Призыв к солдатам на фронте поддержать своих братьев в Петербурге. Рабочее и крестьянское правительство приступило к переговорам о мире. Все народы без исключения должны заявить о своей готовности закончить войну на равно справедливых условиях. Всем народам было предложено перемирие (минимум на 3 месяца).

3) Казаки, видимо, все еще на стороне Керенского.

4) Ленин называется председателем нового Министерства.

5) Войска Керенского находятся 10-го вечером на линии Гатчина — Царское Село.

— Общая оценка:

Положение еще неопределенно. Казаки и армейские комитеты большей частью находятся еще на стороне Керенского; среди казаков, кажется, существует раскол. В стране новое правительство приобретает поддержку. На фронте, в зависимости от состава комитетов, высшим руководством распространяются сообщения о перевороте в духе Керенского. Пропаганда действительно работает против этого.

Рассылка: ППб фронтам, от С.-В. до Южного, Макензену, эрцг. Иосифу.

То, что доверительно рассылается в качестве стратегического анализа положения Генеральным штабом в Берлине важнейшим инстанциям и командующим Восточного фронта фон Макензену и эрцгерцогу Иосифу (австро-венгерские войска), выглядит у Ленина более уверенным в победе. Еще 25 октября в 10 часов утра прессе передается заявление, которое должно наглядно разъяснить населению ситуацию с его точки зрения:

К гражданам России.

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Военно-Революционного комитета, стоящего во главе Петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства — это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-Революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов.

Эти слова Ленина анализируются в Берлине с большим вниманием. Самое важное в данный момент — это формулировка «немедленное предложение демократического мира». Это касается центрального и исходного пункта многолетних представлений о стратегических целях в Берлине. Высокие берлинские руководящие инстанции жадно воспринимают все сообщения, проясняющие соотношение сил в Петрограде.

Эксперты на дипломатических постах тоже должны представлять доклады, из Копенгагена, Стокгольма, Берна поступают сообщения. Это чрезвычайное трио по революционизации России в состоянии давать глубокие оценки через свои информационные каналы. Барон фон Ромберг из Швейцарии, «путеводитель» большого «эмигрантского обоза», секретно сообщает 26 ноября, на второй неделе после революции в Петрограде, господину фон Бергену в Министерство иностранных дел в Берлине, что запрошенные средства помощи с юга, из Швейцарии, надежным путем следуют «наверх», т. е. через Скандинавию в Петроград.

Господин фон Берген отвечает немедленно:

Секретным шифром.

Берн № 1367 через Леррах.

Секретно. На тел. № 1895.

По имеющимся сообщениям, правительству в Петрограде приходится бороться с большими финансовыми трудностями. Поэтому очень желательно направить ему денег. Берген.

Рукописная пометка на полях указывает, что об этом должен быть проинформирован и господин Надольный.

В то время как германской стороне вновь приходится усиленно работать над тем, чтобы доставить в Петроград крупные финансовые средства для обеспечения власти революционеров, державы Антанты, Англия и Франция, пытаются опять превратить денежную компанию немцев с большевиками в предмет для обсуждения мировой общественности. Гельфанд со времени «клеветы» в июле постоянно находится в затруднительном положении.

Англичане вновь атакуют по месту деловых акций Гельфанда в Копенгагене. С помощью датских журналистов здесь, в Копенгагене, месте нахождения гельфандовского центра, им удастся опять подогреть июльские обвинения акции Переверзева—Керенского. Ситуация становится неприятной не только для Гельфанда: германский посланник граф Брокдорф—Ранцау также указывает Министерству иностранных дел на целенаправленную акцию англичан против Гельфанда. 25 ноября он шифром телеграфирует в Берлин:

Императорский посланник

Министерству иностранных дел.

Антинемецкая консервативная датская газета «Копенгаген» (København) помещает резкие выпады против д-ра Гельфанда с тенденциозным изображением его политической деятельности. Газета указывает на якобы опасную для нейтралитета Дании работу Гельфанда во время войны и намерена продолжать разоблачения.

Узнал из достоверного источника, что нападки исходят от доверенных людей здешней английской миссии; статьи первоначально предлагались сотрудникам Nationaltidende и Berlingske Tidende, но были отклонены этими газетами.

Действия английской миссии доказывают значимость, которая придается деятельности Гельфанда со стороны наших врагов.

Ранцау.

3 декабря статс-секретарь Министерства иностранных дел Кюльман, практически выполняющий функции министра, рассылает в своем роде принципиальный анализ, резюмируя ис-

ходные цели, успехи, проблемы и текущую ситуацию через 4 недели после революции. Эта принципиальная оценка, ссылающаяся в конце документа на руководящие директивы германского кайзера («Е.В.») и содержащая просьбу «представить соответствующий доклад Е.В. и телеграфировать мне Высочайшие указания», дает интересный взгляд на мир политических идей и представления о целях у германского государственного руководства. Бумага несколько напоминает характер правительственного заявления относительно тайной дипломатии и практики политических заговоров, которое в то время в столь компактной формулировке едва ли можно найти в другом документе. Обширный текст гласит:

На тел. № 1771.

Разрушение Антанты и, как следствие, образование новых, приемлемых для нас политических комбинаций является важнейшей дипломатической целью войны. Самым слабым звеном во вражеской цепи представлялось российское кольцо; поэтому было необходимо его постепенно расшатать и, если возможно, удалить из цепи. Этой цели служила деструктивная работа, которую мы организовали за линией фронта в России, в первую очередь поощрение сепаратистских тенденций и поддержка большевиков. Лишь средства, притекавшие большевикам с нашей стороны по различным каналам и под разными вывесками, позволили им оформить «Правду», их главный орган, вести оживленную агитацию и сильно расширить первоначально узкую базу их партии. Теперь большевики пришли к власти; как долго они смогут удержаться у власти, пока еще неясно. Для укрепления их собственного положения им нужен мир; с другой стороны, мы всецело заинтересованы использовать их, быть может, лишь краткое время правления, чтобы прийти сначала к прекращению огня, затем, если возможно, и к миру. [Плохо читаемая рукописная вставка: «О более далеко идущей поддержке ... не может быть речи.»] Заключение сепаратного мира означало бы реализацию желанной цели войны, разрыв России с ее союзниками. Мощь напряженности, необходимо вытекающей из этого разрыва, будет определять интенсивность потребности России в близости к Германии и ее будущее отноше-

ние к нам. Объявленная вне закона своими прежними союзниками, брошенная на произвол судьбы в финансовом отношении, Россия будет вынуждена искать поддержки у нас. Мы сможем предоставить России нашу помощь в различных направлениях; прежде всего, видимо, при упорядочении и восстановлении железнодорожных предприятий (я думаю при этом о германо-российской комиссии, руководимой нами, которая в интересах ускоренного возобновления грузового сообщения должна была бы организовать целесообразное использование дорог на основе единых принципов); затем путем предоставления крупного займа, который необходим России для поддержания функционирования государственного механизма. Он мог бы быть предоставлен в форме кредитов зерном, сырьем и т. д., которые Россия должна будет поставить и за отправкой которых должна была бы следить указанная комиссия. — На базе подобного содействия, которую еще предстоит сформировать в зависимости от потребностей, со временем происходило бы, по моему мнению, растущее сближение между двумя странами.

Австро-Венгрия будет следить за процессом сближения с недоверием и не без озабоченности. Я хотел бы расценить чрезмерно усердное стремление графа Чернина договориться с русскими, как желание опередить нас и помешать неудобному для Дунайской монархии формированию тесных отношений между Германией и Россией. Мы не должны участвовать в этой гонке за благосклонность России. Мы достаточно сильны, чтобы спокойно выждать; мы в гораздо большей мере, чем Австро-Венгрия, в состоянии предоставить России то, в чем она нуждается для восстановления своего государства. Я с надеждой смотрю на дальнейшее развитие дел на Востоке, но считаю целесообразным пока что проявлять известную сдержанность по отношению к австро-венгерскому правительству во всех вопросах, касающихся обеих монархий, также и в польском вопросе, чтобы на всякий случай сохранить свободу рук.

Развитые выше мысли находятся, как я смею предположить, в рамках директив, данных мне Е.В. Прошу представить соответствующий доклад Е.В. и телеграфировать мне Высочайшие указания.

Германский кайзер предложил Кюльману 29 ноября вступить «с Россией в своего рода союзнические или дружеские отношения» на ожидавшихся тогда мирных переговорах. Кюльман, как часто бывало при крайне важном анализе положения или при долгосрочном планировании политических решений, привлек к формулированию ответного письма германскому кайзеру свою «самую способную политическую голову» в Министерстве иностранных дел, посланника фон Бергена. 3.12.1917 г. Кюльман передает этот текст, набросанный фон Бергеном 1.12.1917 г., Его Величеству, высшему германскому государственному рулевому.

«ПЕРВАЯ АПЕЛЬСИНОВАЯ КОРКА»: ФИНЛЯНДИЯ

То, что Ленин в состоянии определенной личной паники в июле 1917 г. сломя голову бежит в Финляндию, не является результатом случайного решения. Территория для бегства — Финляндия — избирается целенаправленно. Никто не знает лучше Ленина, что «апельсиновая корка» — Финляндия, наряду с Украиной, возможно, даже больше Украины, сильнее всего проникнута устремлениями к национальной независимости от Российской империи.

Царь вынужден был после финского восстания 1905 года против царского «превосходства», насильственного господства империи Романовых над Финляндией, два года использовать целую Российскую армию, чтобы подавить восстание.

Поэтому Гельфанд в своем принципиальном меморандуме, который он представил 9 марта 1915 г. Министерству иностранных дел в Берлине и который там и во всех других ведущих германских ведомствах, где засели «стратеги апельсиновой корки», нашел столь прочную поддержку, усиленно указывал на Финляндию. Эту страну надлежало первой из «периферийных» территорий выломать, сорвать, «содрать» с многонационального государственного образования. И отмечалось, что Финляндия еще до решающей революции чрезвычайно удобна для доставки известий и грузов и идеально подходит для контра-

банды оружия и взрывчатки в российскую столицу, центр революционного движения. Итак, стратегически важное «периферийное государство» Финляндия ни в коей мере не представляет собой периферийного явления в «политике инсургенция» германского кайзера и его стратегов. По этой причине и отделение секретных служб ШтВ в германском Генеральном штабе вполне успокаивается, когда узнает, что Ленин скрывается где-то в Финляндии.

Естественно, господа и в тот период принимают место пребывания Ленина очень близко к сердцу. (С каким удовлетворением стокгольмский информационный пункт ШтВ тогда, через день после прибытия Ленина в Петроград, 17 апреля 1917 г., сообщил в Берлин, что его «въезд в Россию удался» и он работает «как нельзя лучше». — Кстати, именно это сообщение позднее вновь и вновь приводится врагами Ленина в доказательство, что великий вождь революции был агентом немцев.)

Ленин инстинктивно полагается на опытного и прямого финского революционера Карла Вийка, который спас и важного курьера Шляпникова, когда тот на курьерском пути из Торнио в Петроград был арестован на железнодорожной станции и смог бежать. После долгих переходов Шляпников устанавливает контакт с Вийком. Вийк обеспечивает беглецу финский паспорт, так что тот может в относительной безопасности пробиться в Петроград. Ленин знает, что на Вийка он может положиться. Финн принадлежит к тем, о которых Ленин всего два месяца назад писал в своей статье «Финляндия и Россия»: «Царь, правые, монархисты выступают [...] за прямое подчинение Финляндии русскому народу. Классово сознательный пролетариат и оставшиеся верными его программе социал-демократы за свободу отделения Финляндии, как и всех других неравноправных национальностей, от России».

Итак, мысли Ленина оказываются идентичны «руководящим принципам» пропагандистской работы в Финляндии, которые германский рейхсканцлер Бетман-Гольвег уже к началу войны в 1914 г. сформулировал в качестве германских военных целей: «Освобождение и безопасность поработанных Россией племен, отбрасывание российского деспотизма до Москвы».

6 августа 1914 г. канцлер даже поручил германскому посланнику в Стокгольме развязать восстание в соседней Финляндии и для этого представить финнам «перспективу автономного буферного государства (республики)».

Ленин, сопровождаемый Карлом Вийком, точнейшим образом проинформированный им об общих антироссийских настроениях большинства жителей и заботливо проинструктированный, находит в этой стране надежное убежище.

Если бы у российского революционера была возможность полистать толстые фолианты с секретными актами Министерства иностранных дел под грифом «11 с секретно», он мог бы еще спокойнее размышлять о неудавшемся июльском мятеже в Петрограде. Ведь не без основания на крышках переплета от руки помечено: «Операции и подстрекательские акции в России, особенно в Финляндии [sic!] и Остзейских провинциях». Сюда, в Финляндию, с самого начала, в соответствии с планами генштабистов и скоординированно, к самым разным инстанциям и лицам текля деньги из Берлина для фланговой финансовой поддержки запланированной революции в России. Документ А 5 2901 Министерства иностранных дел, письмо из Генерального штаба армии, отделение иностранных армий, Министерству иностранных дел, дают наглядное представление о компетенциях, уровнях отдачи приказов и стабильных контактах между руководящими инстанциями германской политики. Статс-секретарь фон Циммерман сообщает 12 июня 1915 г.:

Секретно!

В понедельник 14 июня в 10 часов утра в здании Генерального штаба, кабинет 147, состоится обсуждение финского вопроса.

Покорнейше просим направить представителя Министерства иностранных дел на это обсуждение.

Господин фон Вехмар, поправляя, еще помечает от руки: «Заседание переносится на среду 16 июня в 10 часов».

В заседаниях Генерального штаба, когда речь идет о «финском вопросе», представитель Министерства иностранных дел

будет участвовать часто и регулярно. Речь идет не только о деньгах, но и об оружии, информационных пунктах, даже о военной подготовке тысяч добровольцев, которая поначалу, под видом «курсов для бойскаутов», производится в шлезвиг-гольштейнском лагере Локштедт, к северу от Гамбурга.

Хотя Ленин, видимо, узнал от своего находчивого курьера Шляпникова не все детали, но о том, что немцы поддерживают финских сепаратистов в финансовом и военном отношениях, тот ему, во всяком случае, должен был рассказать. На Шляпникова производит впечатление, как осмотрительно и успешно почти 2000 финнов-добровольцев уже зимой 1915/16 гг. нелегально переправляются через границу у Хапаранды—Торнио сквозь всю Швецию для военного обучения в Германию. Там создается 27-й финский егерский батальон. Эти молодые добровольцы набираются преимущественно из финских националистических кругов. Великолепно функционирующая система транспортировки этих будущих борцов за независимость помогает и большевику Шляпникову, когда он неожиданно попадает в затруднительную ситуацию. Ему помогают из нее выбраться. После первоначального недоверия в нем распознают противника царя и с гордостью рассказывают о собственных целях и о связанной с ними далеко разветвленной организации транспортировки.

Такого рода нелегальная организация «финских егерей», разумеется, требует денег, если она рассчитана на успех в долгосрочной перспективе. Сначала работают с небольшими суммами, пока не предоставляются сотни тысяч. Так, деньги необходимо посылать связнику в Стокгольме, который должен заботиться также о разрешениях на транзит и о проблемах транспортировки от Финляндии до лагеря в Шлезвиг-Гольштейне. «Группа подготовки Локштедт, отделение Берлин» пишет 18 ноября 1915 г. в книге записей под № 609 Министерству иностранных дел:

*Господину секретарю посольства ф. Везендонку
Его Высокоблагородию
Берлин*

Покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие передать прилагаемое ценное письмо (30 000 м.) господину капитану Хельдту, Стокгольм, через курьера.

В книге записей под № 644 берлинское бюро Группы подготовки Локштедт 27 ноября подтверждает поступление денег от Дойче Банк:

*Министерству иностранных дел
лично господину секр. пос. ф. Везендонку
Его Высокоблагородию
Берлин*

Настоящим подтверждаю поступление перечисленных через Дойче Банк Группе подготовки Локштедт 10 000 м. и прошу подписать и выслать назад прилагаемую справку о получении денег.

Деньги, нелегально текущие туда-сюда между кайзеровской Германией, отдающей приказы, и Финляндией — Россией, где производится набор рекрутов, должны затрагивать и «транзитную» страну Швецию. Поэтому посланник должен быть информирован и об этом и иногда предпринимать необходимые действия. Так, кайзеровский посланник Люциус фон Штедтен аккуратно сообщает рейхсканцлеру и о трансферте небольших сумм денег. В рабочем журнале под № 1145 он информирует:

*Егз Превосходительству
рейхсканцлеру
господину фон Бетман-Гольвегу
Срочно*

Сегодня 50 000 (пятьдесят тысяч) марок сняты в стокгольмском Handelsbank по особой квитанции на посольскую кассу, эквивалент 30425 крон по курсу 60,85 выплачен капитану Хельдту. Подтверждение в следующем официальном отчете.

Люциус.

Германский капитан Карл Хельдт уже с октября 1915 г. является шефом этапного бюро в Стокгольме и держит в руках

нити всех 87 тайных вербовочных пунктов. Он организует очень авантюрное подчас бегство молодых финнов-добровольцев из их финско-российских родных мест в Швецию. В Стокгольме он выдает добровольцам так называемый «егерский паспорт», который позволяет им беспрепятственно въехать из нейтральной Швеции в воюющую Германию.

Эпитет «финские егеря» становится почетным званием с тех пор, как по указу от 28 августа 1915 г. в качестве одежды для «Группы подготовки» устанавливается серо-зеленая егерская униформа германской армии. Формирование, структуру и целевое назначение этой нелегальной части определяют Генеральный штаб, Военное министерство и Министерство иностранных дел на своем совместном совещании 26 января 1915 г. в Берлине.

То, что начинается с 4-недельных «учебных курсов для бойскаутов» в феврале 1915 г., превращается в результате чрезвычайно быстро растущего числа желающих, их рвения в процессе подготовки и их высокой дисциплины в эффективную подрывную часть. 28 августа уже существуют несколько рот. Программа подготовки гласит: «Приобретение боевого духа, пешотная подготовка, разрушение железных дорог и искусственных построек (мосты и т. д.) всякого рода, портовых сооружений и судов».

Такого рода инсургентные части, нацеленные против царской системы, стоят денег. Вновь приходится согласовывать, кто, из какого фонда, кому, когда и какие суммы должен предоставлять.

Письмо от 9 июля 1915 г., где докладывается, что майор Хаген из Генерального штаба и майор Шнивинд из Военного министерства сообщают, что «создание финского корпуса из 7200 человек теперь одобрено всеми военными инстанциями», иллюстрирует гладкое сотрудничество соответствующих германских ведомств. Далее в этом письме говорится:

Поскольку из финского фонда до сих пор были израсходованы лишь относительно небольшие суммы, то общая сумма в 600 000 марок, требуемая для этапирования и информационных центров,

может пока покрываться из стокгольмского фонда. Но когда потребуется организовать активную пропаганду в шведской печати и службу информации для Финляндии, должны быть запрошены новые суммы. В ближайшие дни в Генеральном штабе состоится совещание о создании полномочных финских бюро в Стокгольме и Северной Швеции.

Вскоре после успешной Октябрьской революции, превозглашенной вслед за тем национальной самостоятельности Финляндии и создания независимой от России финской армии Хаген становится начальником штаба у финского командующего генерала Вилкмана.

Заметно растущие деньги на «финское дело» вкладываются успешно и вскоре окупаются для немцев вдвойне: сначала финны борются за свою государственную независимость против царской системы России и могут считать себя повстанцами — союзниками Ленина, но затем националисты, «белые», воюют против лишь неспешно выводимых частей русской армии и одновременно против «смешанных» финско-российских «красных», которые хотят перенести «пролетарскую» революцию и в Финляндию. Последующая гражданская война «белых» против «красных» в 1918 г., следующем году после ленинской революции, ведется обеими сторонами чрезвычайно ожесточенно.

На финской стороне с начала войны в духе «стратегии апельсиновой корки» неумоимо содействует свержению царского режима видный политик, авторитетный статский советник Эдвард Хьельт. 26 ноября 1917 г. ему даже удается разъяснить свои национально-финские планы великому и всевластному Людендорфу в Главной ставке в Бад-Кройцнахе. Он осаждает Генеральный штаб, Министерство иностранных дел, а также рейхсканцлера Бетман-Гольвега своими планами освобождения Финляндии от царской власти. Конечно, он также настойчиво просит денег. Он является членом комиссии по Финляндии и финского Бюро революционизации, находящихся в Берлине. Во время своих частых посещений Германии он живет в фешенебельных отелях и осаждает также отделение ШВ в Генеральном штабе, секцию П(олитика), по поводу согласия на

поставку оружия и боеприпасов для финской повстанческой армии.

Сразу же после начала поставок оружия происходит авария. Всего через 5 дней после Октябрьской революции Ленина германская специальная подводная лодка «UC 57» с 4 тоннами взрывчатки и радиостанцией направляется к южно-финскому побережью. Отборные финские егеря из Локштедта сопровождают секретный транспорт под водой и должны попытаться взорвать железную дорогу на Петроград.

Атака не удастся, и германская диверсионная подводная лодка никогда больше не всплывает.

Но деньги должны течь по-прежнему. Письмо Министерства иностранных дел в Дойче Банк, дирекция в Берлине, переправленное кайзеровскими фельдъегерями, курьерами высших правительственных инстанций, информирует о денежных суммах финского статского советника Хьельта:

Секретно! [...] прошу открыть финскому статскому советнику Хьельту из Гельсингфорса, пребывающему в настоящее время в Берлине, отель «Фюрстенхоф», не указывая Министерство иностранных дел в качестве поручителя, кредит до ста тысяч марок — 100 000 марок — и каждый раз соизволить сообщать сюда для размещения о снятых господином Хьельтом суммах [...] прошу уполномочить финского статского советника Хьельта в Берлине, отель «Фюрстенхоф», снимать со своего счета в Дойче Банке в Берлине до пятнадцати тысяч марок — 15 000 марок — в месяц и соизволить соответственно уведомлять об этом здесь Дойче Банк.

Дойче Банк уже через день сообщает о немедленном исполнении просьбы Министерства иностранных дел:

Высокопочтимому Министерству иностранных дел имеет честь подтвердить получение любезнейшего письма от 15 с. м. и покорнейше сообщить, что мы, в соответствии с поручением, аккредитировали у нас финского статского советника Хьельта из Гельсингфорса, пребывающего в настоящее время в Берлине, отель «Фюрстенхоф», на

100 000 м. /сто тысяч марок/

с условием, что он ежемесячно может снимать у нас суммы в общем размере до 15 000 м.

О снятых господином Хельтом суммах мы каждый раз будем докладывать Министерству иностранных дел для возмещения.

Всего через 10 дней после того, как Дойче Банк утвердил выдачу Хельту ста тысяч марок, его даже принимает рейхсканцлер. Статский советник возглавляет финскую делегацию, которая хочет обсудить с главой германского государства желанное «снятие апельсиновой корки» с Финляндии. Однако Надольный, руководитель Восточного отдела в Министерстве иностранных дел, подчеркивает при этом, что национальная самостоятельность Финляндии «первой из держав должна быть признана Россией».

Финский генерал Маннергейм пишет, что лишь «под нажимом германских требований Финляндия была признана советским правительством независимым государством».

По поводу этой проблемы повздорили Ленин и Троцкий. Троцкий считает недоказанным, что независимость Финляндии отвечает воле финского народа. Но Ленин одерживает верх, и 31 декабря 1917 г. следует признание независимости Финляндии со стороны России. 4 января 1918 г. соответствующий декрет Совета Народных Комиссаров официально утверждается. И в тот же день по указу кайзера Вильгельма II происходит дипломатическое признание Финляндии Германией.

Однако национальная независимость этой страны очень быстро оборачивается кровавой гражданской войной между «красными» и «белыми». Берлин делает ставку на оба цвета: «красные» Ленина продолжают получать в Петрограде свои уже почти привычные огромные суммы, а созданные генералом Маннергеймом «белые» части получают дорогостоящее оружие. 30 января 1918 г. барон фон Маннергейм через финское представительство в Стокгольме срочно просит по телеграфу политическую секцию Генерального штаба вооруженных сил в Берлине «о переправке как минимум 10–20 тысяч винтовок, 50 пулеметов с боеприпасами, полевых телефонов и мощных беспроводных приемников и передатчиков, а также 100 егерей».

Уже 17 февраля Маннергейм, вынужденный бежать от «красных» из Хельсинки/Гельсингфорса в Ваазу, получает «егерей», 40 000 винтовок, 70 пулеметов и даже четыре орудия с большим количеством боеприпасов. Берлин не жалует средств на борьбу с «красными» в Финляндии. Через 4 дня Людендорф после некоторых колебаний решает направить германский экспедиционный корпус из 10 000 человек через Балтийское море — он получает название «Остзейская дивизия» — посреди обширных минных полей к южно-финскому побережью.

Германский кайзер лишь 12 марта, на совещании с ведущими стратегами из руководства Рейха, дает свое согласие на двойную игру с революционной Россией Ленина и «белой» гражданской войной Маннергейма против финских «красных». Людендорф пишет по этому поводу, что «не финские, а всецело германские интересы привели наши войска в Финляндию».

Двумя днями позже это подтверждают крупные германские промышленники Гуго Стиннес и Альберт Балани, пригласившие на завтрак президента финского Сената Свинхувуда. Требования крупных промышленников к Финляндии бессовестны и недипломатичны. Речь идет о запасах огромных финских лесов, об энергетических ресурсах речных порогов, о перестройке всей железной дороги с широкой российской колес на нормальную европейскую, о создании германо-финской торговой компании, которая должна направлять и контролировать всю финскую торговлю, и кое о чем еще. Президент финского Сената неприятно поражен такими дерзостями и приостанавливает все проходящие в это время в Берлине коммерческие переговоры своей делегации с немцами.

Однако крупных германских промышленников не мучает совесть из-за их недипломатичных притязаний, они, совершенно напротив, считают их оправданными. В конце концов, это ведь было недвусмысленно сформулировано при установлении германских требований по поводу военных целей еще в начале войны в 1914 г.

Снятие «апельсиновой корки» — Финляндии — в рамках германской политики в отношении периферийных государств очень наглядно демонстрирует переплетение кайзеровской по-

литики, пронизанной манией величия, экспансионистских целей военных из Генерального штаба, агрессивной германской внешней политики Министерства иностранных дел, планов крупной промышленности относительно территориально-экономического проникновения с захватом капиталов. Но пример Финляндии показывает также, что все это недостижимо без кровавого насилия.

Ничто не иллюстрирует лучше территориальные масштабы германской стратегии в отношении периферийных государств, чем письмо добровольного сотрудника Министерства иностранных дел и организатора «Лиги иноземных народов России» остзейского барона Иксуля всего лишь 30-летнему советнику посольства Отто Понтеру фон Везендонку с дружеской признательностью за его неутомимую деятельность и активность в связи с революционной политикой в российских периферийных государствах. Иксуль предлагает — очевидно, скорее в шутку — соорудить два памятника в честь заслуг Везендонка: один — на северной оконечности Финляндии, другой — на южной оконечности Кавказа.

В качестве заметки на полях по поводу германской политики «апельсиновой корки» упомянем еще только, что роялистские круги в Финляндии, как и в Германии, в то время всерьез планируют посадить на финский трон германского принца. В качестве кандидатов называются принц Оскар Прусский, герцог Адольф Фридрих Мекленбургский, с которым хорошо оплачиваемый статский советник Эдвард Хьельт не раз беседует по этому «финскому вопросу», и принц Фридрих Карл Гессенский. По случаю аудиенции у германского кайзера инкогнито приехавшего Свинхувуда и его министра иностранных дел 26 августа 1918 г. присутствующие сходятся на Карле Гессенском, зяте германского кайзера.

УДАР КУЛАКОМ В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ

Русские приезжают в Брест-Литовск, не очень гостеприимный город у железнодорожной линии Варшава—Москва на оккупированной германскими войсками пограничной террито-

рии российской части Польши, несколько наивными и полными надежд. Здесь в рождественскую неделю в конце 1917 г. должен быть официально подписан мирный договор между Россией и Германией.

Сразу же после успешного захвата власти большевиками новое правительство в Петрограде распоряжается о прекращении военных действий на российско-германском фронте и предлагает немедленное перемирие. Это был тот момент, которого давно и с нетерпением ожидал шеф германского Генерального штаба Эрих Людендорф, чтобы, наконец, перебросить массу германских войск с Восточного фронта для усиления Западного фронта.

Людендорф позднее вспоминает в своих мемуарах:

«Мысль о наступлении во Франции в 1918 г. уже в ноябре волновала многих вождей на Западе, меня, наверное, в первую очередь. Поэтому я с наивысшим напряжением ждал того дня, когда российское правительство попросит нас о перемирии. На фронте в ноябре на многих участках дело доходило до заключения местных перемирий. Частей, которые вели с нами переговоры, становилось все больше, с предложениями о прекращении военных действий приходили уже некоторые русские армии. Соглашения о перемирии кое-где вновь расторгались. Это была запутанная картина — наполовину война, наполовину мир...

26 ноября российский главнокомандующий, народный комиссар Крыленко, запросил по радиотелеграфу, готово ли Верховное командование германской армии к перемирию. Мы ответили утвердительно. Уже 2 декабря русские посредники пересекли немецкие линии. Переговоры немедленно начались в Брест-Литовске, где все еще находилась ставка главнокомандующего на Востоке. 15-го было подписано перемирие. Демаркационными линиями стали проволочные ограждения с обеих сторон. По желанию русских, на некоторых переходных пунктах было даже разрешено сообщение фронта с фронтом. Намерение вести пропаганду просматривалось ясно. Главнокомандующий на Востоке был убежден, что сможет сорвать эту попытку соответствующими мерами. Поэтому мы приняли на себя и это условие, чтобы только прийти к финишу».

Относительно несложное достижение перемирия с немцами, очевидно, приводит русских к ложному заключению, что теперь можно аналогичным путем добиться официального закрепления мира с заключением сепаратного мирного договора. В известном смысле тем самым была бы выписана и «квитанция» за большие деньги, данные немцами на подготовку и проведение революции. Русские сдержали слово с революцией и немедленным предложением перемирия. Теперь недостает еще только мирного договора.

Ленин назначает верного соратника Адольфа Иоффе руководителем российской делегации. По настоятельному желанию российской делегации переговоры ведутся публично. Это не очень подходит для немцев, ведь теперь мировая общественность может до деталей проследить содержательные вопросы и ход бесед на переговорах с речами и контрречами.

С самого начала немцы задают тон на стороне бывших враждебных России держав — Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции (Османской империи). Немцы поручают австро-венгерскому министру иностранных дел графу Чернину фон унд цу Худеницу вести переговоры и уполномочивают его представлять позицию Центральных держав.

Официальные мирные переговоры в Брест-Литовске начинаются 22 декабря 1917 г. Русские представляют свою позицию, обобщенную в 6 пунктах. Русские недвусмысленно говорят о мирном договоре между Германией и Россией «без аннексий и контрибуций». В соответствии с этим они излагают 6 пунктов, с которыми выступает российская делегация, просто и наглядно:

1. Никаких насильственных аннексий. Ускоренный вывод войск с оккупированных территорий.

2. Полное восстановление политической независимости тех народов, которые лишились ее во время войны.

3. Возможность свободного решения вопроса о присоединении путем референдума к другой нации или приобретении государственной самостоятельности для национальных групп внутри существующих государств.

4. Обеспечение прав национальных меньшинств.

5. Никакой компенсации затрат на войну.

6. Применение пунктов 1—4 в колониях.

После этого граф Чернин излагает ответ германской делегации, которая создает видимость, что в принципе полностью согласна, но представляет по каждому в отдельности из 6 пунктов российской делегации рафинированно сформулированные модификации, которые, в конечном итоге, полностью изменяют первоначальный смысл российских предложений.

К каждому из 6 пунктов находится дополнение в духе «да, но» или «позже», практически означающее принципиально новое положение. Это выглядит так:

1. Освобождение оккупированных территорий оставляется до урегулирования вопросов по заключении мира.

2. Заявляется только, что в намерение союзников не входит лишать самостоятельности народы, до сих пор бывшие самостоятельными.

3. Положение национальных групп в государстве является делом не межгосударственного, а внутргосударственного регулирования. (Эта оговорка упраздняет принцип равенства и была предложена в интересах многонационального государства Австро-Венгрии и прусской части Польши.)

4. Защита национальных меньшинств признается лишь в той мере, насколько она практически осуществима.

5. Урегулирование затрат на войну увязывается с присоединением союзников к переговорам.

6. Настаивается на возвращении германских колоний.

Российская делегация вынуждена признать, что все еще предавалась иллюзии, будто немцы отреклись от старого принципа аннексий. Иоффе телеграфирует о неприятном сюрпризе в Петроград.

На второй день Рождества генерал-майор Макс Гофман, представитель Верховного командования армии, по согласованию с Кюльманом, кроме того, заявляет русским, что они не должны питать иллюзий. Центральные державы подходят к понятию «отказа от насильственных аннексий» совершенно иначе и имеют при этом в виду «добровольное отделение» опреде-

ленных областей России, т. е. Польши, Литвы и Курляндии, в духе своей «стратегии апельсиновой корки». Адольф Иоффе не может поверить своим ушам и выражает протест. Лев Борисович Каменев в ярости и после всех предварительных бесед чувствует себя начисто преданным и обманутым. Ведь согласно интерпретации германского генерала это как-никак означало бы, что немцы хотят видеть оторванными от России почти 18 губерний!

Кюльман цинично использует даже формулировку о «прелиминарном мире», своего рода предварительном мире. Российская делегация отъезжает в Петроград, чтобы по необходимости получить новые инструкции по дальнейшему ведению переговоров в связи с неожиданно безмерными и унижительными аннексионистскими требованиями немцев.

Иоффе этим скандалом, инсценированным немцами, практически отстранен от дел, радуется Чернин, а Гельферих даже позволяет себе говорить о Иоффе как о политическом трупе. Иоффе вынужден оставаться дома и выжидать. Правда, он отомстит, когда уже через несколько недель, в качестве первого посла Советской России в столице Германского рейха, окажется в резиденции на Унтер ден Линден и германские крупные промышленники и банкиры будут толпиться в его приемной, чтобы по возможности первыми заключить прибыльные торговые сделки с Советской Россией.

Однако теперь, во время первой паузы в Брест-Литовских мирных переговорах, немцы все же раздумывают, не может ли Иоффе осуществить свою угрозу — после условленного 10-дневного перерыва больше не возвратиться в Брест-Литовск для дальнейших переговоров.

Тем временем в Петрограде среди руководства большевиков распространяется холодное отрезвление. Всем ясно, что немцы ставят только на силовую карту. Между Лениным, Троцким, Каменевым, Иоффе и другими обсуждаются шансы на успех тактики проволочек: не следует ли подождать ожидаемых революционных акций европейского пролетариата и привести в движение «мировую революцию». Проходят многие стратегические и тактические мозговые игры. Ленин назначает Троц-

кого новым главой делегации, и 8 января русские возвращаются в Брест-Литовск.

В тот же день президент США Вильсон провозглашает свою программу из 14 пунктов, в которой он разъясняет позицию США по современному политическому положению. Это то самое уже упоминавшееся заявление, которое его специальный представитель в Петрограде м-р Эдгар Сиссон вручает в русском переводе по случаю своей первой и единственной аудиенции у Ленина. Троцкий уже находится в пути в Брест-Литовск. Позиция Вильсона однозначна: он хочет воспрепятствовать тому, чтобы между новыми властью имущими в Петрограде и главной державой, враждебной Антанте, кайзеровской Германией, был заключен сепаратный мир. Вильсон не отступает от своей цели — разгромить кайзеровскую Германию в военном и тем самым в политическом отношении. Поэтому он и требует в пункте 6 освобождения всей российской территории от германских войск.

Бесплодным спорам в Брест-Литовске не видно конца. Самое сильное и неуступчивое давление исходит от германской промышленности. В «Ходатайстве относительно пожеланий черной металлургии по заключению мира с Россией» при подготовке к Брест-Литовску уже 13 декабря 1917 г. еще раз перечисляются все требования германской индустрии 1914 г. по конечным военным целям: вновь предъявлены требования на угольные и железорудные месторождения на Украине и на Кавказе. Германская торговая палата требует, чтобы Россия после отделения в результате аннексии Польши, Финляндии и прибалтийских стран, «была превращена в объект для эксплуатации путем навязывания соответствующих экономических договоров».

Концерн Тиссена и Объединение германских чугуно- и сталепромышленников указывают в сочельник 1917 г. у вновь назначенного вице-канцлера Карла Гельфериха на высококачественную руду Кривого Рога и для обоснования своих требований сетуют на снижение импорта железной руды из Швеции и Испании. Для транспортировки руды германские промышленные круги требуют предусмотреть при заключении сепаратно-

го мира с Россией даже перешивку необходимых железнодорожных магистралей до ширины, установленной в Германии. Они думают обо всем. 2 января 1918 г. тяжелая и легкая промышленность, а также торговля осаждают рейхсканцлера сразу многими ходатайствами о том, что в мирный договор с Россией необходимо включить положения, которые бы не только обеспечили доступ к российским источникам сырья, но и полностью исключили англо-американскую конкуренцию и открыли российский рынок для неограниченного проникновения германского капитала.

Когда после бесконечных споров переговоры в Брест-Литовске, казалось, вновь застывают на мертвой точке, по предварительной договоренности с Кюльманом наступает очередь «кулачного удара генерала», о котором так часто упоминалось впоследствии. Людендорф предварительно дал германскому генералу с Восточного фронта Гофману, начальнику Генерального штаба Верховного командования на Востоке, четкие директивы по жесткой стратегии переговоров с русскими в Брест-Литовске: основой остается старая линия германской аннексионистской политики 1914 г. Подкрепленный и подстрахованный таким способом своим высшим военным шефом, генерал-майор Гофман открыто выкладывает «германскую карту» на стол переговоров. 18 января он демонстрирует русским карту Восточной Европы, где начерчена линия, ограничивающая территории, которые русские должны «уступить», если не хотят рисковать возобновлением войны с Германией. Это воспринимается всеми присутствующими как удар кулаком по столу. Вдобавок к странам, упомянутым уже в декабре, теперь еще указано, что русские должны очистить Лифляндию и Эстляндию! Троцкий реагирует соответственно и объявляет, что он и его делегация должны сначала поехать назад в Петроград для дальнейших консультаций.

Тут революционеры в Петрограде попадают в неизбежный цейтнот при принятии, пожалуй, самого важного решения со времени революции: либо сохранить революцию в урезанном остатке России и принять этот германский мирный диктат, либо покончить с еще продолжающимся перемирием и

продолжить войну с немцами. Ленин совершенно ясно осознает, что продолжение боевых действий при сложившемся положении было бы бесперспективным делом. Народ устал от войны и ждет исполнения лозунга большевиков «мира и хлеба». Троцкий, Бухарин и другие выступают за сопротивление германскому государственному руководству. Ленину с большим трудом удается утвердить предложенную тогда Троцким компромиссную линию с ее знаменитой формулировкой «Ни войны, ни мира» в качестве линии партии и правительства. С этой концепцией Троцкий вновь едет в Брест-Литовск.

Тем временем Кюльман и Чернин также отбывают для новых консультаций соответственно в Берлин и Вену. По двум их столицам тоже курсируют такие понятия, как «всеобщий мир», «сепаратный мир» и «мирный диктат». Людендорф придерживается мнения, что следует начать военное наступление на Петроград и свергнуть большевиков. Войска 8-го германского армейского корпуса, размещенные в прибалтийских провинциях, получают секретный приказ подготовиться к наступлению в направлении Ревель—Петроград.

Ничто не может лучше иллюстрировать отчаянную политическую ситуацию, чем сцена, которая разыгрывается в вечерние сумерки 26 января в Брест-Литовске. В серо-угрюмой атмосфере места ведения переговоров части кайзеровско-германских войск выходят на «вечернюю зорю». Во время военно-музыкальной церемонии в честь дня рождения германского кайзера, отмеченного накануне, военный оркестр играет при мерцающем свете ручных факелов, дымящих и чадящих, высоко поднятых стоящими навывтяжку солдатами, «Слава Тебе в лавровом победном венце». Мрачная сцена в окружении немецких касок с шишаками больше напоминает конец охоты, «большой сигнал», по которому «укладывается» дичь.

Однако в Брест-Литовске политическая охота продолжается еще долго, пока, наконец, все же не ставятся подписи. 3 марта российская делегация их требования подписывает, выразив протест. Вопрос «кто кого?» в Брест-Литовске решен. Русским было не о чем вести переговоры. — Переговоры велись о них.

ВНОВЬ И ВНОВЬ ДЕНЬГИ И УБИЙСТВА

«В Ревеле ко мне однажды обратилась молодая девушка из высшего петербургского общества. Она сообщила мне, что они с матерью бежали из Петербурга после того, как большевики убили ее отца и брата, и предложила мне убить Ленина, если я обеспечу ее мать 20 тысячами марок.

План, который она мне представила, был хорош и казался вполне выполнимым. Я, однако, разъяснил ей, что мы в этом совершенно не заинтересованы».

Тот, кто это сказал, знает, о чем он говорит. Это — обер-лейтенант Александр Бауэрмейстер из разведки отделения секретных служб IIIb на Восточном фронте. Он организует саботаж и диверсии, добывает секретную информацию за линией русского фронта. В качестве чрезвычайно сведущего эксперта по России высокоинтеллектуальный, способный к языкам человек из IIIb с декабря 1916 г. «придан» в роли офицера разведки и связи командованию 3-й австро-венгерской армии на Восточном фронте. Он приобретает дополнительный авторитет, когда отважно пробивается за линию фронта 8-й российской армии и там обсуждает с председателем Солдатского совета армии возможности перемирия на фронтовом участке армии. Наконец, он приводит Солдатские советы в Ставку германского командующего генерала фон Литцмана в Черновицах и 14 ноября 1917 г. добивается заключения первого соглашения о перемирии с армейской группой — всего через неделю после Октябрьской революции 7 ноября и задолго до официального соглашения в Брест-Литовске. Уже на завтра перед длинной линией фронта 8-й российской армии развеваются белые флаги.

Уже легендарный в то время германский офицер-разведчик простыми словами объясняет молодой русской, почему немцы не хотят расходовать денег на убийство Ленина, а напротив, хотели бы сохранить жизнь вождю большевиков и будут поддерживать его и дальше: «Я говорю с Вами как немец, Надежда Павловна. Если Ленина убьют, то большевики, возможно, будут свергнуты. Их место тогда наверняка займет правительство, которое опять объявит войну Германии. Итак, Вы понимаете,

что мы не заинтересованы в убийстве Ленина, какое бы отвращение мы ни испытывали к нему и его компании».

Эти открытые слова делают понятным выглядящий столь противоречиво «германо-большевистский заговор». Бауэрмейстер сообщает о волне покушений, поднявшейся в 1918 г., и о следующем плане убийства, предложенном германским секретным службам: «Фанатичный старый эсер вскоре предложил мне, что он убьет наркома Троцкого-Бронштейна. Ему я тоже объяснил, что не дам за такое убийство и пфеннига, поскольку оно никак не может помочь германскому делу, в т. ч. и с военной точки зрения».

Бауэрмейстер, который, в числе прочего, является «штабс-ротмистром», за свои успешные и чрезвычайно мужественные и искусные операции перед, за и между линиями фронта на Востоке в духе германской политики разложения и революционизации награждается германским кайзером «рыцарским крестом фамильного ордена Гогенцоллернов с мечами и короной».

Имя удостоенного высокой награды офицера секретной службы, разумеется, вновь и вновь курсирует по кухне политических слухов. Так, ему приписывают, например, секретную встречу с Лениным, Троцким и Иоффе в крепости Кронштадт под Петроградом, что он категорически отрицает.

Никто не мог ответить безавшей из Петрограда молодой девушке из хорошей семьи Надежде Павловне более глубоко, правдоподобно и сочувственно, чем германский офицер, который сам родился в Санкт-Петербурге.

Если бы при доверительном разговоре двух петербуржцев по поводу покушения молодая русская могла представить, сколь велики суммы, которые выплачивались в то время, чтобы, напротив, Ленин и большевики «любой ценой» оставались у власти, то она бы не поняла большую мировую политику тех дней.

И всё это трудно понять в те годы — год 1918-й и ближайшие к нему. Кажется, что от некогда величаво раскинувшейся царской империи остался один кратерный ландшафт, обреченный на политический и экономический упадок. Вокруг городов Петрограда и Москвы (с 12 марта новой резиденции правитель-

ства) распадаются остатки государственного строя, крупные территории страны попросту «отпадают»: всюду самопровозглашаются национальные государства, устанавливаются антибольшевистские региональные правительства, возникают государства казаков и «вольные республики». Организуются и начинают действовать против Москвы Финляндия, Эстония, Курляндия, Латвия, Литва, Польша, Украина, Молдавия, кавказские государства, сибирские территориальные образования. Антибольшевистские армии формируются в Польше, Прибалтике, на Украине, в Кубанской области. Вдоль Транссибирской железной дороги располагаются лагерем солдаты Чешского легиона, бывшие военнопленные. — Перечень противников кажется бесконечным. Крохотное на фоне величия старой России государство большевиков между Москвой и Петроградом окружено врагами. Могут ли вообще удержаться Ленин и большевики?

Этим вопросом задается и первый германский посол в Советской России граф Вильгельм фон Мирбах-Гарф. Он прибыл в Москву во второй половине апреля 1918 г. по обмену с Иоффе, отправившимся послом в Берлин. Германская миссия с 20 дипломатами и таким же числом канцелярских служащих занимает роскошный особняк в Денежном переулке на краю Арбатского квартала. Дом принадлежит немецкому сахарозаводчику, который таким способом хочет защитить его от захвата большевиками.

47-летний профессиональный дипломат граф Мирбах вследствие своей деятельности в качестве юридического советника германского посольства в Санкт-Петербурге в 1908—1911 гг., обладает важным российским опытом. Дипломат старой школы, которого коллеги иногда иронично называют «графом Рокко», не может представить, какой изменчивой будет политика в отношении России в эти летние месяцы 1918 г. Директивы, данные ему в Берлине, однозначно нацеливают его на одобрение и поддержку политики большевиков. Этого он придерживается — и поплатится за это своей жизнью.

Глава миссии, официально функционирующий с 30 апреля, не может удержаться, чтобы не отправить в Берлин еще в мае

первый пессимистичный доклад о катастрофической ситуации в Советской России и о возможном риске, связанном с этим для германской политики в отношении России. Он указывает на возможное сближение большевиков с Антантой. Следует считаться даже с крахом большевистского правительства. Мирбах подсчитывает, что необходимо около 3 миллионов марок в месяц, чтобы удержать у власти правительство Ленина. Документы Министерства иностранных дел дают интересный обзор динамики помощи для сохранения советской власти, которая достигает даже 40 миллионов марок. Первое срочное указание, связанное с предложениями по оказанию помощи, датировано 3 июня 1918 г.:

Москва, 3 июня 1918 5 часов 41 мин. пополудни.

*Императорский посланник Министерству иностранных дел.
№ 233.*

Ответ на телеграмму № 161.

При сильной конкуренции Антанты требуется около 3 000 000 марок в месяц. В случае, возможно, неизбежного в скором времени изменения нашей политической линии следует считаться с более высокими потребностями.

Мирбах.

Снова в Берлине приходится размышлять, не лучше ли все-таки для реализации германских целей войны заключить пакт с оппозицией. Но, согласно оценке Мирбаха, «пакт с дьяволом» — этих слов в отношении большевиков он, правда, никогда не использовал — в конечном итоге, все же самое надежное, т. к. ни одна из сколько-нибудь заслуживающих упоминания оппозиционных групп не готова признать Брест-Литовский договор.

Мирбах поручает своему заместителю Рицлеру, который долгое время работал в стокгольмском посольстве в качестве эксперта по России, щекотливое задание — минуя ЧК и агентов Антанты, установить чрезвычайно осторожные контакты с оппозицией.

В Берлине по заданию встревоженного Кюльмана формулируются «заметки» — основа для беседы о запрошенных мил-

лионах марок с «денежным графом» Редерном из Имперского казначейства:

Заметки для господина статс-секретаря к совещанию с графом Редерном.

В ходе последних усилий Антанты в России с целью побудить Совет рабочих депутатов к принятию требований Антанты, сводящихся к ориентации России на Антанту, граф Мирбах был вынужден затратить более крупные суммы, чтобы воспрепятствовать этим решениям.

Пока что удалось удержать большевиков от перехода в фарватер Антанты. Но каждый день может принести новые неожиданности. Эсеры полностью отдались Антанте, и она пытается подорвать власть большевиков с помощью чехословацких батальонов. Похоже, большевикам удалось преодолеть натиск чехословацких батальонов. И все же следующие месяцы будут полны внутриполитической борьбы. Возможно, что дело дойдет до свержения большевиков, тем более что отдельные их вожди уже относятся к своей собственной судьбе с известным равнодушием.

В период власти большевиков, несмотря на большие испытания, доставленные внешней политике большевиков нашими собственными политическими требованиями (Эстляндия, Лифляндия, Закавказье, Крым и т. д.), мы должны будем пытаться сделать все возможное, чтобы уберечь большевиков от иной ориентации. Это стоит денег, возможно, больших денег. С другой стороны, уже сейчас считаясь с возможностью переворота, мы не должны обрывать наших связей с остальными политическими партиями. Напротив, мы должны пытаться, на случай свержения большевиков, обеспечить себе, насколько возможно, безопасный переход. Это также будет стоить больших денег.

Граф Мирбах сообщил, что ему теперь потребуются для расходов в этом отношении 3 миллиона марок в месяц. Следует, однако, предположить, что в случае переворота, при определенных условиях, потребуется вдвое больше.

Фонд, который до сих пор был в нашем распоряжении для ассигнований в России, исчерпан. Поэтому необходимо, чтобы секретарь казначейства Рейха предоставил в распоряжение новый

фонд. Его, при вышеизложенных условиях, нельзя оценивать цифрой ниже 40 миллионов.

Берлин, 5 июня 1918 г.

Кюльман имеет успех, т. к. уже 11 июня граф Редерн предоставляет миллионную сумму для правительства Ленина под грифом «Секретно Z.B. 965 Статс-секретарь Имперского казначейства»:

*Его Превосходительству
господину статс-секретарю Министерства иностранных дел
господину д-ру фон Кюльману*

Лично.

Дорогой Кюльман!

На Ваше письмо от 8 с. м., которым Вы мне присылаете записку к А.С. 2562 относительно России, я заявляю о своей готовности согласиться с заявкой, представленной без указания оснований, о выделении 40 млн марок на цели, о которых идет речь.

[Подпись:] Граф Редерн.

Заявка на сумму в 40 000 000 марок подается «без указания оснований»: в это время представляется желательным не указывать письменно подлинное назначение и промежуточные инстанции, т. к. способ выделения фонда, предписания об отчетности и т. д. проходят через многие руки и их видят многие глаза.

Рукописный документ от 15 июня подтверждает, что спешный вопрос нашел и самое скорое решение:

Очень срочно

Господину статс-секретарю Имперского казначейства.

Со ссылкой на письмо Вашего Превосходительства от 11 июня 1918 г. Секретно Z.B. 965, покорнейше просим предоставить в распоряжение посольской кассы Министерства иностранных дел 40 миллионов марок на политические цели.

Затем, 26 июня 1918 г., посол Мирбах в Москве получает под № 430 подтвердительное сообщение на свою «просительную» телеграмму от 3 июня:

Запрошенная месячная сумма предоставляется впредь до особого распоряжения. Прошу в особенности противодействовать влиянию Антанты всеми способами. Более подробное указание об отчетности последует.

После сочувственного разрешения, выделения и назначения фонда неизбежно возникает щекотливый трансфертный вопрос. Каким способом осуществить переправку денег? Будет ли все еще функционировать гельфандовская система экспорта, импорта, купли, продажи и контрабанды, хорошо функционировавшая в дореволюционный период? Тем более что державы Антанты вновь и вновь пытаются прямо и косвенно дискредитировать Гельфанда с его подозрительным механизмом отмывания денег при помощи скандинавских инстанций и газетных статей сомнительных русских эмигрантов в Дании и Швеции.

Еще в декабре Ленину пришлось спорить со своими революционными вождями, когда он захотел отправить надежного Ганецкого дипломатическим представителем в Стокгольм. Действительно, никто настолько, как Ганецкий, не знаком с политическим и экономическим положением в Швеции. Но собственные товарищи выступают в этом вопросе против Ленина — из-за денежной линии Гельфанд—Ганецкий, которая все еще на слуху. Ничто не помогает, товарищи Ленина остаются твердыми, и шеф вместо Ганецкого делегирует в Стокгольм Коллонтай в качестве первой дипломатической представительницы советской власти. Это серьезное предупреждение Ленину, и он с возмущением отвергает ходатайство Гельфанда о позволении возвратиться в Россию в качестве «немца». (Помнит ли еще Ленин, что Гельфанд при первой личной встрече в 1905 г. предложил ему эмигрантский приют в своей квартире в Мюнхен-Швабинге?)

Ленин сообщает своему посреднику Радеку, что большевистская партия не допустит прикосновения к «делу революции грязных рук». Эта фраза, написанная незадолго до переговоров в Брест-Литовске, предназначена в первую очередь, конечно, для аргументации зарубежного информационного бюро Ра-

дека. Посвященные удивленно улыбаются: уже теперь, в конце 1917 г., Гельфанд отстраняется от дел. — Лениным и немцами.

В июне 1918 г. из-за этого, а прежде всего в связи с действительно огромной суммой приходится искать иные пути. Об этом сообщает документ от 29 июня:

В дополнение к тел. № 430.

Отчетность о согласованных суммах должна осуществляться посредством справки об использовании, если подтверждения по отдельным позициям не могут быть представлены.

Хотим еще сообщить Вашему Превосходительству, каким путем должна производиться пересылка денег. Принимая во внимание значительные суммы ... [рекомендую?] установить связь с находящимися там господами с целью ... [неразборчиво] российских рублей.

Теперь, когда Гельфанд постепенно выходит из игры, чрезвычайно заметные для тех времен денежные суммы, которые немцы в духе своей политики предоставляют революционерам в России, направляются другими путями. Исторически своеобразный и, пожалуй, уникальный симбиоз взаимной ненависти и взаимных надежд на извлечение собственных выгод в этой форме подходит к концу.

В то время как два политических партнера и одновременно противника совещаются о возможных путях перемещения денег, оппозиционные круги, желающие нарушить и уничтожить это сомнительное партнерство, куют планы убийств по образцу индивидуального террора царских времен. Но для превращения политических фанатиков в участников покушений также требуются известные денежные суммы. Они служат при этом для финансирования заговорщиков против «германо-большевистского заговора».

28 июня 1918 г. барон Курт фон Грюнау докладывает Его Величеству германскому кайзеру содержание одного меморандума Министерства иностранных дел. Барон, согласно полученным указаниям, использует случай пребывания в Ставке Верховного главнокомандующего, на знаменитом курорте Спа

в оккупированной вражеской Бельгии, чтобы рекомендовать кайзеру выгодную дальнейшую поддержку большевиков, даже с учетом ситуации сильного хаоса в России. Правда, у кайзера имеется и рекомендация противоположного характера, исходящая от Верховного командования сухопутных войск, согласно которой начальник Генерального штаба Людендорф вновь предлагает захватить Петроград военным путем и свергнуть большевиков. Однако кайзер на основе меморандума Министерства иностранных дел принимает далеко ведущее решение — продолжая реализовать его стратегию революционизации 1914 г., по-прежнему неограниченно поддерживать большевистское правительство в Москве в духе германской восточной политики с ее установками целей войны. Германско-большевистский «конкордат» должен продолжать существовать. Поэтому приходится и по-прежнему платить.

Менее двух недель спустя, 6 июля 1918 г., в германское посольство в Москве приходят два сотрудника ЧК. Один, согласно документам, принадлежит к отделению контрразведки, другой является представителем революционного трибунала. Оба предъявляют своего рода верительную грамоту от шефа ЧК Феликса Дзержинского, которая уполномочивает их лично обговорить «дело, представляющее непосредственный интерес для посланника». Оно касается личности лейтенанта Роберта Мирбаха, якобы родственника господина посла. Двух посетителей встречают Рицлер и переводчик лейтенант Мюллер. Когда посланник, медля и с некоторым недоверием, предлагает лучше представить дело в письменной форме, посетители Блюмкин и Андреев молниеносно лезут в свои портфели, вынимают револьверы и открывают огонь по Мирбаху и его заместителю Рицлеру. Пули летят мимо. Рицлер и переводчик инстинктивно бросаются на пол, Мирбах пытается убежать через боковую комнату к лестнице на верхний этаж. Андреев несется вслед и сзади стреляет графу Мирбаху в голову. Блюмкин еще бросает в помещение гранату, и оба через открытое окно выскакивают на улицу. В условиях всеобщего хаоса участникам покушения удается убежать через палисадник и металлический забор высотой в 2,5 метра, ограждающий территорию посольства, к сто-

ящему наготове для бегства автомобилю с заведенным мотором.

Граф Мирбах, первый германский посол в Советской России, умирает около 15 часов 15 минут. Ленин получает известие около половины четвертого и тотчас оповещает Дзержинского и Свердлова. Первым в посольстве с соболезнованием приходит Радек, за ним следуют Чичерин и Дзержинский, Ленин и Свердлов приходят около пяти часов пополудни, и все они, глубоко потрясенные, выражают свое сочувствие.

Столь хладнокровное убийство требует заслуживающего доверия извинения, крупномасштабной компенсации, тщательного расследования, строжайшего наказания и многого другого. — Однако как это осуществить, имея в виду запутанные политические отношения всех причастных лиц?

Убийцы из кругов оппозиционных, враждебных большевикам эсеров хотели «освободить Россию от Мирбаха», откровенно признает перед всей общественностью член этой партии госпожа Спиридонова. Сразу же после убийства вооруженные левые эсеры выходят на улицы, клеймят большевиков как «агентов германского империализма», захватывают главпочтамт и телеграф и выпускают сумбурные воззвания к рабочим, крестьянам, солдатам и «всему миру». Лишь назавтра латышские гвардейские части Ленина с трудом, применяя силу, восстанавливают порядок в Москве.

Бежавший убийца Андреев умирает год спустя на Украине от тифа, Блюмкин скрывается до 1919 г., затем добровольно сдается властям, глубоко сожалеет о содеянном и курьезным образом направляется в штаб сотрудников Троцкого. После высылки Троцкого из Советского Союза Блюмкина в 1930 г. арестовывают, и аппарат сталинской юстиции казнит его за активную связь с троцкизмом. Таким образом Сталин одновременно отправляет на тот свет свидетеля и убийцу германского «денежного посла».

Покушение на германского посланника графа Мирбаха становится символом и сигналом для всех антибольшевистских группировок внутри и вне страны. Теперь все сильнее текут и деньги «другой стороны», держав Антанты.

За «сигнальным выстрелом» в германского посла уже три недели спустя в Киеве следует другое покушение. 29 июля стреляют в главнокомандующего германских войск, вступивших на Украину, генерала фон Эйхгорна. Генерал умирает от ран.

30 августа эсерка Фанни Каплан в Москве покушается из револьвера на Ленина, поскольку он действует заодно с немцами. Ленин серьезно ранен, однако выздоравливает. В тот же день в Петрограде эсер убивает шефа тамошней ЧК М. С. Урицкого. 2 октября в Баянске из пистолета стреляют в Льва Троцкого, но нарком по военным делам лишь легко ранен в плечо.

Никто из ведущих деятелей большевиков, которые – что постоянно приводится в качестве основания для покушений – действуют заодно с германскими врагами, не может быть больше уверен в своей жизни. То, что называется политикой, должно осуществляться дальше всеми доступными средствами, так сказать, между минами убийств и покушений. Ведь обстановка для всех властных группировок складывается чрезвычайно напряженно, некоторые уже не могут больше реалистично оценить свое подлинное положение между всевозможными фронтами. Те, кто сегодня еще выступают как надменные победители, не в состоянии уяснить, что уже через 15 недель вынуждены будут признать свою кайзеровскую империю окончательно потерянной. Вопрос «кто кого?» встает перед всеми участниками политического дела каждодневно – зачастую прямо-таки в гротескной форме.

В этой все более непроглядной ситуации, когда, с одной стороны, усиливается политическая поляризация, накапливается взаимная конфронтация при одновременной компанейской готовности к компромиссам и, с другой стороны, бушует необузданная борьба за власть и собственное политическое существование, обращает на себя внимание текст телеграммы, которую Ленин 14 августа посылает из Москвы в Швейцарию. Вождь революции, скованный Брест-Литовском и вынужденный мириться с невыгодным «насильственным мирным договором», признает, что постепенно оказывается во все более благоприятной ситуации, когда немцы вынуждены поддерживать большевиков в своих собственных интересах при любых обстоятельствах.

С политической точки зрения, ленинский «тон» в этой телеграмме фриволен и дерзок. Он сначала благодарит своего посла в Швейцарии Берзина за его усердную пропагандистскую работу за рубежом, которая способствует укреплению политического реноме только что возникшей советской власти. Но затем Ленин начинает говорить о необходимых деньгах: «Благодарю от всего сердца за публикации на трех (или четырех) языках и за распространение. Берлинцы пришлют еще денег: если негодяи затянут дело, пожалуйста *официально* мне. Ваш Ленин».

Ленин точно знает, что немцы вынуждены «всеми средствами» сохранять атакованное со всех сторон Советское государство, чтобы все еще быть в состоянии реализовать свою восточную политику. Пусть даже с помощью меньшего зла, большевиков, с которыми немцам приходится мириться.

В качестве большего зла адмирал фон Хинтце, вновь назначенный преемник Кюльмана в Министерстве иностранных дел, называет «эсеров, кадетов, октябристов, монархистов, казаков, жандармов, чиновников и прихлебателей царя». Адмирал и статс-секретарь Министерства иностранных дел категорически выступает против германских связей с этими оппозиционными группировками, поскольку те не хотят признавать Брест-Литовский договор. Только большевики по-прежнему ведут свою политику на основе договора и еще «подготовленных во след» этим летом дополнительных договоров. Адмирал действительно не любит большевиков, но поразительно недипломатично формулирует подлинные «моральные отношения» противников, связанных друг с другом временным «параллельным расположением интересов»: «Политично использовать большевиков до тех пор, пока они еще что-то могут дать».

Это честные, хорошо понятные слова. Адмирал фон Хинтце по-прежнему неизменно держит курс на сотрудничество с Москвой и объясняет мотивы очень впечатляющим образом:

«Пока что мы не имеем оснований желать скорого конца большевиков или организовать его. Большевики — крайне плохие и несимпатичные люди; это не помешало нам навязать им Брест-Литовский мир и постепенно отнимать у них землю и

людей еще сверх того. Мы выбили из них, что могли, наше стремление к победе требует, чтобы мы это продолжали, пока они еще находятся у руля.

Работаем ли мы с ними охотно или неохотно, не имеет значения, пока это полезно. Привносить в политику чувства — это, как доказывает история, дорогостоящая роскошь. В нашей ситуации было бы безответственно позволять себе такую роскошь. Тот, кто работает с большевиками как правителями де-факто и при этом вздыхает о плохом обществе, не приносит вреда; но когда отвергают выгоду от работы с большевиками из неприязни к дурно пахнущим связям с большевиками, то это становится опасным. Политика до сегодняшнего дня является утилитарной и останется таковой надолго. [...] Чего же мы хотим на Востоке? Военного паралича России. Его большевики обеспечивают лучше и основательней, чем любая другая российская партия, а нам не приходится затрачивать на это ни единого человека и ни одной марки. Мы не можем требовать, чтобы они или другие русские любили нас за то, что мы выжимаем и сдавливаем их страну. Поэтому будем довольствоваться бессилием России».

Грубый тон в точности соответствует ситуации и показывает, как в действительности складываются властные отношения. Правда, в одной формулировке адмирал очень сильно заблуждается — что немцам не приходится затрачивать ни «одной марки». Это верно лишь в том смысле, что речь идет не об одной марке, а о многих миллионах марок, которые приходится «затрачивать». Хинтце резюмирует эту тему: «Неужели мы должны отказаться от плодов четырехлетних боев и триумфов только для того, чтобы избавиться, наконец, от дурного привкуса, что мы использовали большевиков? Ведь мы делаем вот что: мы не работаем с ними, а эксплуатируем их. Это политично, и это политика».

Эти слова адмирала с командного мостика государственного корабля «Германия» вполне ясны. Так что памятная записка адмирала становится ключевым документом, который проясняет, какие давно известные понятия скрываются за всеми красивыми дипломатическими словами: германская политика во-

енных целей, политика в отношении периферийных государств, «стратегия апельсиновой корки», политика инсургенизации, революционизация России, Брест-Литовская мирная политика, отдельный мир, сепаратный мир. Слова адмирала Хинтце делают понятным, что «кайзеровские миллионы» должны продолжать течь еще долго и после успешной Октябрьской революции, чтобы революция оставалась успешной – в смысле «германской восточной политики».

Открытые слова этой памятной записки германского адмирала и почти министра иностранных дел заставляют вспомнить ясные слова Ленина: «Высказать, что есть».

Но длинный язык Хинтце не нравится германским политикам – ни намазанным германо-национальным гугалином, ни более поздним, сталинистского окраса. Адмирал редко цитируется обеими сторонами, а если да, то лишь выборочно и в изуродованном виде. В этом случае тоже господствует временное ограниченное «совпадение исторических интересов» между правыми и левыми: лучше всего просто замалчивать все неудобные истины.

В качестве иллюстрации того, что придаст столь забавную политическую окраску крепкой в выражениях честности Хинтце, упомянем лишь еще раз о том, что униженный в Брест-Литовске Иоффе становится по рекомендации Ленина первым большевистским послом в медленно распадающейся кайзеровской Германии и превращает старое почтенное императорское посольство на берлинской Унтер ден Линден, № 7 в единственную в своем роде большевистскую пропагандистскую крепость, куда он созывает к себе германских денежных инфантов, а также немецких революционеров, которые хотят вскоре свергнуть кайзера. Сейчас немецкие революционеры нуждаются в деньгах для пропаганды и акций. Теперь германские деньги снова текут из Москвы «назад», в известной мере для «революционизации кайзеровской Германской империи».

Под крышей здания посольства, на котором в центре кайзеровского Германского рейха по распоряжению Иоффе развевается красный флаг с серпом и молотом, германские промышленные магнаты и курьеры будущей Коммунистической

партии Германии буквально вырывают друг у друга ручку двери. Одни говорят о торговых делах на Востоке, другие — о мировой революции на Западе. Иоффе прибывает из Москвы в Берлин с 14 миллионами марок и помещает деньги в германский Банковский дом Мендельсонов. Иоффе гордо сообщает в Москву о списке посетителей своего посольства: «Директор Дойче Банк навещает нас часто».

16 мая — Иоффе всего две недели в Берлине — крупновский директор Брун созывает деятелей германской тяжелой промышленности на встречу в Дюссельдорф, чтобы обсудить «проникновение английского и американского капиталов в Россию» и то, как этому можно противодействовать со стороны германского капитала. Такие люди с властью и именами, как Август Тиссен и Гуго Стиннес, излагают свои представления о том, как они хотят обеспечить свое влияние в России. В начале июня принимается решение о создании синдиката, который хочет приобрести влияние на российские транспортные предприятия. Идеи чрезвычайно благоприятствуют просьбы Москвы к Германии об оказании помощи при восстановлении российских железных дорог. И Иоффе обрадованно телеграфирует о натиске германских банковских директоров на Москву в форме бесед о сотрудничестве и кооперации капиталов: «Мендельсон долго ожидал беседы, а Соломонсон трижды появлялся здесь под самыми разными предложениями».

Посетители буквально осаждают Советы деньгами, долгосрочными выгодными кредитами и рассчитывают на высокие прибыли.

На период пребывания Иоффе в роли посла приходится разработка столь важных для Германии дополнительных договоров к Брест-Литовскому миру, начавшаяся еще в бытность в Берлине Кюльмана. С германской стороны переговоры ведут руководитель правового отделения в Министерстве иностранных дел Криге, представитель Министерства иностранных дел в Прибалтике Надольный, торговец-импортер лейтенант Шлубах из Верховного командования сухопутных войск (ОНЛ) и коммерции советник Литвин из Германского экспортного общества, урожденный русский. Через Литвина и Штреземана

осуществляется информационная связь с полковником Бауэром, посредником между военными из ОНЛ, Министерством иностранных дел и Рейхстагом. С российской стороны участвуют Иоффе и специальный посланник Красин. 28 августа, за день до покушения на Ленина в Москве и убийства шефа петроградской ЧК Урицкого, подписываются экономико-политические договоры между Советской Россией и кайзеровской Германской империей.

Наряду с этой важной торгово-политической деятельностью Иоффе, российский посол, энергично и терпеливо занимается революционной пропагандистской работой для свержения кайзеровской династии в Германии. Через год после своей высылки из Германии в качестве дипломата Иоффе с удовлетворением пишет:

«Советское посольство направляло и финансировало более 10 левосоциалистических газет... Естественно, полномочное представительство не могло ограничиться чисто «легальными возможностями» даже в своей информационной деятельности. Информационный материал охватывал много больше того, что печаталось и обнаруживалось. Очень часто требовалось использовать парламентскую трибуну; материал передавался депутатам Рейхстага из фракции независимых социал-демократов, которые привлекали его для своих речей; таким способом он тогда все равно попадал в газету. Советское посольство, которое имело превосходные связи во всех слоях германского общества и агенты которого сидели в самых разных германских министерствах, было значительно лучше немецких товарищей информировано даже о том, что происходило в германской политике.

Конечно, российское посольство не могло ограничиваться в своей революционной деятельности информационной работой. В Германии имелись революционные группы, которые в течение всей войны вели в подполье революционную работу. Российские революционеры, имевшие в этой области больше опыта и больше возможностей, должны были действовать совместно с этими группами, что они и делали. Вся Германия была охвачена сетью нелегальных революционных организаций. Гер-

манское правительство однажды обвинило русских в контрабандной доставке в Германию бунтарских изданий и с усердием, достойным более высокой цели, обыскивало за этим курьерский багаж, но ему никогда не приходило в голову, что то, что доставляло из России в Германию российское посольство, представляло лишь каплю в море по сравнению с тем, что с помощью российского посольства печаталось в самой Германии».

«Соперник» Иоффе в Брест-Литовске и на берлинских дополнительных переговорах Рудольф Надольный описывает деятельность Иоффе, которая в конечном итоге с неизбежностью приводит к его высылке из Германии. Надольный, в соответствии со своей функцией, дает оценку с точки зрения эксперта Министерства иностранных дел и Генерального штаба. Несколько опечаленный, он вначале признает: «Тем временем у меня были свои заботы с российским посольством. Генеральный штаб, [отделение] контрразведка, долго требовал высылки Иоффе, т. к. тот занимался только большевистской пропагандой, но он не мог представить доказательств этого. 3 ноября состоялось заседание в прусском Министерстве внутренних дел, где вновь прозвучало очень энергичное требование о высылке российского посла. Но привести доказательства его пропагандистской деятельности не удалось. Тут я рассказал господам, что недавно генеральный консул Брейтер в Петербурге потребовал винтовок для охраны генерального консульства. После этого ему были посланы 30 винтовок, упакованных в ящики. Когда они прибыли в Петербург на Варшавский вокзал и стали разгружаться, один ящик лопнул, и винтовки были обнаружены. Это, естественно, привело к изрядному демаршу Советского правительства. «У нас, конечно, никогда не лопнет ящик», — на этом я завершил свой рассказ».

Тем самым хитрый эксперт по России дает компетентным людям сигнал к маленькой «коллизии с ящиком», которую пресса мгновенно раздувает в настоящий шпионский спектакль, будто все внезапно ошеломлены подлинной деятельностью посольства Советской России в Германии, и тогда раздаются возмущенные протесты.

Напротив, сам Надольный сообщает деловым и несколько чрезмерно прохладным тоном, что его пример с ящиками был правильно понят компетентными в этой сфере инстанциями:

«В тот же вечер прибыл русский курьер, и когда различные ящики, которые он привез с собой, доставлялись лифтом с перрона, один ящик сломался и — смотри-ка — он был полон пропагандистскими коммунистическими изданиями. Ящик конфисковали, курьера посадили, а Иоффе позвонил мне и пожаловался. Ночью он звонил еще несколько раз, но я не мог ему помочь. На следующее утро я нашел пропагандистские издания на моем письменном столе на службе. Теперь судьба Иоффе была решена. Статс-секретарь Зольф сообщил ему, что он получит свои паспорта и должен в течение 8 дней покинуть Рейх».

Инсценированная проблема с ящиками, после краткой, но все же чрезвычайно интенсивной деятельности посла, кладет конец его очень плодотворному в обоих направлениях германо-советскому сотрудничеству. Это одновременно означает и конец всех официальных дипломатических отношений между двумя государствами, одно из которых, династическое, безжизненно погрузится в историю, а другое в течение долгого времени будет участвовать в определении ее хода.

Однако сначала в российско-польском ноябрьском тумане исчезает посольство Иоффе. Надольный, напротив, регистрирует конец сотрудничества, большей частью конспиративного, которое злые языки позднее захотят оклеветать как комплаецину и заговор, с протокольной трезвостью:

«Через три дня появился майор Хеннинг из Военного министерства и потребовал немедленно выслать российское посольство, т. к. угрожала революция. Я тут же зашел в кабинет, где собрались министры, и доложил о проблеме. На это Шейдеман сказал, что если дело с революцией обстоит серьезно, то персонал посольства следует удалить. Вслед за этим послу было вручено соответствующее решение, и посольство окружила полиция. Туда впускали всех, но оттуда не выпускали никого. Затем, около 4 часов ночи, началась отправка. Я направил внешнеполитического секретаря Рихарда Мейера на Унтер ден Линден, а атташе графа Заурма придал послу в качестве сопровож-

дающего. Когда сотрудников посольства выпустили, их оказалось 186 человек, а единственным немцем среди них был депутат, адвокат д-р Оскар Кон. Посольство село на специальный поезд и доехало до станции Борисов между Вильной и Минском, где поезд остановился и генерал фон Фалькенгайн, командующий на Северо-Востоке, приказал окружить его двумя ротами солдат. Они должны были оставаться там до тех пор, пока российская сторона не освободит наши представительства в Москве и Петербурге и они не будут обменены на посольство.

Обмен представительств состоялся через 3 недели, до тех пор российскому посольству пришлось сидеть в Борисове. Он произошёл на открытом участке, когда с каждой стороны подъехал поезд и их пассажиры затем пересели.

Тем временем в Германии произошла революция».

Германская Ноябрьская революция 1918 г. вынуждает кайзера к отречению, как российская Февральская революция 1917 г. вынудила к этому шагу царя. Кайзер бежит в Голландию. Царь уже расстрелян.

Германо-советские тайные нечистые дела так и не завершаются, по крайней мере в XX в., даже тогда, когда их снова приходится называть германо-российскими.

НА ТРИНАДЦАТИ САНЯХ В АМЕРИКУ

Назад к первоначальной истории: Эдгару Сиссону с группой американских дипломатов удалось перебраться через линию фронта «красных» и «белых», воевавших друг с другом в финской гражданской войне. Бегство на санях продолжается. 13 лохматых пони все еще тянут свои полозья по белому, покрытому льдом и снегом побережному ландшафту Юго-Западной Финляндии. Караван извивается от косы к косе, от острова к острову, тянется по заснеженной суше, а затем опять далеко в море по замерзшей воде Ботнического залива. Едут все время на север, по кратчайшему возможному пути вдоль берега. Цель — финско-шведская пограничная станция Торнио—Хапаранда далеко на севере, на расстоянии всего 90 миль от Северного полярного круга.

Караван состоит из доброй дюжины американских дипломатов, сотрудников посольства, торговцев и их жен, супружеской пары румынского атташе и курьера норвежской миссии в Петрограде. Все эти люди, крепко укутанные из-за ледяного холода, бегут из Петрограда.

Старый достопочтенный Санкт-Петербург превратился в эти мартовские дни 1918 г. в сущий политический ад. Вследствие продолжающегося уже несколько месяцев политического противоборства вокруг мирного договора между Германией, ее союзниками и новой советской властью в России в столице нового государства царит лихорадочная нервозность. Не только голод заставляет отчаиваться людей в эту суровую четвертую военную зиму — слухи, что немцы разорвут нынешнее перемирие и бросят свою армию в наступление на Петроград, тоже сеют страх и тревогу в городе.

Многие посольства и миссии таких союзных России стран, как Франция, Англия и США, также покидают свои здания и пытаются как-то выбраться в нейтральное зарубежье. Одни отправляются в путь через Сибирь к тихоокеанскому порту Владивосток, другие избирают трудный маршрут между фронтами финской гражданской войны через Финляндию в Швецию.

Один из людей этого подозрительного сообщества беженцев, спешащих вдоль зимнего побережья Финляндии, особенно нервозен и спешит больше всех остальных. Это Эдгар Сиссон, специальный представитель 28-го президента США Томас Вудро Вильсона. Еще в ночь перед несколько поспешным отъездом из Петрограда 3 марта 1918 г. Сиссону удалось благодаря внезапному нападению оплаченных им русских достать секретные бумаги российского правительства, указывающие на заговор большевиков и немцев, который направлен против политических целей Франции, Англии и США.

Эти доказательства тайного сотрудничества германского Генерального штаба, Министерства иностранных дел и руководства Рейха с руководящими функционерами большевиков произведут при обнаружении в США впечатление разорвавшейся бомбы, в этом Сиссон убежден уже теперь. Сиссон тайно передал хорошо упакованные бумаги норвежскому курьеру

из группы дипломатических беженцев, т. к. едва ли можно опасаться, что норвежец, дипкурьер нейтральной страны, подвергнется контролю российских постов на границе у Торнио, последней финско-российской станции.

Поскольку до сих пор в ходе бегства через территорию боев красных и белых финнов, продолжающегося уже пару недель, в конце концов все складывалось удачно, даже рискованный переход через фронт на замерзшем озере прошел без осложнений, американец надеется, что теперь до шведской границы больше не будет больших трудностей и он сможет доставить свои бумаги в Вашингтон невредимыми.

Восьмичасовая, почти бесконечная езда на саних проходит в этот день, 25 марта 1918 г., без инцидентов и пауз. Только однажды, у маленького селения, возникшего как оазис из снежной пустыни, были смены пони и сани, перегружена сотня мест дипломатического багажа, и вновь в путь, через пустынный ледяной прибрежный ландшафт. Около 22 часов вечера первые сани все же несколько растянувшегося каравана, наконец, достигают селения Кристинestad. Лишь в полночь прибывают последние сани с багажом. В Кристинестаде располагается дивизионная ставка белофинских вооруженных сил, и американцу Сиссону кажется, что жители здесь особенно дружески настроены к немцам.

Сиссон вздрагивает, когда очень гостеприимные финны усаживают американскую дипломатическую группу именно за тот длинный стол, где уже сидят 30 тех высоко ценимых молодых «финских егерей». Эти обученные в Локштедте (Шлезвиг-Гольштейн) строгой военной дисциплине добровольцы из Финляндии и Швеции теперь, в качестве офицеров, готовят солдат в финской армии генерала Маннергейма. Настроение в столовой «ледяное», как замечает Сиссон, и никто из обеих групп не обменивается за столом с кем-то из «других» ни единым словом. Не прощаясь, все покидают стол. Расположенные к немцам финны видят в американцах представителей вражеской державы на этой войне.

Но старшие финские офицеры в ставке выдают всем из группы дипломатов необходимые паспортные разрешения для даль-

нейшей поездки на следующий день. Поскольку от Кристине-стада опять имеется железнодорожное сообщение, дипломаты вместе с горами своего багажа могут ехать дальше и на обычном пассажирском поезде. Незадолго до полуночи 26 марта группа после нескольких часов езды прибывает в маленький населенный пункт Суниоки. Здесь Сиссон впервые чувствует себя снова «в западном мире», поскольку их сердечно приветствует лейтенант Торлинг, ради безопасности направленный из миссии США в Стокгольме им навстречу. Сиссон думает в основном о своих секретных бумагах и считает их теперь, ввиду присутствия лейтенанта, все же как-то защищенными на крайний случай. Правда, он и далее оставляет бумаги под дипломатической опекой курьера-норвежца, которого постоянно держит в поле зрения.

Американский лейтенант позаботился о ночлеге в маленьком городке, и на следующий день они едут еще 290 миль на север по железной дороге, до северного пограничного пункта Торнио. Поскольку поезд прибывает на место уже около полуночи, все из группы путников остаются до утра в вагонах.

Утром 27 марта 1918 г. Эдгар Сиссон и норвежский курьер ступают на другом берегу пограничной реки Торнио-Йоки — Турне-Эльв, в Хапаранде, на шведскую землю. Сиссона охватывает чувство облегчения. Теперь он смотрит на своего курьера весело и дружелюбно.

Всего Сиссону потребовалось 24 дня, чтобы добраться с Финляндского вокзала в Петрограде досюда, до нейтральной шведской территории, подсчитывает он.

(Кстати, посол США Дэвид Р. Фрэнсис вместе с небольшим штабом сотрудников своего посольства и несколькими коллегами-дипломатами из других миссий смог выехать 27 февраля на специальном поезде, разрешенном Лениным, с Николаевского вокзала в направлении Сибири, на расстояние 5470 миль до Владивостока, порта на Тихоокеанском побережье.)

Три с лишним недели назад, вспоминает Сиссон здесь, в шведском пограничном пункте Хапаранда, он еще брел по снегу в переднем дворе Смольного. Он, наполовину дипло-

мат, намеревался корректно попрощаться с российскими правительственными чиновниками. Перед его глазами и теперь еще стоит картина, как он по пути через двор проходит мимо разломанных с боков деревянных ящиков и успокоенно думает, что запланированное им ночное нападение на ящики с документами удалось осуществить, так сказать, в самую последнюю минуту. Он обязательно должен был получить в руки пару оригинальных документов российских правительственных инстанций, ведь он хочет представить наглядное подтверждение, что все копии, которые он сумел до этого купить за хорошую сумму в долларах у Евгения Семенова, русского журналиста из петроградской вечерней газеты «Вечернее время», являются копиями подлинников. И незадолго до его отъезда из Петрограда открывается счастлиное обстоятельство — правительство хочет переехать в Москву. Не считают ли там, что германская Северная армия в Прибалтике продвинулась уже слишком близко к Петрограду? А вдобавок сообщения и слухи, что Людендорф все же хочет убрать правительство большевиков и захватить Петроград! Во всяком случае, пакуются вещи, и многие деревянные ящики с правительственными бумагами стоят во дворе Смольного, наготове к переезду в Москву. Это на редкость благоприятная возможность для Семенова и его людей, чтобы ночью взломать ящики и добыть себе оригинальные документы. Благоприятная и для Сиссона, и для Вашингтона.

28 марта группа путников после долгого авантюрного бегства через Финляндию уютно располагается за обеденным столом в Хапаранде. Радостно возбужденные удавшимся бегством, все чокаются друг с другом на счастье и пьют. Норвежского курьера Сиссон еще накануне, получив назад пакетик с секретными бумагами, с большой благодарностью проводил на вокзал и распрощался с ним у поезда на Христианию (Осло), столицу его страны.

Вечером 28 марта Сиссон и другие садятся в специальный вагон, заказанный послом США Моррисом и прицепленный к пассажирскому поезду на Стокгольм. 30 марта пополудни

ночной экспресс прибывает в шведскую столицу. Здесь они расстаются, отправляясь каждый по своим личным делам. Сиссон едет по железной дороге через Христианию до норвежского порта Берген, а оттуда на пароходе в Англию.

В Лондоне Сиссон пытается получить разрешение из Вашингтона оставить англичанам кое-что из своих материалов, Государственный департамент отказывает. Сиссон не понимает, почему. Он не задумывается и над тем, почему у англичан тоже имеются бумаги о германо-большевистском заговоре, аналогичные его бумагам.

25 апреля, незадолго до своего отъезда в Нью-Йорк, Сиссон отправляет тревожную телеграмму в Вашингтон, в которой рекомендует немедленно отозвать всех сотрудников Комитета по общественной информации, а также Красного Креста, которые еще находятся в России, т. к. после опубликования секретных документов в США следует считаться с жесткими репрессиями и арестами этих американцев со стороны большевиков.

6 мая, после пересечения на судне Атлантики, Сиссон прибывает в Нью-Йорк и без промедления садится в ближайший экспресс на Вашингтон, чтобы, наконец, представить свои секретные бумаги в Госдепартамент для дальнейшей передачи сенсации президенту. Но тут Эдгара Сиссона, специального представителя президента США, постигает нечто в высшей степени странное и неожиданное.

В Госдепартаменте Сиссон, горящий желанием обнародования и разоблачения, наталкивается на очень прохладную сдержанность. Сиссон не верит своим ушам, когда советник министерства Фрэнк Полк просит его высказать свое мнение о документах. Сиссон отказывается и заявляет, что документы говорят сами за себя, а ему нечего добавить к своему пояснению в меморандуме, приложенном к документам. Кроме одного: он хотел бы настаивать на немедленном опубликовании своей сенсации. Полк обходительно, но тщетно пытается объяснить Сиссону, что момент для публикации документов в психологическом отношении неблагоприятен, поскольку немцы на Западном фронте добились некоторого преимущества. Ког-

да они снова попадут в сложное положение, момент для разоблачений будет лучше, действенной. Сиссон вынужден сдерживаться.

9 мая 1918 г. президенту Вильсону передается оригинал доклада Сиссона, а копии документов и доклада отправляются в секретный сейф советника Полка. С этого момента в отношении документов Сиссона наступает абсолютная тишина. Их поставщик с течением времени постепенно превращается в историко-трагическую фигуру. Он, как Дон Кихот, начинает бороться с политическим ветром времени.

Сиссон не может подавить своего патриотизма и найти ему подходящее место в существующих политических условиях. Его антинемецкая позиция делает его все более брюзгливым, между тем как вокруг него ощущается так много патриотично-антинемецкого. Даже немецкая кислая капуста переименовывается в ресторанах в «капусту свободы», гамбургеры называют «стейками свободы», аспирин фирмы «Байер» бойкотируется, поскольку он происходит из Германии, Метрополитен-Опера вводит запрет на оперы Вагнера, а в холле одного нью-йоркского отеля появляется предупреждение: «Говорить на немецком здесь не разрешено».

Не объяснял ли Джордж Крель всем в Комитете по общественной информации, «что мы не должны больше терять ни дня. Наблюдающееся в России пораженческое настроение теперь распространяется по всей Европе. Мы должны донести картину Америки в войне до полос газет всего мира!»? Но Крель в данный момент ни в чем не возражает Госдепартаменту и Белому дому. Сиссон вне себя и затевает хитрое дело, которое обещает ему все же достичь цели и растрюбить свою сенсацию о германо-большевистском заговоре на весь мир.

Это соответствует образу его личности, о котором патриарх американской дипломатии, знаток России и бывший посол в Москве, всемирно признанный историк Джордж Ф. Кеннан говорит: «Сиссон был резким, горячим человеком, малого роста и крепким, лопавшимся от энергии и от патриотического воодушевления. У него вполне могло быть душевное тепло, но по своей природе он не был внешне ни сердечным, ни обходи-

тельным. Один из тех, кто был в то время в Петербурге, называл его «горьким и язвительным». В отношении своего окружения он был чаще всего безличным и отвлеченным. Из журналистики он почерпнул безграничное любопытство, нюх на сенсационное, большую беглость выражения и блестящий литературный стиль. Недоверчивый и бдительный по натуре, он имел инстинктивное чутье на заговоры и интриги.

Однако неутомимость и терпение Сиссона, кажется, все же еще оправдывают себя. И позднее никогда не было точно установлено, какими путями и средствами Сиссону удастся через 4 месяца побудить президента США сказать «о'кей» публикации документов. В Госдепартаменте царит волнение, когда Базиль Майлс, руководитель российского отделения, и Филипп Патчин, руководитель отделения секретных служб и информации, узнают о личной инициативе Сиссона.

Предпринимается попытка удержать Сиссона от его намерения в последнюю минуту. Но Сиссон остается непоколебим и лишь коротко объясняет, что уже через два дня, с 15 сентября, начнется публикация документов с продолжением в американской прессе.

Сиссон рассылает копии документов бесчисленным газетным редакциям. Редакции газет получили материал с официальной подписью к печати Комитета по общественной информации (Committee on Public Information — CPI), правительственного информационного ведомства, и не имеют никаких оснований сомневаться в достоверности материала. То, что CPI — место службы самого Сиссона, не все могут знать. Теперь беда берет свой разбег. В том числе и для Сиссона.

Большинство газет печатают материал Сиссона, принимая его на веру, поскольку он исходит от официального ведомства. Но «Нью-Йорк Ивнинг Пост» начинает критиковать: подлинность документов подлежит сомнению, привлеченные редакцией специалисты нашли, что, например, такие названия в штампах, как «Большой Генеральный штаб» (Генеральный штаб вооруженных сил) и др. в момент написания писем, согласно указанным датам, больше не использовались. Круглой печати информационного бюро в такой форме и такой последовательности букв так-

же не было, список агентов из Владивостока, как ни странно, приводит имена, которые там больше не встречаются...

Кроме того, к пушему несчастью для Сиссона, посол США Пейдж из Лондона уже через 4 дня после начала публикации в американских газетах, 19 сентября, телеграфирует Госдепартаменту США: «Военное министерство, Форин Оффис, цензурное ведомство и Адмиралтейство здесь тщательно проверили материал и пришли к общему выводу, что документы, очевидно являющиеся подлинными, устарели и не имеют особого значения, а документы, которые могли бы иметь пропагандистское значение, сомнительного происхождения...»

Далее посол Пейдж сообщает из Лондона: основательное исследование со стороны британского почтового цензора показало, что документы, которые якобы исходят от различных инстанций, расположенных в сотнях километров друг от друга, напечатаны все на одной и той же пишущей машинке. И, кроме того, еще в одно и то же время. Нечего и говорить о различных подписях под документами, имеющих поразительно сходную графологическую структуру.

В эти дни конца сентября и октября главный интерес читателей американских газет все сильнее направляется на другие всемирно-политические события: их занимает, будет ли вскоре закончена война в Европе и вернутся ли мужья, сыновья и отцы живыми и здоровыми домой.

Эти понятные интересы вытесняют Сиссона из центра общественного любопытства. Для массы читателей американских газет не имеет значения, что два американских эксперта затевают серьезную проверку подлинности бумаг одного журналиста. Даже специалистам, в лучшем случае, приходится улыбаться, когда они, после специального расследования ученых — д-ра Дж. Франклина Джеймсона, директора отделения исторических исследований Института Карнеги, и д-ра Самюэля Н. Харпера, профессора русского языка и истории Чикагского университета, — всего через 7 дней узнают из экспертного заключения, состоящего как-никак из 2300 слов, лишь то, что эксперты не могут составить надежного заключения о предложенных им документах.

Об этом объявляется в конце ноября 1918 г., когда кайзеровская Германская империя просит перемирия, происходит германская Ноябрьская революция и германский кайзер вынужден отречься. Кого теперь еще интересует в США «германо-большевистский заговор» времен, слава Богу, завершившейся мировой войны?

Сиссон впутывается в продолжающийся годами спор о подлинности документов. Ему удается побудить своего шефа в СРП Джорджа Креля напечатать полностью все документы вместе с пояснительным текстом. И в 1919 г. в Швейцарии, в бернском «Свободном издательстве» (Freier Verlag), издается немецкоязычная брошюра под названием «Германо-большевистский заговор» (Die deutsch-bolschewistische Verschwörung), где, как сообщается в выходных данных, представлены «70 документов об отношениях большевиков с командованием германской армии, крупной промышленностью и финансами, наряду с некоторыми фотографическими репродукциями». Издателем называется «Комитет по общественной информации Соединенных Штатов Америки».

Сразу же из введения читателю становится ясным отношение Сиссона к своим документам:

• «Комитет по общественной информации (Committee on Public Information) публикует далее ряд документов, которыми обменивались, с одной стороны, германское кайзеровское правительство и российское большевистское правительство, а также, с другой стороны, сами большевики, затем доклад, который Эдгар Сиссон написал об этом и направил Джорджу Крелю.

Из этих документов вытекает, что теперешние руководители большевистского правительства Ленин, Троцкий и товарищи являются германскими агентами, что большевистская революция была подготовлена германским Генеральным штабом и финансирована германским Рейхсбанком и другими германскими денежными институтами.

Они демонстрируют далее, что Брест-Литовский договор является предательством русского народа со стороны германских агентов Ленина и Троцкого; что был избран указанный

немцами командующий для «защиты» Петрограда от немцев, что германские офицеры тайно принимались большевистским правительством в качестве военных советников, служили шпионами против миссий союзников России, назначались офицерами в российской армии и руководителями большевистской внутренней и внешней политики, а также военного дела. Коротко, они демонстрируют, что нынешнее большевистское правительство является никак не российским, а германским правительством, которое работает исключительно в интересах Германии и обманывает русский народ точно так же, как оно обманывает естественных союзников России в исключительных интересах кайзеровско-германского правительства».

«КАК ОБМАНЫВАЛИ РУССКИХ РАБОЧИХ

Документы, наконец, доказывают, что большевистские вожди тем же путем и всегда в пользу германо-кайзеровских интересов предавали российский пролетариат, на представительство которого они претендуют.

Из около 70 документов многие существуют в оригинале и снабжены на полях пометками большевистских чиновников. Остальные являются фотокопиями оригиналов и также имеют пометки на полях. Они дополняются третьей категорией документов, состоящей из машинописных циркуляров, из которых, правда, лишь два имеются в оригинальной форме, но которые, вместе взятые, вписываются во всю совокупность германских интриг и германской вины».

Некоторые примеры из перечня документов, как они были опубликованы в швейцарской брошюре:

ДОКУМЕНТ № 1

Совершенно секретно. Народный комиссар по иностранным делам, Петроград, 16 ноября 1917 г.

Председателю Совета Народных Комиссаров.

Согласно резолюции, принятой на совещании народных комиссаров тов. Ленина, Троцкого, Подвойского, Дыбенко и Володарского, мы произвели следующее:

1. В архиве Министерства юстиции из дела об «измене» тов. Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. мы изыали приказ германского Имперского банка № 7433 от второго марта 1917 г. с разрешением платить деньги тт. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и др. за пропаганду мира в России.

2. Были пересмотрены все книги банка Ниа в Стокгольме, заключающие счета тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др., открытые по приказу германского Имперского банка № 2754. Книги эти переданы Мюллеру, командированному из Берлина.

Уполномоченные народного комиссара по иностранным делам Е. Поливанов, Г. Залкинд.

Однако циркуляр существует и гласит следующее:

Директива Рейхсбанка от 2 марта 1918 г. представителям всех германских банков в Швеции. Настоящим ставится в известность, что денежные требования с целью мирной пропаганды в России будут направляться через Финляндию. Они будут исходить от нижеследующих лиц: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Суменсон, Козловский, Коллонтай, Сиверс и Меркалин, для которых, согласно нашей директиве № 2754, открыты счета в агентствах частных германских деловых домов в Швеции, Норвегии и Швейцарии. Все эти требования должны иметь одну из следующих подписей: Диршау или Милькенберг. В случае наличия одной из этих подписей требования вышеупомянутых лиц должны выполняться немедленно.

7433, Рейхсбанк.

[Далее у Сиссона говорится:]

Я не обладаю ни копией, ни фотографией этого циркуляра, однако документ № 2, следующий далее, подтверждает его подлинность поразительным и абсолютным образом.

Документ № 2 является оригиналом сообщения, направленного представителем германского Генерального штаба большевистским вождям, чтобы предупредить их, что он недавно арестовал агента, который имел в своем распоряжении оригинал

приказа Рейхсбанка, упомянутый в документе № 1, и подчеркнуть, что, судя по всему, «не были своевременно приняты меры для уничтожения означенных документов». Документ № 2 подтверждает подлинность документа № 1.

ДОКУМЕНТ № 2

Б[ольшой] Г[енеральный] Ш[таб], информационное бюро, секция R.

№ 292. Секретно, 12 февраля 1918 г.

Г-ну Председателю Совета Народных Комиссаров.

Разведочное Отделение имеет честь сообщить, что найденные у арестованного кап. Коншина два германских документа с пометками и штампами Петербургского Охранного Отделения, представляют собою подлинные приказы Имперского банка № 7433 от 2 марта 1917 года об открытии счетов гг. Ленину, Суменсон, Козловскому, Троцкому и другим деятелям на пропаганду мира, по ордеру Имперского банка за № 2754.

Это открытие доказывает, что не были своевременно приняты меры для уничтожения означенных документов.

*За Начальника отделения [подпись] Р. Бауэр
Адъютант [подпись] Букгольм.*

ДОКУМЕНТ № 3

В.К. (Комиссариат по военным делам.) Д. № 323. Два приложения.

ПРОТОКОЛ.

Сей протокол составлен нами 2 ноября 1917 года в двух экземплярах в том, что нами с согласия Совета Народных Комиссаров из дел Контрразведочного Отделения Петроградского Округа и бывш. Департамента Полиции, по поручению Представителей Германского Генерального Штаба в Петрограде изъяты:

1. Циркуляр Германского Генерального Штаба за № 421 от 9 июня 1914 г. о немедленной мобилизации всех промышленных предприятий в Германии и

2. Циркуляр Генерального Штаба Флота Открытого Моря за № 93 от 28 ноября 1914 г. о посылке во враждебные страны специальных агентов для истребления боевых запасов и материалов.

Означенные циркуляры переданы под расписку в Разведочное Отделение Германского Штаба в Петрограде.

Уполномоченные Совета Народных Комиссаров:

[подпись] Г. Залкинд, Е. Поливанов, [следующая подпись неразборчива, но может принадлежать Мехоношину], А. Иоффе.

Означенные в настоящем протоколе циркуляры №№ 421 и 93, а также один экземпляр этого протокола получены 3 ноября 1917 г. Разведочным Отделом Г.Г.Ш. в Петербурге.

Адъютант [подпись] Генрих.

[...]

ДОКУМЕНТ № 9

Рейхсбанк № 8, Берлин, 12 января 1918 г., строго секретно.

Комиссару по иностранным делам

Я уполномочен передать согласие Рейхсбанка относительно выплаты 5 000 000 рублей со счета Генерального штаба с целью направления заместителя комиссара по морским делам Кудряшова на Дальний Восток. Прибыв во Владивосток, он должен найти намеченного офицера российского флота Панова и проинструктировать Буттенгофа и Штауфахера, знакомых Панову, о его посещении.

Вышеназванные агенты приведут с собой господ Эдварда Шиндлера, Вильгельма Кеберлейна и Пауля Дице [или Деце].

Необходимо разработать с этими лицами план по отправке японских и американских военных материалов из Владивостока на Запад. Если это окажется невозможным, они должны проинструктировать Дице [или Деце] и его агентов об уничтожении складских помещений.

Шиндлер должен связать Кудряшова с китайскими агентами в Никольске. Эти лица должны получить выделенные суммы и отправиться в Китай, чтобы поднять восстание против Японии.

[подпись] Представитель Рейхсбанка:

Г. фон Шанц.

Примечание.

Если этот план был выполнен до конца, то это произошло не благодаря Кудряшову. Он был убит через две или три недели при

проезде через Сибирь, и сообщают, что его убийцы, два казака, отняли у него крупную сумму денег, которую он имел при себе. Многие германские агенты, упоминаемые в этом письме, действовали в Сибири еще весной, как показывает документ № 29. У меня имеется фотография этого письма.

[...]

ДОКУМЕНТ № 11

Рейхсбанк № 12, 378. [Печатный циркуляр на русском языке.]
Совещание Представителей Германских Коммерческих Банков, созданное по предложению германской делегации в Петербурге Дирекцией Имперского Банка для обсуждения резолюций Рейнско-Вестфальского промышленного Синдиката и Гандельстага.

28 декабря 1917 г., Берлин.

1. Аннулируются все займы, облигации коих, находящиеся в руках германских, австрийских, болгарских и турецких держателей, подлежат, однако, реализации российским казначейством после заключения сепаратного мира в течение 12-месячного срока.

2. Допускается покупка всех русских государственных фондов и дивидендных бумаг представителями Германских Банков по курсу дня в вольной продаже.

3. После заключения сепаратного мира, по истечении 90-дневного срока, восстанавливаются все акции частных железнодорожных обществ, металлургических предприятий, нефтяно-промышленных компаний и химико-фармацевтических заводов.

Примечание. Котировку таких акций принимают на себя биржи Германии и Австро-Венгрии.

4. Упраздняются и в течение пяти лет со дня мирного договора между Россией и Германией не допускаются английский, французский и американский капиталы в следующие предприятия: каменноугольные, металлургические, машиностроительные, нефтяные, химические и фармацевтические.

5. По вопросу о развитии в России каменноугольной, нефтяной и металлургической отраслей промышленности учреждается высший совещательный орган в составе 10 специалистов от России и 10 от германских промышленных организаций и германских и австрийских банков.

6. Российское Правительство не должно вмешиваться в область вопросов, связанных с отчуждением в пользу Германии двух горно-промышленных округов в Польше — Домбровского и Олькушского, и в пользу Австро-Венгрии — нефтяного района в Галиции. Отчуждение последнего понимается лишь в форме ограничения права заявок, отводов и приложения капитала к добыче и обработке нефти.

7. Германия и Австро-Венгрия пользуются неограниченным правом ввоза в Россию своих техников и квалифицированных рабочих.

8. Другие иностранные техники и рабочие в течение пяти лет после заключения мира с Германией вовсе не должны быть допускаемы.

9. Статистический Отдел добывающей и обрабатывающей промышленности при соответствующем правительственном органе должен контролироваться германскими специалистами.

10. Частные банки в России возникают лишь с согласия и по плану союза германских и австрийских банков, причем котировку банковских акций на всех биржах Старого и Нового Света принимает на себя группа Дойч-Банка.

11. В портах Петербурга, Архангельска, Одессы, Владивостока и Батума учреждаются под руководством специалистов из Германии особые статистико-экономические комитеты.

Что касается таможенной, железнодорожной тарифной политики для урегулирования русско-германо-австрийских торговых отношений, то эта сторона экономического договора обсуждается особым Тарифным Советом при Гандельстаге.

[Подписи:] Председатель: фон Гвиннер; секретарь: Беренблит.

[...]

ДОКУМЕНТ № 23

Генеральный штаб морского флота, № 85, 14 января 1918 г.

Строго секретно.

В Совет Народных Комиссаров

Согласно инструкциям командования германского морского флота, переданным мне сегодня по радио А., я обращаюсь к Российскому правительству с предложением принять меры к достав-

ке в Тихий океан трех наших подводных лодок в разобранном виде по железным дорогам. По завершении мирных переговоров и подписании мира между Россией и Германией эта транспортировка должна быть произведена немедленно, причем после окончания войны оттранспортированные суда останутся в распоряжении Российского правительства.

Капитан-лейтенант Руд. Миллер».

Таковы некоторые выдержки из документов Сиссона.

Какова же фамилия капитан-лейтенанта — Миллер или Мюллер, существует ли он в действительности, имеется ли Генеральный штаб морского флота или же Адмиралтейский штаб, могут ли или должны ли три «разобранные» немецкие подводные лодки транспортироваться по очень протяженной Транссибирской железной дороге? Не звучит ли все это как сказка из «Тысячи и одной ночи»? Быть может, такие неувязки не могли быть оценены тогда с той же абсолютной уверенностью, как сегодня. А для посторонних, возможно, и не так просто определить, существовал ли еще вообще в момент написания письма шифр БГШ (G.G.-S., т. е. «Grosser General-Stab») и не является ли подпись капитан-лейтенанта Миллера-Мюллера лишь немного или целиком сфальсифицированной.

Об использованной в документах Сиссона подписи определенного германского офицера разведки, хорошо известного и в секретном отделении IIIb штаба Верховного командования на Востоке, однозначный ответ дает сам этот человек. Этот обер-лейтенант, штабс-ротмистр и т. д., награжденный кайзером Рыцарским крестом и столь подробно и вразумительно отвергший предложение об убийстве Ленина за 20 000 марок, вояка-разведчик Рудольф Бауэрмейстер (в документах фамилия указывалась и неверно — Байермейстер) насмешливо рассказывает, как позднее его германское ведомство попросило у него разъяснения по поводу его подписи под одним из документов Сиссона, где говорится о якобы имевшей место встрече Бауэрмейстера с Лениным в Кронштадте:

«Над тем, что мне там открыли, я вынужден был от души посмеяться.

Правительство Соединенных Штатов получило в свое время не только «надежные» сообщения об этой мнимой встрече, но даже и «оригинал документа» о предстоящих акциях саботажа против американских предприятий в России с подписями Ленина, Троцкого, Иоффе и моей. Указанный чиновник представил мне фотографию документа. Общеизвестные подписи Ленина и Троцкого было, конечно, нетрудно сфальсифицировать. От Иоффе, который был первым большевистским послом в Германии, сохранились многие подписи в Министерстве иностранных дел. Сравнение этих подлинных подписей с подписью под «протоколом» показало со всей очевидностью, что здесь была представлена фальшивка.

От меня же данный американский «агент-provokator», который за протокол наверняка положил в карман хорошие деньги, при всем желании подписи получить не мог. Поэтому он сфальсифицировал ее наугад. Она не имела ни малейшего сходства с моей подписью.

Я мог с чистой совестью сказать под присягой, что, во-первых, моя подпись сфальсифицирована и, во вторых, я ни в июле 1917 г., ни вообще когда-либо во время войны не был в Кронштадте.

Но как старый офицер-разведчик я был все же очень удивлен детской наивностью, с которой американское ведомство — конечно, за хорошие деньги — могло приобрести этот документ.

Как мог я в разгар войны попасть в строжайшим образом охраняемую крепость Кронштадт, которая к тому же находится на острове Котлин? Для этого мне пришлось бы надеть шапку-невидимку. А Ленин? Разыскиваемый правительством Керенского для ареста, Ленин скрывался в Финляндии. Не позднее, чем через пять минут после прибытия в Кронштадт, его бы опознали и арестовали. Поэтому логически мыслящий человек может только от души посмеяться над этой чрезвычайно неуклюже выдуманной встречей и посочувствовать тем, кто еще сегодня верит в этот бульварный роман.

Но кто же сфабриковал этот «бульварный роман»? След ведет к известному трио обманщиков и фальсификаторов, почу-

явшему большие возможности в запутанные годы войны и переломов. Фабрикация горячих документов находится в руках польского русского или русского поляка Фердинанда Антонио (в России — Антон Мартынович) Оссендовского. Этого Оссендовского за его очень неправдоподобные приключенческие книги об азиатских и африканских странах позднее назовут «польским Карлом Маем». Сенсационные для американских и западноевропейских читателей приключения Фердинанда Оссендовского в Сибири, Монголии и Китае были изданы огромными тиражами на 28 языках. Из-за написанных в этой связи «сказок» всемирно известный исследователь Азии и путешественник швед Свен Гедин вступил в длительный международный спор со склонным к фантазиям писателем путешествий Оссендовским. — Второй в кругу поставщиков документов, Евгений Петрович Семенов-Коган (известен также как Кон), во времена Сиссона, в 1917–1918 гг., является соиздателем и редактором уже упоминавшегося бульварного листка, вечерней газеты «Вечернее время» в Петрограде, которая пользуется репутацией прежде всего скандального листка столицы. Сотрудники в основном являются сторонниками политики Керенского и настроены против Ленина и новых большевистских правителей.

Третий в сомнительной тройке, полковник-телеграфист в Смольном Самсонов, находится в ее центре как мощная упряжная лошадь. Его возможности по прослушиванию телеграфных и телефонных линий между правительством в Петрограде и правительственной делегацией под руководством Иоффе и Троцкого на многомесячных переговорах в Брест-Литовске создают костяк для текстов документов. При ненасытной жажде трофеев у германской стороны и стойких попытках русских не отдать всего многие детали проходят через телефонные провода и телеграфный аппарат. Самсонов может преподнести почти все, на что его уговаривает Семенов. А тот, в свою очередь, внимательно прислушивается к тому, на что, как кажется, особенно падок американский спецдипломат Сиссон...

Оссендовский является духовным лидером группы фальсификаторов, он имеет достаточный опыт для их затей. После учебы в Санкт-Петербургском университете и изучения техни-

ко-научных дисциплин в парижской Сорбонне он как инженер отправляется на Дальний Восток. Там в Харбинской тюрьме и в некоторых других закрытых прибежищах России у него было много времени для чтения и учебы, т. к. в период Революции 1905–1906 гг., при восстании в Харбине, он возглавлял революционный комитет Китайско-Восточной железной дороги. После своего освобождения он отправляется в качестве инженера на Украину, а затем снова возвращается в Санкт-Петербург. Здесь он правдами и неправдами пробивается в журналисты, опубликовав книгу о своем тюремном опыте под названием «Человеческая пыль».

Незадолго до начала войны он пытается инсценировать в газете широкомасштабную кампанию шантажа против немецкой фирмы «Кунст и Альберс» из Владивостока, которую обвиняет в шпионаже в пользу немцев. Он требует огромной взятки, обещая взамен тотчас прекратить кампанию в прессе. Он обвиняет и германского консула во Владивостоке Адольфа Даттана в том, что тот создает для немцев дальневосточную шпионскую сеть. Основываясь на своих дальневосточных воспоминаниях, он указывает имя Даттана, фирму «Кунст и Альберс» и даже имя Панова, прежнего градоначальника Владивостока, в сфальсифицированном для Сиссона документе. Последний фигурирует в швейцарской брошюре «Германо-большевистский заговор» как документ № 29. С началом войны он еще быстро публикует в духе времени книгу под названием «Дальневосточный паук».

Познакомившись в вечерней газете с Семеновым, он уже через неделю после ленинской Октябрьской революции предлагает ему план, как им выбить из представителей западных держав в Петрограде целых 50 000 рублей за информацию о тайном германо-большевистском сотрудничестве. Некоторые страницы своих фальшивок он уже напечатал в антибольшевистских казачьих газетах Донской области, в частности в газете «Приазовский край». Из них должно вытекать, что германский Генеральный штаб вооруженных сил спланировал Октябрьскую революцию и немцы финансировали все это предприятие.

Семенов соглашается с ролью, отведенной ему, — предлагать, передавать и служить курьером. Дело по продаже документов, кажется, начинается хорошо, и Семенов предлагает документы французскому и британскому посольствам. Французы и особенно британские офицеры секретных служб испытывают при экспертной оценке предложенных документов первые сомнения в подлинности предоставленных им бумаг. Посол США Фрэнсис и ставший тем временем подполковником Раймонд Робинс из руководства американской миссии Красного Креста также питают скептицизм в отношении представленных им фотокопий мнимых секретных документов. Лишь Эдгар Сиссон, специальный представитель президента США, безоговорочно верит в подлинность печатных материалов — поскольку хочет в это верить. Его безмерное честолюбие, глубоко патриотичное сознание и жажда блеснуть перед своим президентом и всем миром уникальной сенсацией закрывают ему глаза на необходимость тщательной проверки сфотографированных печатных материалов.

После первых контактов Семенова с Сиссоном Оссендовский чувствует жадность американца к материалам против немцев, а в этой связи — также против Ленина, Троцкого и их людей.

В Петрограде все давно говорят, что немцы помогли большевикам с их революцией миллионными суммами. К данному моменту, в эти январские и февральские дни 1918 года, об этом знает каждый хоть сколько-нибудь политически заинтересованный и информированный человек. Но — ни у кого нет в руках письменных доказательств. Тайком переписанные Самсоновым тексты с телеграфной ленты выглядят в этом смысле не очень соблазнительно. Такого рода телеграммно-ленточный салат не принесет больших денег. Значит, нужны печатные материалы.

Эти материалы всегда составляются Оссендовским и Семеновым из трех компонентов. Ядро текста состоит из информации с подслушанных или украденных Самсоновым телеграмм. Это не представляет трудностей. Но дополнительно текст должен быть снабжен штампом отправителя с необходимыми пе-

чатными или машинописными данными о ведомстве, его местонахождении и с точной датой. И, в-третьих, необходимы фотокопии подписей отправителей или их аккуратное воспроизведение от руки.

В этой части работы при фабрикации официальных штампов отправителей, подписей и печатей перед Оссендовским и Семеновым возникают большие сложности, т. к. у них нет необходимых образцов. К ним они не имеют доступа, и им приходится импровизировать и выдумывать, допуская при этом одну ошибку за другой.

Ввиду этих косметических ошибок эксперты среди англичан и американцев начинают испытывать недоверие. Сиссон — нет. Поэтому он и не понимает совершенно для него неожиданную сдержанность Госдепартамента, Белого дома и президента, когда он после многонедельного авантюрного, опасного и утомительного бегства, наконец, кладет свою сенсацию на стол в Вашингтоне.

Ленин, Троцкий, Каменев, Радек, Гельфанд, Ганецкий-Фюрстенберг, Коллонтай, Суменсон, Козловский — все они связаны с подготовкой революции в России, с поездкой Ленина через Германию и с большими деньгами еще и после революции. Это к концу войны доказуемо почти документально. Но их фамилии в сфальсифицированных бумагах Сиссона бездоказательны, ведь они очень дилетантским способом «приплетены» к бесчисленным документам.

Даже при нападении на «ящики с документами» во дворе Смольного Сиссона обманули. Сиссон жаждет иметь больше оригиналов бумаг, ведь Семенов представлял до сих пор почти одни фотокопии, не уверенный, что американец не сможет распознать фальсификацию. Сиссон хочет обязательно представить в Вашингтоне оригиналы. И тогда Семенов поставляет оригиналы, а Оссендовский приходит к идее внушить красным матросам, занятым в Смольном погрузкой ящиков для переезда при хаотичной эвакуации большевиков в феврале 1918 г., что в ящиках находится золото. Матросы взламывают крышки и разочарованно оставляют ящики открытыми, найдя только документы. А Сиссон, увидев взломанные ящики с документа-

ми, тотчас убеждается в подлинности своего источника, а тем более самих бумаг. Теперь ему самому верится в то, что это он навел Семенова на идею со взломом ящиков с документами.

Сиссон мог бы избавить себя от бегства со своими фальшивыми документами и от хлопот в последующее десятилетие своей жизни, когда он спорил с Богом и со всем миром, желая доказать, что его документы все же подлинные, — настоящей его трагедией является то обстоятельство, что его фальшивые документы по своему содержанию все-таки в общем и целом возвещают историческую правду.

Образ Сиссона, отличающегося необузданным честолюбием, превращается в картину политико-невротической болезни. Акты его многолетней и обширной оправдательной корреспонденции все больше и больше становятся для историков историей болезни трагической личности. Документы по делу Сиссона, хранящиеся в Национальном архиве в Адельфи Род Колледж Парк, штат Мэриленд, США, в ближайшем соседстве с местом его жизненного разочарования — Вашингтоном, дают об этом подробный отчет.

По-человечески чуткое и справедливое суждение американского дипломата, историка и философа Джорджа Ф. Кеннана о «документах Сиссона» попадает в самую точку трагедии: частично или полностью сфальсифицированы в деталях — но содержание бумаг соответствует действительности. Неоспоримые доказательства этого тезиса Кеннана благополучно лежат в германских архивах.

Политическая неловкость при обращении с разоблачительными бумагами Сиссона еще десятилетиями бытует в вашингтонском политическом истеблишменте. Ничто не иллюстрирует лучше это отсрочивание, откладывание в сторону и отбрасывание более наглядно, чем длинный пыльный след, который тянется из сейфов и бронированных шкафов через президентские, административные и подвальные помещения Вашингтона.

До последнего десятилетия XX в. не удастся установить, почему президент Вильсон не возвращает переданные ему в большой картонной обложке оригиналы документов, однаж-

ды попавшие в его руки, несмотря на неоднократные просьбы шефа своего Комитета по общественной информации Креля и его заместителя Сиссона. После того как Вильсон в 1921 г. покидает Белый дом и оставляет его своему преемнику Гардингу, оригиналы документов Сиссона «исчезают», их попросту больше невозможно найти. Говорят, что Вильсон, очевидно, взял их с собой. Обстоятельство, которое, в конечном итоге, видимо, привело к завершению официального расследования о подлинности бумаг.

Тем временем дело, сильно разросшееся в результате обширной корреспонденции о перепроверке, и фотокопии документов оказываются в большой картонной папке, которая официально хранится более полутора десятилетий в восточноевропейском отделении Госдепартамента. В 1937 г. отделение внезапно ликвидируется, а часть дел уничтожается или перераспределяется. Папка с документами Сиссона направляется в европейское отделение. Там в это время не знают, что с ними делать, и отправляют картонку в отделение сообщений и докладов. В январе 1940 г. один чиновник в кабинете № 476 этого отделения неожиданно натывается на находку и рекомендует — поскольку тоже не знает, что с этим делать, — вернуть все опять в европейское отделение. Более чем за дюжину лет, в т. ч. годы Второй мировой войны, не имеется указаний на то, что происходит с картонкой. Следующая отправная точка обнаруживается в отдаленном помещении № 2410, в пристройке 3 исторического отделения Госдепартамента. Затем, 7 января 1955 г., картонка со всеми копиями, наконец, оказывается в отделении иностранных дел Национального архива в Вашингтоне.

Но куда же девались «оригинально-фальшивые документы» Сиссона? Загадка исчезновения этой большой картонной папки внезапно проясняется через десятилетия самым прозаичным образом. Когда команда 33-го президента США Гарри С. Трумэна в 1953 г. освобождает частные и служебные помещения Белого дома для преемника Дуайта Д. Эйзенхауэра, один сотрудник группы перевозки находит в своем сейфе «унесенную ветром» со времени пребывания у власти 28-го президента США

Вудро Вильсона, с 1921 г., большую папку с оригиналами документов Сиссона. В этот момент бушует ожесточенная Корейская война, и никто в Белом доме никак не заинтересован в устаревших к тому времени документах Сиссона. Открыватели большой картонной папки с бумагами отправляют все в секцию юстиции и исполнительной власти отделения законодательной власти, юстиции и дипломатических докладов в Национальном архиве. Здесь оригинально-фальшивые документы сохраняются для потомства.

Можно ли считать, что теперь Эдгар Сиссон совершенно покрыт исторической пылью забвения? Этот человек, гонимый стремлением к оправданию и жадной быть правым, еще раз, в 1931 г. опубликовав книгу своих мемуаров, пытается предстать в подлинном историческом свете, велит напечатать на титульном листе под фамилией автора, еще и свой прежний титул «специальный представитель президента Вильсона в России» и принимается свойственными ему гордыми словами рассказывать еще раз все сначала:

«Президент Вильсон приказал мне 23 октября 1917 г. отправиться в Россию. Я отбыл на судне из Нью-Йорка в субботу, 27 октября, и прибыл 25 ноября в Петербург.

Мои рекомендательные письма были адресованы премьер-министру Керенскому и членам его кабинета; у меня были далеко идущие полномочия, еще более обширные ввиду моей возможности распоряжаться денежными средствами...»

Итак, Сиссон тоже прибывает в Россию с денежными средствами. Но он появляется слишком поздно. Через 20 дней после того, как Керенский бежал из Петрограда. Через 20 дней после революции Ленина и захвата им власти, оплаченных немцами, ход истории делает адресата Керенского недостижимым для Сиссона.

Сравнительно скромные денежные средства, уплаченные Сиссоном Оссендовскому, Семенову и полковнику Самсонову, становятся самой крупной ошибочной инвестицией его жизни. Напротив, деньги немцев вызовут еще многие будущие «чудеса». — Правда, ими ведь были вложены миллионы.

СВЕРЖЕНИЕ ИКОНЫ

Великий Гельфанд, богатый добытчик денег для ленинской революции, исчезает тихо, одиноко, избегаемый всеми в историческом забвении. Незадолго до его конца чуть не случился еще раз большой шум, когда два офицера бывшей кайзеровской армии по поручению тайной организации морского офицера капитан-лейтенанта Эрхардта едва не взорвали «ноябрьского изменника», нажившегося на войне, «соци» д-ра Гельфанда при помощи ручной гранаты вместе с его домом на полуострове Шваненвердер у Ванзее под Берлином, в элитарной резиденции денежных и дворянских тузов, со всеми актами и подозрительными денежными бумагами.

Но план становится известным, убийство отменяется. Германо-национальным участникам покушения и не нужно было вовсе усердствовать, ведь объект их ликвидации уже в скором времени умрет в социальном, политическом и психическом смысле. Гельфанд вскоре окажется на своей вилле в сумеречном состоянии. Когда он осознает, что и в физическом отношении дело идет к концу, он уничтожит последние имеющиеся подтверждения своей революционной и денежно-махинаторской деятельности. Он будет незаметно похоронен на кладбище в Вильмерсдорфе в декабре 1924 г. — в год смерти Ленина. Трагический конец общеизвестной фигуры «германо-большевистского заговора» времен Первой мировой войны.

Когда-то начатая большим «крупье» Александром Гельфандом игра в русскую рулетку окажется бесконечной, она еще долго будет продолжаться и после смерти Ленина и его собственной. Смертоносная пуля остается в барабане револьвера, который передается из рук в руки. Прибыль или проигрыш — выживание или смерть. Бесконечная история особых германо-российских отношений — вплоть до современности.

Если успешная Октябрьская революция 1917 года в России в равной мере оказывается для большевиков и для немцев выигрышной игрой, то следующий затем раунд с Ноябрьской революцией 1918 г. в Германии, со свержением германской кай-

зеровской империи однозначно остается за русскими, энергично поддерживающими немецких революционеров. В том числе и деньгами, которые еще недавно текли из Германии к большевикам.

Немцам даже приходится наблюдать, как их деньгами в декабре 1917 г. создается и финансируется ЧК и как Ленин и Троцкий в январе 1918 г. выделяют 20 миллионов рублей из большого денежного котла на создание и развитие Красной Армии.

Вечное плюс-минус в игре с выигрышами и убытками немцев и большевиков особенно наглядно иллюстрирует потери как той, так и другой стороны в конкретных ситуациях. В феврале 1918 г. Троцкий отказывается в Брест-Литовске подписать договор, в котором немцы усматривают частичную реализацию своей стратегии в отношении периферийных государств и по которому откалывают прибалтийские страны от основной части России. Всего год спустя, в 1919 г., Брокдорф-Ранцау, представитель немцев, отказывается подписать представленный ему «позорный мир», Версальский договор, продиктованный победителями – державами Антанты. На этот раз в роли проигравших приходится выступать немцам. Теперь с них даже «очищают», подобно апельсиновым коркам, их собственные периферийные территории – Эльзас-Лотарингию, Саарскую область, Западную Пруссию, части Померании и Верхней Силезии.

Уже в 1921 г., всего через два года после Версальского договора, возложившего на немцев решающие санкции, направленные против нового вооружения, берет свое начало новый германо-русский пакт, на сей раз в чисто военной сфере. Вновь при временном совпадении исторических интересов: Красная Армия и рейхсвер Веймарской республики совместно развивают на территории Советского Союза системы вооружений, запрещенные Германии западными державами, – танки и самолеты. И опять приходится выделять крупные суммы германских денег из секретного фонда «R». В российских городах Казани и Липецке возникают заводы по производству танков и самолетов, совместно организуется тайная подготовка войск для Красной Армии и рейхсвера. Германские офицеры преподают и учатся в российских военных академиях и других учебных заведе-

ниях, а российские офицеры инкогнито посещают германские военные институты. Целевой союз внезапно прекращается лишь из-за политики Гитлера с 1933 г.

За это десятилетнее сотрудничество должны будут поплатиться жизнями многие высшие полководцы, командиры и комиссары Красной Армии. В ходе исторически беспрецедентной акции Сталин обезглавливает свою собственную Красную Армию, созданную Троцким: из пяти маршалов Советского Союза Сталин велит убить трех, из 15 командармов – 13, из 85 комкоров – 62, из 406 комбригов – 220, из 6000 старших офицеров – 1500!

Даже самый правоверный и верящий Сталину коммунист не может допустить, что все ликвидированные были немецкими агентами. Поэтому Сталин велит выдвинуть несколько более общее обоснование: в ходе массовых убийств массы попросту объявляются «врагами народа!» – Сталин обезглавливает свой собственный народ.

Уже вскоре после сталинских массовых убийств развивается новое «единство интересов», на сей раз между стратегией восточных территорий гитлеровской экспансионистской политики и аналогичным устремлением Сталина: речь идет об «апельсиновой корке» – Польше, старой «периферийной территории» России, которую теперь, в 1939 г., после заключения политически извращенного пакта Гитлера и Сталина, обе стороны предоставляют друг другу для при- и воссоединения. Гитлеровская армия наступает с запада, сталинская армия – с востока. Они встречаются в Бресте и маркируют новую границу между гитлеровской Германией и сталинской Россией. Польша практически больше не существует, германский Вермахт и Красная Армия держат ее под оккупацией.

В утаенных Гитлером и Сталиным дополнительных соглашениях Гитлер вновь «предоставляет» великорусским державным устремлениям Сталина бывшие «периферийные государства» Прибалтики, отделенные по Брест-Литовскому договору от основной части России.

После нападения Гитлера на Советский Союз германский Вермахт, в свою очередь, оккупирует страны Прибалтики. Но

лишь на краткий срок, затем он изгоняется из бывших «периферийных государств» Красной Армией, а с 1945 г. Прибалтика опять, как в царские времена, принадлежит к великорусской территории, на сей раз — к Советскому Союзу.

Большая игра в рулетку вступает в новый раунд лишь с распадом Советского Союза в начале 90-х гг. «Апельсиновые корки» — прибалтийские республики хотят вновь получить свою политическую независимость. А немецкое послевоенное государство Федеративная Республика Германия выражает свое согласие. К концу столетия бесконечная игра, которая началась с ленинской революции и финансировалась германскими деньгами, кажется, наконец-то завершилась. Кто и когда в ней выиграл? И кто проиграл?

Ленин, собравшись в первую годовщину Октябрьской революции со своими товарищами на Красной площади и торжественно открывая на Кремлевской стене скромную икону со своего рода богиней свободы и сияющим солнцем, не может себе представить, какую пышную революционную панораму вскоре наворочит его преемник Сталин. Сталин велит убрать богиню свободы, которую можно увидеть и на всех социал-демократических плакатах и под которой хотят объединиться все «братья, к солнцу, к свободе» (в русском варианте — «смело, товарищи, в ногу»), поместив на ее месте в качестве новой иконы ленинский портрет. Ленин водружается на революционный олимп в роли бога-отца, чтобы он, Сталин, мог выступать в качестве наместника бога на земле. Не пытается ли Сталин подражать мудрому Соломону, который стремился представить как незапятнанный святой лик своего отца, царя Давида?

Ленин никогда не считал себя революционным святым. Он был скорее неутомимо-одержимым творцом революции, гонимым фантастической идеей улучшения мира. Революционером будней, использующим каждую возможность, полезную для своего дела. Для Ленина не существовало оснований, которые запретили бы ему принимать германские деньги из моральных соображений. И не существует ничего, что побудило бы боль-

швейциков испытывать в связи с этим хотя бы малейшее чувство морального долга перед кайзеровской Германией.

Напротив, непредвзятый историк может спросить, не должны ли были по тем же причинам покраснеть кайзеровские стратеги, делавшие общее дело с радикалами-большевиками?

Бескомпромиссную ленинскую готовность к компромиссам в подобного рода исторической ситуации его швейцарский биограф Эмиль Людвиг с почти криминалистической наблюдательностью представляет в виде схожего портрета с объявлением о розыске преступника:

«Как бесстрастный калькулятор он готов к каждому компромиссу, который требуется от него в данный момент, и остается неуязвимым для любого возражения идеологов. «Принципиально отвергать компромиссы, — пишет он, — это ребячество. [...] Нужно только уметь анализировать обстоятельства и конкретные условия каждого компромисса», а его друг Луначарский мог по праву назвать этого человека, которого Европа представляет себе ослепленным, «гениальным оппортунистом». [...]

Это человек без парализующих страстей, которого поэтому окрыляет единственная страсть — идея своей миссии. [...] Когда он в своем голем рабочем кабинете в Кремле, который оживляет лишь пара географических карт, сидит напротив посетителя, этот коренастый человек с покрытым веснушками, несколько сладострастным лицом, и прищуривает один из этих косых татарских глаз, за которыми скрываются ирония и воинственность, тогда другой глаз кажется еще более зорким, и чем меньше он важничает, чем больше слушает и учится вместо того, чтобы говорить, тем более уверенно он приобретает власть над другим. В беседе он всегда будет более неутомимым, со своим никогда не сдающим здоровьем, со своей способностью приказывать себе не спать, со своей широкой улыбкой».

Жаль только, что Ленин после революции как улыбающийся победитель не описал и не оставил после себя хотя бы полезный и нужный результат своей хитрости — отнятие у кайзеровских стратегов миллионов для своей революции. Или другие игроки в русскую рулетку, игравшие на его стороне. Куда подевались они?

Александр Шляпников, самый предприимчивый ленинский курьер между Стокгольмом и Петроградом, мог бы, как и его шеф, детально рассказать о финансовой поддержке со стороны немцев в своей обширной революционной истории событий революционного 1917 года. Сталин позднее велел, чтобы шляпниковская многотомная хроника времен революции исчезла, была изъята из всех библиотек, чтобы все литературные ссылки на нее были устранены и доверенное лицо Ленина в 1933 г. было исключено из ВКП(б). Затем он повелевает, чтобы человек Александр Шляпников исчез в преисподней ГУЛАГа и все следы его существования были стерты. Обширную корреспонденцию между Лениным и Шляпниковым Сталин также замалчивает при чистописании своего варианта истории революции. Нынешние исследования позволяют высказать лишь неопределенные предположения, согласно которым ленинский соратник Шляпников «погиб» после 1937 г.

Ганецкий-Фюрстенберг — при Ленине заместитель управляющего Государственного банка — в 1935 г. по указанию Сталина перемещается из среднего звена партийных руководителей, где он играл роль эксперта по финансам, на пост директора Музея революции. 18 июля того же года Сталин велит арестовать его вместе с женой и сыном. Ганецкого не удалось принудить под пытками ни к какому обычному в таких случаях «признанию». Ему запрещают ссылаться на ленинские указания, связанные с финансированием революции, германские деньги не должны упоминаться ни в каких протоколах допросов. Сталин хочет раз и навсегда устранить Ганецкого как неудобного свидетеля сотрудничества с Лениным, как свидетеля всех подробностей финансирования революции, и через своих пособников, после краткой, ровно 15-минутной обвинительной речи, безо всякого процесса 26 марта 1937 г. он велит приговорить его к смерти как «шпиона и троцкиста» и в тот же день расстрелять. Как и при всех этих убийствах, Сталина предварительно запрашивают о приговоре, который и для этого верного ленинца звучит кратко: «Ликвидировать».

По указанию Сталина устраняются и все другие свидетели денежных трансфертов. Мечислав Козловский — при Ленине как опытный юрист на ответственном посту в аппарате юсти-

ции, в решающей мере причастен к разработке первых декретов и постановлений нового правительства под руководством Ленина — недолго думая ликвидируется Сталиным как «поляк и германский агент».

Евгения Суменсон отправляется в неизвестность ГУЛАГа и умирает в одном из лагерей. Все следы ее денежных переводов Сталин велит уничтожить. Лишь в распоряжении живущего в эмиграции Никитина, бывшего шефа контрразведки при Керенском, остается пара ссылок, подтверждений и заметок о признании Суменсон. Но не существует больше даже ее розыскной фотографии из тайной полиции. Все уничтожено, и из Московского государственного архива можно услышать в ответ на запрос, что никакая Евгения Суменсон не существовала.

Карл Радек, который вместе с Лениным едет из швейцарской эмиграции в революционный Петроград и самоиронично каркает, что через 6 месяцев они либо станут министрами, либо будут повешены, как самый широкий свидетель денежных транзакций и лучше всех информированный о событиях революции в целом, 30 января 1937 г. по приказу Сталина приговаривается Военной коллегией Верховного Суда СССР к исчезновению в лагерях как «троцкист и немецкий шпион».

Сталин велит арестовать в 1939 г. даже сына Гельфанда, Е. А. Гнедина, и на 16 лет заставляет его замолчать в лагерях и тюрьмах. Другого сына Гельфанда, Льва, Сталин хочет вызвать назад в Москву из Рима, где тот в 1939—1940 гг. работает поверенным в делах в советском представительстве. Но дипломат знает, что ему так много известно о ленинской революции и о германских деньгах, добывавшихся его отцом, что это угрожает его жизни. Он бежит в Америку. И избегает сталинских планов убийства.

«Высказать, что есть» — это может отнять веру, но не идею. Не посчастливилось ли Ленину и Гельфанду, что они умерли «уже» в 1924 г.? Не пришлось ли бы Сталину заставить замолчать и их обоих — и не только из-за денег?

Было ли Большое молчание и замалчивание на Востоке и Западе в течение восьми десятилетий последним крупным обобщением заговором?

ПРИЛОЖЕНИЯ

Auswärtiges Amt

Abteilung A.

Geheime

Akten

Krieg 1914

Politisches Archiv d. Auswärt. Amts

*Unternehmungen und Aufwiegelmäßigkeiten in Rußland,
Machbar in Simland mit den Kesselsprovingen*

L 268/LOB3994

*Spionage etc. etc.
(Personalia)*

vom 1. November 1914
bis 28. Februar 1918.

Politisches Archiv des
Auswärtigen Amtes

R 21005

Bd. 23
f. Bd. 24

Der Weltkrieg 11^e. Bch.

Unternehmungen in Simland etc.

Обложка собрания документов в германском Министерстве иностранных дел. Рукописный текст: «Операций и подстрекательские акции в России, особенно в Финляндии и Остзейских провинциях». Т. 23.

Beschrift.

4

Staatsekretär des
Reichsschatzamts.

Berlin, den 11. März 1915.

I. 2942.

Geheim!

Dem Ausw. Amt werden bei Kapitel 6 der Ausgaben
des außerordentlichen Etats, Abschnitt VII, weitere
4 000 000 M bereit gestellt.

(gez.) Helfferich.

An die Reichshauptkasse.

x 2 Mill. für Propaganda in Rußland (11/3/15)
2 Mill. für Propaganda in Belgien (11/3/15)

Статс-секретарь Имперского казначейства Гельферих выделяет 2 млн марок на пропаганду в России и 2 млн марок на газеты, брошюры, листовки, типографии. 11 марта 1915 г.

Mitteilung
von der
DEUTSCHEN BANK

Depotbank,
Münsterstrasse 20-21.

Alle künftigen Geld- und Wertpapiere
sind zur Vermeidung von Verwirrungen und
Missverständnissen an die Depotbank zu
senden, bei welcher die Conto geführt
ist. Insbesondere an die Depotbank sind
alle künftigen Einzahlungen zu
senden.

Wien, den 24. März 1915
An
Gen. Frh. Fröhlich
Malleland 11.

Wir erlauben uns hiermit anzuzeigen, dass wir für Ihre v. Station von der

Legationskasse des Kaiserlichen
Ambtes hier

Mark 500.000,- Wert per 25. 11.

empfangen und die Depositen-Conto
für diesen Betrag, wie vorstehend, erkannt haben.

Hochachtungsvoll
DEUTSCHE BANK
Depotbank & Münsterstrasse 20-21.
Münster

Amst

Bestätigung Deutsche Bank an Fröhlich. Auswärtiges Amt über

Подтверждение Дойче Банк, выданное Фрелиху, Министер-
ство иностранных дел, о трансферте 500 000 марок. Сумма пре-
доставляется Гельфанду. См. также следующий документ.

10739 26. März 1915
An H. v. J. Jahnel

Freilich
Berlin W. O., den 26. März 1915.
Wilhelmstrasse 62.

per 26. / III 15

An das

Anwärfige Amt

v. N. des Kaiserl. Deutschen Gesandten Herrn von Bergen,
Berlin W. O.

Betrifft Dr. Alexander Halphand-Farrus.

Die Deutsche Bank zeigt mir die Ueberweisung
weiterer 500.000 Mark an; das Schreiben füge ich hier bei.

Ich darf wohl auf mein Ergebniss vom 20. März hinwei-
sen, worin ich bemerkt habe, dass Herr Dr. Halphand die
Summe von einer Million insgesamt exclusive Kursverlust
verlangt, so dass also die jeweiligen Kursverluste für Ko-
penhagen, Bukarest und Zürich nebst Spesen extra zu unseren
Lasten zu geben haben.

Ich bitte ganz ergebenst, der Deutschen Bank entspre-
chend Anweisung zu geben, damit ich Herrn Dr. Halphand die
Differenzen auch noch anweisen lassen kann.

Ergebenst

Freilich

aa
B Ju
III

9

Beilage.

Russland 104 №. 11^c neu A

Документ: А 10739. 26 марта 1915 г. Фрелих, Министерство иностранных дел, германскому посланнику господину фон Бергену.

A 15126 v. i. Mai 1915 am.
Stellvertreter Generalstab
der Armee.

Berlin, U. W. 40, am 3. Mai 1915.

Abteilung IIIb
Sektor Posten.
Nr. Post. 1479.

Adj. v. p. - 17
Kriegsminister
200 245

Gehört:
Anlage:

AN
DES KAISERLICHEN ANS

POSTEN.

Handwritten signature and scribbles.

... von Alexander Kretschmer ...
Zerbrechen über die revolutionäre Organisation in Preußen.

Le g. P. ...
p. ...
Handwritten signatures and notes, including 'Nadolsky' and 'A. G. ...'.

Документ: А 15126. 3 мая 1915 г. Надольный, Генеральный штаб армии, отд. IIIб, Министерству иностранных дел. См. также следующие страницы.

81

Die Linke der russischen Social-Demokraten (Fraktion

Lenin) Stellungnahme : Niederlage Russlands, Bürgerkrieg in Europa.

Einfluss in Russland : Nur unter dem Proletariat der industriellen Riesenbetriebe, in den grossen Industriezentren:

- a. Petersburg,
- b. Kaskau,
- c. Kijew,
- d. Jekaterinoslaw,

Nationalitäten:

- a. Esten: Petersburg, Narva, Reval, Pernau, Dorpat; eigene Zeitungen und Kalender etc.
- b. Letten: Riga und einige Emigranten im Auslande.
- c. Georgier (Orusier) und Armenier : Baku.

Organisiertheit und Geldmittel. Lenin's starke Seite ist die organisatorische Fähigkeit. Straffe Zentralisation. Relativ beste unter den russischen Organisationen. Hat merkwürdigerweise immer Geld.

Aktivität: Lenin verfügt über die brutalste und ruckelste Energie. Seine gestochenlose und ruckelste lose Draufgängerei ist ein Seitenstück zur Orientdiplomatie Russlands. Lenin ist ein echter Moskowitzer (Nikolai Uljanoff, adeliger Abtammung) (aus dem Süd-Osten des europäischen Russlands).

Verbindungen im Auslande : Mit der äussersten Linken der deutschen Soc. Dem. (Rosa Luxemb., Clara Zetkin, Jules Queade etc.)

Die Fraktion Lenin hat den Weg zur radikalsten Opposition von allen national-russischen Revolutionsorganisationen am schnellsten durchlaufen (8 Monate : ...) Im Oktober noch unschlüssig - der

Welt-

Weltkrieg geht uns, revolutionäre Sos. Dem. ten, nichts an" (sief),
 "es ist gleichgültig, wer siegt" ist Lenin jetzt auf dem Stand-
 punkte angelangt, dass die Niederlage Russlands das geringste,
 der Sieg Russlands das grösste Uebel wäre. Allerdings sind nicht
 alle Anhänger Lenin's der gleichen Ansicht mit ihm; eine Reihe
 russischer (d.h. in Russland) Leninisten sind gegen eine Nieder-
 lage Russlands.

Der rechte Flügel der russ. Sozial-Demokratie

Stellungnahme : (offizielle: weder Sieg noch Niederlage)
 abweichend (private: pro russ. Minderheit; russ. Sieg
 voll, im (kleinere Minderheit: russ. Nie-
 derlage.

Einfluss in Russland : bedeutend. Viele Anhänger unter den
 Intellektuellen, bei besserstellerten Arbeitern (Buch-
 drucker etc.) in Gewerkschaften etc. Eigene legale
 Zeitung in Petersburg. Einfluss bei den Nationalität-
 len :

- a. Juden;
- b. Georgier (Grusiner) - Tiflis, Kutais, Batum
- c. Esten : Dorpat, Reval,
- d. Polen: die eine Fraktion der P.P.S.
 (Partija Polaka Sozialistow,)
- e. Letten (die ganze lettische Sos. Dem. hat
 sich mit ihr blockiert.

Nationalrussen : Petersburg, Moskau, Odessa,
 (Russen mosaischer Konfession)
 Kijew, die Judenweiser Litthauens und Westruss-
 lands, Jekaterinow, etc.

Organisiertheit und Kanoe : Weniger straff organisiert, wie die
 Lenin'sche Fraktion, immerhin aber relativ gut.
 Organisationen weit verzweigt und überall hin-
 einreichend.

Kanoe : hinreichend, jüdische Unterstützung.

Aktivität und Energie der Führung : Diese Organisation ist sehr
aktiv.

1864 am 2. Juli 1915. pm
Kaiserlich
Deutsche Gesandtschaft.

Stockholm, den 20. Juni 1915.

A. J. Nr. 1758.

Nr. 294.

I. Geleit-Nr. Stockholm Nr. 144

I. I. f. Geleit-Nr. Stockholm Nr. 144
2. 9. 1915. p. Nr. 144. 144
7.

Geleit-Nr.

A 18736 liegt mit
A 17609 von v. M...
200.

Soweit aus den von Herrn von Festenberg zurückge-

lassenen Notizen ersichtlich, hat er 4272 Gewehre und

335 Säbel mit Scheide eingekauft. Von diesen liegen 3810

Gewehre und 335 Säbel auf dem hiesigen Lager zur Verfügung

des Herrn von Oppell. Der bezahlte Preis beträgt 15 Kr.

per Stück für die Gewehre und 10 Kr. per Stück für die

Säbel, in Summe Kr. 64.080 bzw. Kr. 3350. Patronen sind

bei einer hiesigen Firma Ekman bestellt und für vorberei-

tende Arbeiten, Fabrikweiterungen und Anschaffung von

Material Kr. 34.750 bezahlt worden, eine Lieferung ist

jedoch nicht erfolgt. Ob sonst noch Gewehre eingekauft wor-

den sind und etwa auf anderen Plätzen verteilt liegen, lässt

sich mangels irgend welcher Unterlagen nicht feststellen.

Darüber dürfte nur Herr von Festenberg Auskunft erteilen

können.

[Aus dem finschen Fonds sind bis jetzt an Er. Oum-

merus 2.000 Kr. für Nachrichtendienste und an den Estlan-

der Kesküla Kr. 1.580 = 1.000 Rubel zu Propagandazwecken

ausgehändigt worden.]

Auswärtigen
Fonds

Linn

Seiner Exzellenz

dem Reichskanzler

Herrn von Bethmann Hollweg.

Документ: А 20664. 29 июня 1915 г. Люциус ф. Штеттен, кайзеровская германская миссия в Стокгольме, рейхсканцлеру ф. Бетман-Гольвегу.

420654
K
D

1. Juli 1915. p. 11/15

1. Juli 15
148

Berlin, den 1. Juli 1915.

Ihr Hochwohlgeboren erlaube ich mir in der Anlage Abrechnung über die Herrn Fröhlich am 28. April bei der Deutschen Bank durch die Legationskasse überwiesenen Mk. 73376.-- zu leisten. Die genannte, von der Deutschen Bank auf Wunsch berechnete Summe entspricht dem Kursverlust, den Dr. Helphand in Stockholm erlitt, weil er u.ä. die Millien in Papiergeld statt in Gold ausgezahlt bekam.

Da mir die Deutsche Bank bei anderen Gelegenheiten stets die ungünstigsten Kurs[wechsel-] Propositionen machte, habe ich mir von anderen Banken für dieselbe Summe und Zeit Proforma Rechnungen aufmachen lassen, deren günstigste mit einer nachzusahlenden Differenz Mk. 88250.-- abschloss. Dr. Helphand war zunächst der Ansicht, auch diese Differenz sei ihm in Gold oder doch mit entsprechendem Zuschlag auszusahlen, erklärte mich dann aber mit meiner Abrechnung einverstanden.

Laut Abrechnung sind noch Mk. 5218 (Fünftausend zweihundert und achtzehn Mark) in meinem Besitz, über deren Verwendung ich Ihrer Hochwohlgeboren Entscheidung ergeben erbitte. [Vielleicht ist es angänglich von dieser Summe die weiteren Druck- und Transportkosten der russischen Aufrufe, deren Gesamtauflage Ende nächster Woche völlig abgeliefert sein dürfte, sowie die Vorarbeiten für die in Kopenhagen geplante Einlegung der von Helphand benötigten Sprengstoffe zu zahlen.]

H. v. P.
Bitte auf L. 3
beziehen
Kleinhörsing
Wiedigt
13 4/15
12 5/15

Heinrich

Seine Hochwohlgeboren
dem Kaiserlichen Gesandten
Herrn Wirklichen Geheimen
Legationsrat
Dr. von Bergen,
Auswärtiges Amt.

Документ: А 20654. 1 июля 1915 г. Штейнвакс, политический сектор Генерального штаба, внешнеполитическому советнику ф. Бергену, Министерство иностранных дел.

A. S. 3530 vom 5. Juli 1915
Berlin, den 6. Juli 1915.

122

Staatssekretär des Reichs.

Litt. (auch in Reinschrift)

Schatzamts

Geheim.

Eigenhändig.

Für Propagandazwecke
in Russland werden hier
fünf Millionen Mark
benötigt. Da diese Sum-
me aus dem zur Ver-
fügung stehenden
Fonds nicht gedeckt
werden kann, bitte ich
zu. ggr., mir den
Betrag zu Lasten des
Kap. II, Abs. II des
außerordentlichen Etats
zur Verfügung stellen zu
wollen. Für eine gfl.

1. Juli - 9 Juli

M. K.
all

↓
F. loc. H. G. Pampalin } gfl. 1915
H. G. K. R. M. K. K. }
Copie an I B
depar 117

Z. N. 20984

Ab 7/118 118. 4. 2. 1. 1915

Russland 1914 No.

Документ: А.С. 3530. 6 июля 1915 г. Статс-секретарю Имперского казначейства. См. также следующую страницу.

baldbearbeitete Mitteilung
über das Krankhafte
wäre ich ev. gyp. zu
besonderem Dank
verpflichtet.

H. J.

i. m.

Y
J 6/17

Deutscher Reichstag, Kaiserlich Deutsche Gesandtschaft, Kopenhagen, den 6. Dezember 1918.
B. Nr. 470.

G e h e i m !

Requies
12

Es liegt mir fern, mich zu unterfangen, Ratschläge über die von unserer auswärtigen Politik einzuschlagenden Richtlinien erteilen zu wollen; angesichts der Lage und in Hinblick auf die vertraulichen Informationen, die mir hier jetzt über die Stimmung in England zufließen, halte ich mich aber für verpflichtet, meine Auffassung über die Situation im gegenwärtigen, für die Orientierung unserer Gesamtpolitik vielleicht entscheidenden Augenblick niederzuschreiben.

Die nun verflossenen sechzehn Kriegsmonate haben manche Wandlungen in der Beurteilung der politischen Lage und der Möglichkeit, den Krieg zu beenden, gebracht. Ich brauche die einzelnen Phasen nicht zu be-
rühren.

Daß es vor Jahresfrist eine Zeit gegeben hat, wo beinahe die Auffassung berechtigt scheinen könnte, eine Verständigung mit England sei möglich; daß später eine Sprengung der Koalition durch einen Separatfrieden mit Rußland vorübergehend nicht ohne Aussicht auf

Erfolg angestrebt wurde, ist noch in frischer Erinnerung. Es wäre bedenklich, gegenüber Tatsachen, die gewiß unerfreulich sind, für das Schicksal des deut-
schen

Документ: А.С. 6069. 6 декабря 1918 г. ф. Брокдорф-Ранцау, кайзеровская германская миссия в Копенгагене, рейхсканцлеру ф. Бетман-Гольвегу. См. также следующие страницы.

schen Volkes aber entscheidend werden können, die Augen zu verschließen: England ist, nachdem es einmal in den Kampf eingetreten war, schwerlich jemals aufrichtig geneigt gewesen, auf einer für uns annehmbaren Basis die Hand zum Frieden zu bieten; jedenfalls aber ist es jetzt entschlossen, den Krieg bis zur völligen Erschöpfung Deutschlands fortzusetzen; dieser Entschluß steht, wie mir Herr Gold vertraulich mitteilte, heute in England so fest, daß man gewillt ist, nicht nur die Alliierten verbluten zu lassen, sondern sogar selbst die letzten Opfer zu bringen. In Rußland sind verachtete Strömungen an die Oberfläche gelangt. Der Zar mag tatsächlich geschwankt und zeitweilig den Frieden gewünscht haben; sicher ist, daß er nach dem letzten Besuch Andersen's in St. Petersburg ein zweideutiges ^{Ob} Spiel getrieben hat. ~~Der~~ Kaiser Nikolaus im übrigen in der Lage wäre, überhaupt noch einen Separatfrieden mit uns zu schließen, ist eine Frage, die ich nicht unbedingt bejahen möchte. Dieser schwache und unaufrichtige Herrscher, dessen Thron schwankt, während er im Panne mystischer Flagellanten von Siegen über einen Gegner träumt, der nie zu ihm in Feindschaft treten wollte, hat eine furchtbare Schuld vor der Geschichte auf sich geladen und das Recht auf Schonung von unserer Seite verwirkt. Es wäre ein folgenschwerer Irrtum, jetzt noch traditionelle Beziehungen zu Rußland, das heißt zum Hause Romanow, ernstlich in die Waagschale legen zu wollen. Das Haus Romanow hat die traditionelle Freundschaft

schaft, die ihm in schicksalsschwerer Stunde treu gehalten wurde, durch schänden Indank verscherzt. Der Kaspf, so wie unsere Gegner, von England geführt, ihn wollen, geht um unsere Existenz. Wenn wir zaudern, könnte der cynisch-folgerichtige Plan Englands sich vollziehen und Deutschland schließlich, der Erschöpfung preisgegeben, gezwungen sein, die ihm von der Entente diktirten Bedingungen anzunehmen.

Der Sieg und als Preis der erste Platz in der Welt ist aber unser, wenn es gelin;t, Rußland rechtzeitig zu revolutionieren und dadurch die Koalition zu sprengen. Nach Friedensschluß wäre der innerpolitische Zusammenbruch Rußlands für uns von geringem Wert, vielleicht sogar unerwünscht.

Daß Dr. Helphand weder ein Heiliger noch ein bequemer Gast ist, steht fest; er glaubt aber an seine Mission und hat eine Probe seiner Befähigung während der Revolution nach dem russisch-japanischen Kriege abgelegt. Ich meine daher, wir sollten ihn benutzen, ehe es zu spät ist und uns auf eine Politik mit Rußland einrichten, die von unseren Vätern einmal traditionell genannt werden wird, wenn die deutsche Nation unter der Führung des Hauses Hohenzollern sich mit dem russischen Volk in dauernder Freundschaft gefunden hat.

Bevor das Zarenreich in seinem jetzigen Bestande nicht erschüttert ist, wird dieses Ziel nicht erreicht werden. Dr. Helphand glaubt, den Weg zeigen zu können
und

und macht, gestützt auf eine zwanzigjährige Erfahrung,
positive Vorschläge. Angesichts der gegenwärtigen Lage
müssen wir meines Erachtens den Versuch wagen. Der Ein-
satz ist gewiß hoch und der Erfolg nicht unbedingt si-
cher; ich verkenne auch keineswegs die Rückwirkungen,
die der Schritt auf unser innerpolitisches Leben nach
sich ziehen kann. Sind wir militärisch inactive, eine
endgültige Entscheidung zu unseren Gunsten herbeizufüh-
ren, so wäre eine solche allerdings vorzuziehen, an-
drenfalls bleibt nach meiner Überzeugung nur der Ver-
such dieser Lösung, weil unsere Existenz als Großmacht
auf dem Spiel steht, -vielleicht noch mehr.

ges. Rantsau.

Seiner Excellenz dem Reichskanzler Herrn von Bethmann Hollweg.

Original Brief 104 = 11¹ M² 112

A.S. 6213

pr. 24. Dezember 1915. A.M.

Kaiserlich Deutsche Gesandtschaft

Reichsregierung, den 21. Dezember 1915

Brief Nr. 489.Ganz geehrt!Herrn Reichs.

I. H. v. f. - 14/11

Reichsreg. - 15/11

II. H. v. f. - 11/11

Reichsreg. - 10/11

15 6 1915

A. S. 6213. DEZ.

W

Herrn Helfhand, der gestern an
Ihren zurückgeliefert ist, fruchte mich sehr
auf mich bezüglich mir über das Ergebnis
seiner Reise, er betonte, daß er an allen
bestehenden Stellen mit größter Zurückhaltung
menschen anfangen werden sei und den
bestimmten Charakter genommen habe, daß
seine Kräfte maßgebenden Anteil frucht
im Ansehen der Amt wie im Reichsreg.
mit Billigung gefunden hätten. Logisch
ist seine Finanzplanung sei sehr bedächtig
werden, daß der Herr Reichsreg. über das
Reichsreg. zu entscheiden haben werden,
ob ihm seine vom Reichsreg. der Reichs-
finanzien Leistungen anzugehen werden. Ten
Laise einer eingehenden Untersuchung mit

Meiner Hochachtung
dem Reichsreg.
Herrn von Bethmann Hollweg.

Документ: A.S. 6213. 21 декабря 1915 г. ф. Брокдорф-Ранцау, кайзеровская германская миссия в Копенгагене, рейхсканцлеру ф. Бетман-Гольвегу о Гельфанде. См. также следующие страницы.

Erzählung Helfferich habe er sich überzengt, daß
der Herr Hauptsekretär dem Projekt einjam
nachwollend gegenüberstehe und dem Plan
nicht nur aus politischen Erwägungen zustim-
me, sondern seine Zweckmäßigkeit vom ge-
sichtspunct der Reichsfinanzen ohne Zweifel
beweisen werde.

Der Herr Hauptsekretär
des Reichsschatzamt habe bezüglich der soforti-
gen besprochenen Durchführbarkeit des Proje-
ctes geäußert und erklärt, daß eine Zeit
von acht bis zehn Monaten erforderlich sei;
gleichzeitig habe Erzählung Helfferich einwef-
fend eingewiesen, daß die unbedingt notwendige
absolüte Gefühlsleistung der besprochenen Ver-
arbeiten auf gewisse Schwierigkeiten zu
Bau komme.

Dr. Helfferich hat betont, daß nach sei-
ner Auffassung angezweifelt dieser Lage un-
genügender Grund vorhanden sei, die Verarbei-
ten sofort in Angriff zu nehmen, weil schließ-
lich auf alle Fälle mit einem Dritten ein
Erfolgreiches versucht werden müsse, und all-
denn das von ihm vorgeschlagene Mittel im-

ent.

A.S. 6213

pr. 24. Dezember 1915 A.M

1915

Kaiserlich Deutsche Gesandtschaft

Reisenfagen, den 21. Dezember 1915

Leipzig Nr. 453.Ganz geehrt!Herrn Direktor.

I. K. 1 - 24/11

Reisenfagen 151.

II. K. 1 - 24/11

Reisenfagen 151

15. 11. 1915

14. 12. 24. DEZ

A

Dr. Helfhand, der gestern mit
 Berlin zurückgekehrt ist, brachte mich heute
 auf eine briefliche Mitteilung über das Ergebnis
 seiner Reise; er betonte, daß er an allen
 leitenden Stellen mit größter Freundlichkeit
 empfangen worden sei und den
 bestimmten Eindruck gewonnen habe, daß
 seine Vorfälle maßgebenden Anteil tragen
 im überwiegenden Anteil wie im Reichstag
 mit Duldung geschildert werden. Dagegen
 ließ sich ein Finanzland für ihn bestätigt
 werden, daß der Herr Reichsminister das
 Reichstagamt zu unterstützen haben werde,
 ob dem Plan von Hauptstellen des Reichs-
 finanzden Leuten entgegenstehen. Im
 Laufe einer eingehenden Unterredung mit

Meiner Begleitung
 Herr Reichsminister
 Herr von Bethmann Hollweg.

Документ: А.С. 6213. 21 декабря 1915 г. ф. Брокдорф-Ранцау, кайзеровская германская миссия в Копенгагене, рейхсканцлеру ф. Бетман-Гольвегу о Гельфанде. См. также следующие страницы.

Ezelling Helfferich habe er sich überzeugt, daß
der Herr Staatssekretär dem Projekt für den
niederländischen gegenüberstehe und dem Plan
nicht nur aus politischen Erwägungen zustim-
me, sondern seine Zweckmäßigkeit vom ge-
sichtspunkt der Reisefinanzien ohne Zweifel
billig anerkenne.

Leider habe der Herr Staatssekretär
der Reisebeschreibung nicht bezüglich der sech-
sten beschriebenen Auftragsarbeiten das Proje-
kt genehmigt und erklärt, daß eine Reise
von acht bis zehn Monaten erforderlich sei;
gleichzeitig habe Ezelling Helfferich darauf
hingewiesen, daß die unbedingt notwendige
absolute Geseinschaft der beschriebenen Ver-
arbeiten auf gewisse Schwierigkeiten He-
ben könne.

Dr. Helfferich hat betont, daß nach sei-
ner Auffassung angeführt die sechs Tage im-
sonst Grund vorhanden sei, die Verarbei-
ten sofort in Angriff zu nehmen, weil schließ-
lich auf alle Fälle mit einem dritten Win-
terfeldzuge gerechnet werden müsse, und ab-
dann hat von ihm vorgeschlagene Mittel im-

ent.

entfesselt werden könnte.

Um die russische Revolution vollständig zu organisieren, - für Dr. Helphand fort. - seien es etwa zwanzig Millionen Rubel erforderlich, die für die Aufzucht der Gesamtschritte sofort zur Verfügung zu bringen, weil die Gefahr vorliegt, daß die Herrschaft dann bekannt würde. Im Hinblick darauf, daß der Beginn der Arbeit aber unmittelbar bevorsteht, habe er im unwürdigen Amt angeordnet, seinem Vertrauensmann sofort den Betrag von einer Million Rubel zur Verfügung zu stellen, der Vertrauensmann habe unbedingt seine Aufsicht, daß die revolutionäre Bewegung im 9./22. Januar einsetzen werde und, wenn sie auch vielleicht nicht sofort das ganze Land erfassen sollte, doch dazu beitragen würde, daß keine Bewegung wieder eintreten würde. Im Jahre 1905 hätten die bürgerlichen Parteien die Revolution unterstützt und den streitenden Arbeitern aus freien Willen die Hilfe geleistet, hätte aber die Bewegung der Bewegung abweisend gegenüber, die revolutionäre Bewegung sei daher geneigt, die Gesamtschritte zu tun. Kein Vertrauen?

wann werde nach seiner in etwa acht Tagen er-
folgenden Rückkehr sofort beginnen, eine Ver-
einigung zwischen den revolutionären Parteien
zu organisieren; ohne wesentliche Mittel sei in
ihm nicht durchzuführen.

Dr. Helphand ersuchte mich bei Kaiser Nachtrag
seiner mündlich in Berlin vorgelegene Schrift
zu widerlesen und seinem Vertrauensmann
des genannten Pünens zur Verfügung zu stel-
len, er bemerkte mir mündlich, daß Erle gelohnt
sei, weil der Vertrauensmann seine Rück-
kehr nach W. Forderung nicht weiter hinaussetzen
konnte und unter allen Umständen, an-
falls er ihn erbetenen Betrag jetzt nicht erhol-
te, im spätesten acht Tagen nach Rückland reisen
würde.

Seine Erzählung darf ich beiseite lassen, die
Helphands um sorgsamste Selbsteinsicht über-
prüfung bitten, indem ich ersucht, zu bemer-
ken, wie wohlgeheißt, daß seine Vorposten mir nicht
den Eindruck eines Profanen macht, sondern passie-
ren Freizügigen ohne gesellschaftliche Nebenabsichten
anzuführen zu sein scheint.

W. Hoffmann

Zusatz.

Die Revolutionierung
Rückland.

С. С. 26. 11. 15

152
A.S. 6213
A.S. 6235

Возвращение к. 952
20053
к. 10962

Зел.: 111

Общ. долг № 484
всего 1 миллион
рублей от Гельфанда
составляет документ
на сумму 1 миллион
рублей

Мин. Общ.

Ген. Д. С. Матвеев
27

Зел. 111

2. 1. 1915
Ген. Д. С. Матвеев
27

37677

26/12/15 4²⁰ п. 1.

Revised 104 No. 11. 15

Документ: А.С. 6213/А.С. 6235. 26 декабря 1915 г. Заметка об 1 млн рублей для Гельфанда.

4181 pr. 9. November 1917
am den 9 November 1917

A S 43/h

Heute

dem Herrn
Sekretär des
Kassenschatzmeisters.

I b
gefl. Mitt.

an I b
Kassa 53
auf
Kassa

Herrn
Ew. pp. beehre ich mich unter Bezugnahme auf die
der Gesamtheit im Bezug
Besprechung mit Herrn Ministerialdirektor Schröder
zu bitten, dem Auswärtigen Amt für politische Pro-
paganda in Russland den Betrag von zehn Millionen
Mark zu Lasten des Kapitels 6 Abschnitt II des
ausserordentlichen Etats geneigtest zur Verfügung
stellen zu wollen. Je nach dem Laufe der Ereignisse
darf ich mir vorbehalten, an Ew. pp. demnächst mit
einer weiteren Bitte um ^{zu} ~~weiterer~~ Bewilligung des-
selben Betrages heranzutreten. Für tunlichste
Beschleunigung wäre ich dankbar.

St. 3.

i m
L 9/11

Handwritten signature

27431

mit 9/11. 1917 für d. Kassa

L084033

115/11
L 9/11

B 39/12 9/11

Документ: A.S. 4181. 9 ноября 1917 г. Статс-секретарю Им-
перского казначейства, 15 миллионнов на пропаганду в России.

№ 4209
Besondere
Staatssekretär
Kassenschatzamt.

10. November 1917 a m

Berlin W. 66, den 10. November 1917.
Kassenschatzamt

51

22334

den, in der Antwort Zug, vom
Schlüsselzahlen und Organisations
Schreiben zu beschließen.

Den Auswärtigen Amt werden bei Kapitel 6 der Auf-
gaben des außerordentlichen Etats, abzüglich 11,
weitere 15 000 000 M bereitgestellt.

gez. Graf Rodern.

An die Reichshauptkasse.

4124

Auf das Schreiben von 9. November - A.S. 4181/27431-

Abschrift zur gefälligen Kenntnis.

J. Rodern

11/11

(29. 7. 1917 53 II)

Herrn S. 2. 10. 11. 1917
K. Rodern

An

Herrn Staatssekretär
Auswärtigen Amts

Weltkrieger

11/11

13. 11. 1917

13. 11. 1917

Документ: А.С. 4209. 10 ноября 1917 г. Стате-секретарь Имперского казначейства стате-секретарю Министерства иностранных дел о предоставлении дальнейших 15 000 000 марок.

4446 Nr. 28 November 1917. G. 44

A.S.

Telegramm.

10 3/4

Bern, den 26., aufgegeben
Lörrach, 27.

2 Uhr 30 Min. Nm.

Ankunft: 27.

4 " 10 " "

Der K. Gesandte an Auswärtiges Amt.

1896

Umschiffen.

Entzifferung.

Geheim!

Für Gesandten von Bergen.

Baler muß leider auf ärztliche Anordnung Abreise um eine Woche verschieben. Masse bleibt daher einstweilen auch hier. Auf sicherem Weg gehen von hier inzwischen die erbetenen Hilfsmittel nach oben ab.

Romberg.

Sel. i. Z.

Romberg

Bern Nr. 1367

über Romberg

Häuser

Sel. Nr. 1895

Kasse vorliegen

berichten hat Regierung in
Tosberg mit grossen finanziellen
Schwierigkeiten zu kämpfen. Es
ist daher sehr erwünscht, über
die Angelegenheiten Bergen.

Herr Nadoff

7. 11. 17

Berlin

u. d. S.

4. 11. 17

29250

in Romberg 1917

1917

4446

Документ: А.С. 4446. Телеграмма, 26 ноября 1917 г. ф. Ромберг, императорская миссия в Берне, Министерству иностранных дел. Рукописная пометка ф. Бергена: «По имеющимся сообщениям, правительству в Петербурге приходится бороться с большими финансовыми трудностями. Поэтому очень желательно направить ему денег».

Am den 3. Dezember 1917.

in A 3 4866.

11-2

Vel. Hughes i. F.

Auf Vel. No. 1773.

Die Sprengung der Entente und in der Folge
^{das} eine und gemeinsame ^{Neu- und geschw.} Umwälzung politischer Com-
 binationen ist das wichtigste diplomatische
 Kriegsziel. Als schwächstes Glied in der
 feindlichen Kette erschien ~~NR~~ der russische
 Ring; es galt daher, ihn allmählich zu lockern
 und wenn möglich herauszulösen. Diesen Zweck
 diente die destruktive Arbeit, die wir hinter
 der Front in Russland vornehmen lassen;
 in erster Linie die ~~unermüdete~~ Förderung der
 separatistischen Tendenzen und die Unter-
 stützung der Bolschewiki. Erst die Mittel,
 die den Bolschewiki auf verschiedenen Kanä-
 len und unter wechselnder Etikette von unse-
 rer Seite ^{auswand} zugeflossen sind, haben es ihnen
 ermöglicht, die "Pravda", ihr Hauptorgan,
 auszugestalten und die anfangs schmale Basis
 ihrer Partei ³⁰⁰⁰ ~~schwach~~ zu verbreitern. Die
 Bolschewiki sind nun zur Herrschaft gelangt;

Mit-Lersner 14
No. 460

No. 485
2097

Abzug 16 Lt.
wogilger

FR 11/11
11/11

Keine Maßnahme
7. 8/1 1/14

OK 11/11

Keine neue Agiten-
tion für Bolschewiki

2978
für ... 1. 11. 17 6 11/11

ein

Документ: к А.С. 4486. 3 декабря 1917 г. Рабочие пометки ф. Кюльмана к докладу германскому кайзеру. См. также следующие страницы.

wie lange sie sich an der Macht werden hal-
ten können, ist noch nicht zu übersehen. Sie
brauchen zur Befestigung ihrer eigenen Stel-
lung den Frieden; auf der anderen Seite haben
wir alles Interesse daran, ^{das} ~~das~~ vielleicht
nur kurze Zeit ^{Regierungsjahr} ihrer ~~Regierung~~ ^{Regierung} auszumit-
ten, um zunächst zu einem Waffenstillstand, ^{dem}
dann wenn möglich auch ^{dem} ~~Frieden~~ ^{Frieden} zu gelangen. Der
Abschluss eines Separatfriedens würde die
Verwirklichung des erstrebten Kriegszieles,
den Bruch Russlands mit seinen Verbündeten,
bedeuten. Die Stärke der aus diesem Bruch
notwendigerweise sich ergebenden Spannung
wird die Intensität des Anlehnungsbedürfnis-
ses Russlands an Deutschland und seine künf-
tigen Beziehungen zu uns bestimmen. Von sei-
nen bisherigen Alliierten in Acht und Bann
gesetzt, finanziell im Stich gelassen, wird
Russland bei uns Unterstützung suchen müssen.
Wir werden Russland unsere Hilfe nach ver-
schiedenen Richtungen hin zu teil werden las-

sen

4. 12. 20

Bitte weitergehend
Unterstützung dem
Russe mit Absicht
einigkeit und
in Frage kommen

sen können; zunächst wohl bei der Ordnung
der Wiederherstellung der Eisenbahnbetrie-
be; (ich denke hierbei an eine deutsch-rus-
sische, von uns geleitete Kommission,
welche im Interesse einer beschleunigten
Wiederaufnahme des Warenverkehrs eine zweck-
mäßige Ausnutzung der Bahnen nach einheit-
lichen Grundsätzen durchzuführen hätte);
sodann durch Gewährung einer grösseren An-
leihen Russland für die Inanghaltung
der Staatsmaschinerie ^{bedarf} ~~bedürfnis~~ bed. Dies
könnte in der Form von Vorschüssen auf
Getreide, Rohmaterialien u.s.w. gewährt
werden, die Russland liefern und deren Ab-
transport jene Kommission überwachen müs-
ste. - Auf einer derartigen, je nach Bedarf
noch auszugestaltenden Hilfsbasis würde sich
meines Erachtens mit der Zeit eine steigende
Annäherung zwischen beiden Ländern vollzie-
hen.

Oesterreich-Ungarn wird den Annäherungs-

prozess

114

Die im Vorstehenden entwickelten Gedanken bewegen sich, wie ich annehmen darf, im Rahmen der mir von S. M. erteilten Direktiven. Bitte S. M. entsprechenden Vortrag zu halten und mir die Allernächsten Befehle zu telegrafieren.

St. S.

B. 1/11

2. 11
2/11

№ 2562, 5. Juni 1918. 1. Juni 1918. Th. ...
Kriegs-Abt. ...
Haupt-Abt. ...

A. G. ...

Notiz

für den Herrn Staatssekretär zur Begreifung mit
Graf Rödern.

[Während der letzten Anstrengungen der Entente in
Russland, den Sowjet der Arbeiter-delegierten zur
Annahme der Forderungen der Entente zu bewegen, die
auf eine Orientierung Russlands zur Entente hin aus-
laufen, war Graf Mirbach gezwungen, größeres Aufsehen
aufzuwenden, um diese Beschlüsse zu verhindern.

Es ist gelungen, vorläufig die Bolschewisten da-
von abzuhalten, in das Entente-Feldmarschall-lager
einzuziehen. Doch kann jeder Tag neue Überraschungen
bringen. Die Sozial-Revolutionäre haben sich gänzlich
der Entente verschrieben, und diese versucht, mit
Hilfe der tschecho-slowakischen Bataillone die Herr-
schaft der Bolschewiki zu erschüttern. Es scheint,
dass es den Bolschewiki gelungen ist, vorläufig den
Ansturm der tschecho-slowakischen Bataillone zu über-
winden. Inzwischen werden die nächsten Monate von in-
nenpolitischen Kämpfen erfüllt sein. Es ist möglich,
dass es zur Sturz der Bolschewiki kommt, um so weit,
als einzelne ihrer Führer bereits zu einer gewissen
Designation über ihr eigenes Schicksal gekommen sind.

Während der Herrschaft der Bolschewiki werden
wir, trotz der großen Belastungsproben, die durch un-
sere eigenen politischen Forderungen (Estland, Liv-
land, Transkaukasien, Estn usw.) der Au ßeren Politik
der Bolschewiki bereitet werden, versuchen müs-
sen, alles daran zu setzen, die Bolschewiken vor ab-

h. l. s. ...

A. G. ...
Bolschewiki ...
...
...

№ 2562, 5. Juni 1918

Документ: А.С. 2562. 5 июня 1918 г. Заметка ф. Кюльмана
к беседе с графом Редерном о выделении не менее 40 милли-
онов марок. См. также следующую страницу.

ner anderen Orientierung zu bewahren. Das kostet Geld, wahrscheinlich viel Geld. Andererseits dürfen wir, schon jetzt mit der Möglichkeit eines Umsturzes rechnend, unsere Beziehungen zu den übrigen politischen Parteien nicht abbrechen. Wir müssen im Gegenteil versuchen, für den Fall des Sturzes der Bolschewiken uns einen möglichst gefahrlosen Uebergang zu sichern. Auch das wird viel Geld kosten.

Graf Mirbach hat berichtet, dass er jetzt monatlich 3 Millionen Mark für Ausgaben in dieser Beziehung brauchen wird. Es sei aber anzunehmen, dass bei einem Umschwunge unter Umständen das Doppelte nötig sein wird.

Der Fondus, den wir bisher für Acquisitionsen in Russland zur Verfügung gehabt haben, ist erschöpft. Es ist daher nötig, dass der Reichsschatzsekretär einen neuen Fondus zur Verfügung stellt. Diesen wird man unter den oben dargelegten Bedingungen nicht unter 40 Millionen beziffern können.]

Berlin, den 5. Juni 1918.

Handwritten signature

2667 pr. 12. Juni 1918 *pm*

Der Staatssekretär
des Reichsschatzamts.

Num. 2. B. 985.

Berlin W. 66, den 11. Juni 1918.
Witzlebenstr. 1.

157

4/1 18

Witzlebenstr.

ist gehalten, in der Antwort Tag, wo-
bei Geschäftsbesuchen und Ortsbesuchen
keine Schreibung zu bezeichnen.

Lieber Kühmann !

Auf Ihr Schreiben vom 8. d. M., mit dem Sie mir
die Aufstellung zu A.S. 2662⁺ betreffend Rußland
übersenden, erkläre ich mich bereit, einem ohne An-
gabe von Gründen gestellten Antrag auf Bereitstel-
lung von 40 Mill. Mark für den fraglichen Zweck zu-
zustimmen.

J. Kühmann

Seiner Exzellenz

dem Herrn Staatssekretär des Aus-
wärtigen Amtes

Herrn Dr. von Kühmann

AM 13. VI

Persönlich.

9. Juni 1918

Документ: А.С. 2667. 11 июня 1918 г. Статс-секретарь Им-
перского казначейства ф. Кюльману.

WAR INFORMATION SERIES

No. 26—October, 1918

The GERMAN-BOLSHEVIK
CONSPIRACY

ISSUED BY
THE COMMITTEE ON PUBLIC INFORMATION
GEORGE CREEL, Chairman

Титульная страница бумаг Сиссона о «германо-большевистском заговоре».

G. G.-B.
NACHRICHTEN-BUREAU.

Секция П

№ 42

12 февраля 1918 г.

№ 1845. Секретно.

Г. Председателя Совета Народных Комиссаров.

*Секция П
№ 42
12 февраля 1918 г.*

*Секция П
№ 42*

Разведочное Отделение имеет честь сообщить, что найденные у арестованного кап. Конкина два германских документа с пометками и штампами Петербургского Охранного Отделения, представляющие собой подложные приказы Имперского Банка за № 7433 от 2 Марта 1817 года об открытии счетов г.г. Демину, Суменову, Ковловскому, Трошкину и другим деятелям на пропаганду мира, по ордеру Имперского Банка за № 2154.

Это открытие доказывает, что не были своевременно приняты меры для уничтожения означенных документов.

Начальник Отделения *В. В. В.*
Адаманты *В. В. В.*

Из бумаг Сиссона: мнимый оригинал сообщения, направленного представителем германского Генерального штаба вождям большевиков, чтобы предупредить их, что он арестовал агента, имевшего документы Рейхсбанка, которые тот должен был уничтожить.

Handwritten signature/initials

*В. К. С. С. С. С.
Лопат.*

П Р О Т О К О Л Ъ

Сей протокол составлен нами 8 ноября 1917 года из двух экземпляров в том, что нами с согласия Совета Народных Комиссаров из двух Контры-Разведочного Отделения Петроградского Округа и бывш. Департамента Полиция, по поручению Представителей Германского Генерального Штаба в Петроградъ взяти:

1. Циркуляр Германского Генерального Штаба за № 421 отъ 9 июня 1914 г. о немедленном сообщении в связи промышленная предприятия в Германии и
2. Циркуляр Германского Штаба Шота Открытого Часа за № 93 отъ 28 ноября 1914 г. о посланьи во враждебны страны специальных агентов для истребления боевх запасов и материалов.

Сказанные циркуляры переданы под росписку за Главного Стабачие Германского Штаба в Петроградъ

Уполномоченныя Совета Народных Комиссаров

Handwritten signatures: J. Zalkin, E. Nosov, and another illegible signature.

Современные из них посланы в том же порядке циркуляры № 421 и 93, в том же смысле экземпляры этого протокола получены 9 ноября 1917 г. Разведочным Отделом Г.Г.Д. в Петербурге

Ассистентъ *Тор...*

Document Number 1—Facsimile of Protocol

Мнимый протокол с подписями вождей большевиков, что на основе инструкций германского Генерального штаба с согласия Совета Народных Комиссаров во враждебные страны должны быть посланы специальные агенты для истребления боевых запасов и материалов (справа внизу — подпись Иоффе).

G. G.-S.

NACHRICHTEN-BUREAU.

№ 100

№ 100

25 февраля 1918 г.

Секретно.

Государству Председателю Совета Народных Комиссаров

После совещания с Германским Комиссаром г. Троцким, прошу срочно известить руководителей Контры-Разведки при Ставке-Комиссаров Фейерсбенда и Кальмановича, чтобы они работали по-прежнему в полной независимости и тайне от официального Штаба Ставки и Генерального Штаба в Петербурге и особенно ген. Бонча-Бруевича и Контры-Разведки Северного Фронта, сносясь лишь с Германским Комиссаром прап. Крыженко

*Копия в Штаб в
Лен. Штаб
Секретарь А. Смирнов*

Начальник Отделения *Р. В. Вейц*

Адъютант *Трубин*

Мнимое письмо германского Генерального штаба вооруженных сил Ленину, Председателю Совета Народных Комиссаров, что после совещания с Троцким работа на военных должностях в армии должна строиться в соответствии с германскими пожеланиями.

ПОЯСНЕНИЯ

Российский календарь

Календарные даты приводятся в русскоязычных цитатах по старому, юлианскому календарю, действовавшему в России до 1918 г. и в XX в. отстававшему от григорианского календаря на 13 дней.

Лишь после Октябрьской революции, 24 января 1918 г., Совет Народных Комиссаров принял «Декрет о введении западноевропейского календаря в Российской республике». В этом же декрете было предписано до 1 июля 1918 г. указывать после даты каждого дня по новому исчислению также день по старому исчислению.

Разница в 13 дней относится к событиям, которые произошли с 1 марта 1900 г. и до дня календарной реформы. Так, день Октябрьской революции 25 октября 1917 г. по старому календарю соответствует 7 ноября 1917 г. по новому календарю.

Когда речь идет о событиях за пределами России, используется дата по западноевропейскому календарю.

Временное правительство

Временное правительство было образовано после Февральской революции в ходе переговоров между Временным комитетом Государственной думы и Советом рабочих и солдатских депутатов в Петрограде. Члены его первого кабинета были представителями буржуазных партий и сил, находившихся в оппозиции к царскому правительству и стремившихся к парламентскому правительству. Первым премьер-министром этого правительства был князь Г.Е. Львов. Временное правительство считало себя «временным» потому, что еще не имелось решения Учредительного собрания о форме государственности в России.

Ввиду недовольства населения, быстро нараставшего из-за войны, и нежелания завершить войну Временное правительство претерпело несколько кризисов. Коалиционное правительство, образованное после апрельского кризиса (с июля — под руководством А.Ф. Керенского) с участием и социалистических партий (меньшевики и эсеры), было свергнуто в резуль-

тате Октябрьского вооруженного восстания, организованного большевиками.

Первое Временное правительство под руководством премьер-министра князя Львова было составлено из представителей буржуазных партий и беспартийных министров и действовало со 2 (15) марта 1917 г. до 2 (15) мая 1917 г.

За ним последовало коалиционное правительство, также под руководством премьер-министра князя Львова. Буржуазные партии представляли в нем 10, а социалистические партии 6 министров. Оно действовало с 5 (18) мая до 2 (15) июля.

Во второе коалиционное правительство, где премьер-министром был А.Ф. Керенский, было призвано 8 министров буржуазных и 7 министров социалистических партий. Это правительство перестало существовать 25 октября (7 ноября) 1917 г.

Совет Народных Комиссаров

Совет Народных Комиссаров (Совнарком) явился продуктом II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, провозгласившего после вооруженного восстания большевиков советскую власть в России. Решение о его образовании было принято 26 октября (8 ноября) 1917 г.

Председателем Совнаркома был Ленин, ему подчинялись 17 народных комиссаров, ответственных за различные ведомства. В период с конца ноября 1917 г. до начала марта 1918 г. к Совнаркому, наряду с большевиками, принадлежали и левые эсеры. Совнарком составлял правительство Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), Правительство основанного в конце 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик (СССР) также носило название Совет Народных Комиссаров. Лишь 15 марта 1946 г. правительство получило название «Совет Министров СССР».

Первый Совет Народных Комиссаров имел следующий состав:

В.И. Ульянов (Ленин), Председатель Совета Народных Комиссаров

Л.Д. Бронштейн (Троцкий), народный комиссар по иностранным делам

А.А. Овсеенко (Антонов), Н.В. Крыленко и П.Е. Дыбенко совместно составляли как народные комиссары Комитет по военным и морским делам

А.И. Рыков, народный комиссар по внутренним делам

А.Г. Шляпников, народный комиссар труда

В.П. Милютин, народный комиссар земледелия

И.А. Теодорович, народный комиссар продовольствия

В.П. Ногин, народный комиссар торговли и промышленности

А.В. Луначарский, народный комиссар просвещения

И.И. Скворцов (Степанов), народный комиссар финансов

Г.И. Оппоков (Ломов), народный комиссар юстиции

Н.П. Авилов (Глебов), народный комиссар почты и телеграфа

И.В. Джугашвили (Сталин), народный комиссар по делам национальностей

Статс-секретари Министерства иностранных дел в Германии:

декабрь 1912 г. – ноябрь 1916 г.: Готлиб фон Ягов

ноябрь 1916 г. – август 1917 г.: Артур фон Циммерман

август 1917 г. – июль 1918 г.: Рихард фон Кюльман

июль 1918 г. – октябрь 1918 г.: адмирал Пауль фон Хинтце

Финляндия

Финляндия ок. 750 лет находилась под шведским владычеством, а после шведско-русской войны 1808–1809 гг. досталась России. Под российским владычеством Финляндия имела известную автономию. Уже в 1916 г. Социал-демократическая партия Финляндии первой в Европе получила парламентское большинство.

Финский ландтаг, поддержанный Германией, провозгласил летом 1917 г. независимость страны, которую утвердил Совет Народных Комиссаров Советской России 31 декабря 1917 г.

28 января 1918 г. левые социал-демократы образовали альтернативное правительство, и возникла недолговечная Финская социалистическая рабочая республика. Буржуазное правительство бежало на север, и после боев по всей стране между «красными» и «белыми» в марте образовалась линия фронта,

отсекавшая южную часть Финляндии. Большевики поддерживали юг — Гельсингфорс/Хельсинки был главной базой Балтийского флота Советской России, — однако большинство российских гарнизонов на севере были либо разоружены «белыми», либо их военнослужащие устремились домой из-за перемирия с немцами и ожидаемого мира.

Санкт-Петербург

Основан в 1703 г., с 18 (31) августа 1914 г. — Петроград, с 26 января 1924 г. — Ленинград, с 6 сентября 1991 г. — вновь Санкт-Петербург.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЗБРАННЫХ АРХИВОВ

Auswdrtiges Amt Bonn, Politisches Archiv

Abteilung IA, WK 11 с geh., Unternehmungen und Aufwiegelungen gegen unsere Feinde in Russland, Bde. 6, 7, 10, 13, 15, 23

Abteilung IA, Deutschland 131 geh. Das Verhältnis Deutschlands zu Russland, Bd 18

Abteilung IA, WK 2 geh., Friedensstimmung und Aktionen zur Vermittlung des Friedens, Bd. 52

Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz, Berlin

Nachlass Helphand, Bde. 9–12 und 14 (Geschftspapiere und Korrespondenzen)

National Archives Washington

General Records of the Department of State (RG 59), Box 1, File V / Box 3, File Miscellaneous Documents II / Box 1, File List of Docs and those not received

Records of the White House Office (RG 130)

Ratsarchiv Kopenhagen

Регистр фирм, Копенгаген, 1915–1920 гг.

Stockholm City Archives

Торговый регистр, 1915–1917 гг., налоговые книги

Учредительный документ фирмы Aktiebolaget Nya Banken
Naparanda Kommun Archiv
Городская хроника Хапаранды и Торнио

ССЫЛКИ

Авторы благодарят за ценную и продуманную помощь в исследовании, а также за великодушно предоставленные возможности для изучения документов и их предоставление:

господина д-ра Группа из Политического архива Министерства иностранных дел, Бонн,

м-ра Кеннета Хегера из National Archives and Records Administration, Вашингтон,

госпожу д-ра Гундерман из Секретного государственного архива «Прусское культурное наследие», Берлин.

За обстоятельные интервью и разрешение использовать избранные материалы мы благодарим:

проф. Роберта В. Даниэльса, Вермонтский университет, Берлингтон,

проф. Ричарда Пайпса, Гарвардский университет, Кембридж,

проф. В.И. Старцева, Санкт-Петербургский университет.

Особая благодарность

господину Тапио Сало за его широкое сотрудничество при изучении района Хапаранды и предоставление материалов городского архива.

В качестве библиографического примечания авторы хотели бы указать на исследования и книгу историка Фрица Фишера «Griff nach der Weltmacht» (Схватка за мировую державу) и на диссертационную работу историка Винфрида Шарлау, оценки и факты которых послужили для сравнительного анализа.

Анализ Джорджа Ф. Кеннана в отношении американо-русской и -советской политики, его историческая оценка личности американского публициста Эдгара Сиссона и его деятельности в связи с «документами Сиссона» стали исходным пунктом для более широкого изучения, в пределах темы книги, истории с Сиссоном, которую авторы пытались представить в ограниченном виде.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДВОЙНОЕ НАЧАЛО	3
БЕГСТВО ИЗ ПЕТРОГРАДА	4
СТРАТЕГИЯ АПЕЛЬСИНОВОЙ КОРКИ	13
МЕЧТА О БОГАТСТВЕ	23
ПЕРВЫЙ МИЛЛИОН	31
СУММЫ И ИМЕНА	36
ТОРГОВЛЯ ГЕЛЬФАНДА	
СМЕШАННЫМИ ТОВАРАМИ	52
ЧЕРНАЯ ИКРА И ПУШКИ	69
МЕЛКИЕ ДЕНЬГИ И ПИСТОЛЕТЫ	76
МАРШРУТ ХАПАРАНДА	80
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГЕРМАНИИ	91
ПРИЗНАНИЕ «ДЕНЕЖНОЙ ЖЕНЩИНЫ»	108
ДЕНЕЖНЫЙ ТЕАТР И ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ	123
БОЛЬШОЙ ТРЮК	127
«ВЫСКАЗАТЬ, ЧТО ЕСТЬ»	133
«ПЕРВАЯ АПЕЛЬСИНОВАЯ КОРКА»:	
ФИНЛЯНДИЯ	145
УДАР КУЛАКОМ В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ	155
ВНОВЬ И ВНОВЬ ДЕНЬГИ И УБИЙСТВА	163
НА ТРИНАДЦАТИ САНЯХ В АМЕРИКУ	181
СВЕРЖЕНИЕ ИКОНЫ	206
ПРИЛОЖЕНИЯ	213
ПОЯСНЕНИЯ	250
ПЕРЕЧЕНЬ ИЗБРАННЫХ АРХИВОВ	253
ССЫЛКИ	254

Научно-популярное издание

Герхард Шиссер, Йохан Трауптман

**Русская рулетка
Немецкие деньги для русской революции**

Ответственный редактор *К.А. Залесский*
Технический редактор *Т. Тимошина*
Корректор *И. Мокина*
Компьютерная верстка *И. А. Ильиной*

Подписано в печать 16.03.2004 г.
Формат 84×108/32. Усл. печ. л. 15,0.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Заказ № 2329.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл,
ул. Кочетова, 28

ООО «Издательство Астрель»
143900, Московская обл., г. Балашиха, пр-т Ленина, 81

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru
E-mail редакции: magistr@astrel.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

В книге рассказывается о громадных денежных суммах в марках и рублях, поступавших на счета большевиков из германского Рейха. Немцы рассчитывали на ослабление Российской империи и выгодный сепаратный мир. Ленин же – которого они считали марионеткой – долг решил вернуть по-своему.

Победа большевиков в октябре 1917 года с самого начала являлась также результатом единственного в своем роде, исторически беспрецедентного заговора большевиков во главе с Лениным и германских генералов и дипломатов.

Основываясь на многочисленных документах, многие из которых считались утраченными, на раскрытых фальшивках и на материалах, до сих пор носящих гриф «Совершенно секретно», авторы исследуют все детали этого заговора и вскрывают его подоплеку. Впервые подробно описывается сенсационная политическая сделка и развенчивается ее легенда. История германо-российских отношений, а также уничтожение Сталиным соратников Ленина предстают на ее страницах в новом свете.

ISBN 5-17-023707-3

9 785170 237074